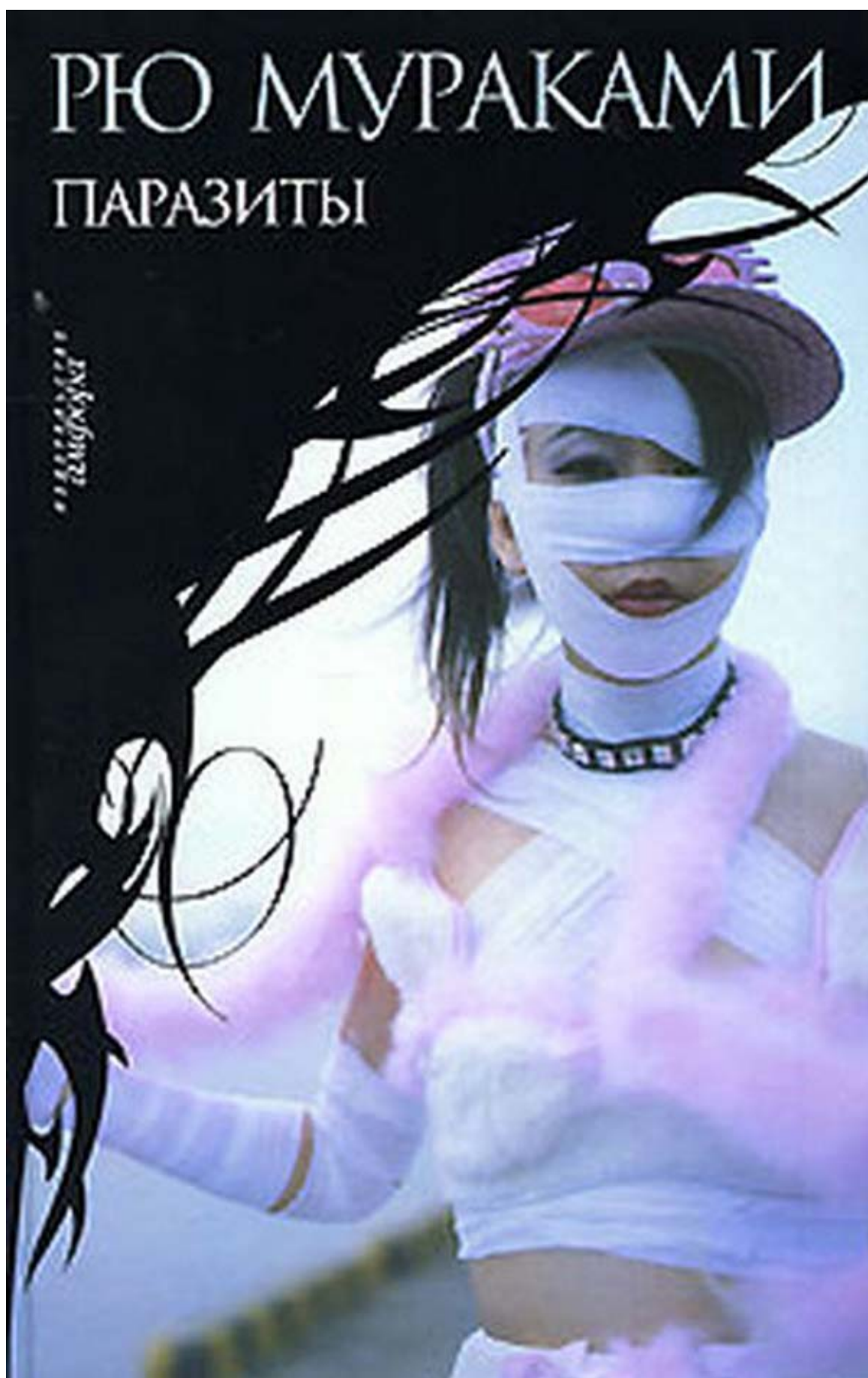

РЮ МУРАКАМИ

ПАРАЗИТЫ

«АСТ»

РЮ МУРАКАМИ

ПАРАЗИТЫ

I

Уихара давно уже ни с кем не разговаривал.

Когда он только-только поступил в младшую среднюю школу, мать отвела его к психиатру, но тот лишь посмеялся над мальчиком. Тогда Уихара замкнулся в себе, и даже родители больше не смогли выжать из него ни слова.

Семейство обитало в заштатном городишке, расположенном где-то между префектурами Токио и Сайтама. Всего пять человек — отец, мать, старший брат, сам Уихара и сестра. Это были ничтожные, посредственные люди. Отец работал бухгалтером в строительной конторе, мать не представляла собой ничего особенного и развлекалась сочинением трехстиший — хокку. Старший брат в свое время поступил в престижный институт в Сайтама (главным образом благодаря своим достижениям в бейсболе), но ни разу так и не участвовал ни в одном турнире, в связи с чем был благополучно отчислен. Отец нашел ему место при муниципалитете, и теперь братец сражался за местную команду. Сестра еще училась в институте. Уихара подозревал, что она до сих пор девственница. Каждая черточка ее лица, каждая складочка ее наряда выдавали в ней полную бездарность, а отсутствие интереса к мальчикам и манера безвкусно одеваться делали ее совершенно отвратной.

После двух лет обучения Уихара отказался ходить в школу. К тому времени ему исполнилось четырнадцать. Мать начала таскать его по врачам, но это мало помогало — Уихара окончательно ушел в себя. Когда терпение родителей наконец иссякло, ему сняли небольшую квартирку недалеко от дома и махнули на него рукой. Как выразился брат: «Наверное, для тебя просто нет места в этой жизни». Время от времени к нему заходила сестра, но, поскольку Уихара упорно не открывал рта, она ограничивалась тем, что приносила ему пиццу или пирожное и тотчас же выскакивала вон из квартиры. Отца он не видел уже года два. Раз в неделю приходила мать, кормила его и перемывала накопившуюся грязную посуду. Иногда она ни с того ни с сего начинала

говорить о религии или о какой-нибудь только что прочитанной книге, но уходила ни с чем — Уихара молчал как рыба.

Его уже никто не звал по имени, даже мать и сестра. Нет, имя, конечно, у него было, но Уихара отказался от него, как только бросил учебу. В один прекрасный день он просто перестал отзываться на него, и это явилось первым знаком его ухода из этого мира. По степенно Уихара стал забывать всю свою прошлую жизнь. Еще в школе он решил выбросить из головы все, что успел узнать, и теперь не помнил почти ничего. В какой-то мере этому поспособствовали и препараты, прописанные ему психиатром.

Но три недели тому назад, к неопишуемой радости матери, Уихара вдруг выказал желание иметь компьютер. Мать немедленно купила ему ноутбук, но попросила ничего не говорить отцу. «Пусть это будет нашей маленькой тайной», — нежно проворковала она ему на ухо. Уихара обратился в провайдерскую фирму, и вскоре у него появился выход в Интернет и электронный адрес.

Тогда-то ему на глаза попалось имя телеведущей Йосико Сакагами. Оно стояло под статьей на одном из сайтов в Сети. «Присылайте свои суждения и комментарии, и я обязательно свяжусь с вами», — гласило объявление.

Обычно Уихара проводил все свободное время с игровой приставкой. Но из-за антидепрессантов, что прописал врач, ему было трудно сконцентрировать взгляд на экране и игры пришлось бросить. Иногда Уихара становилось так плохо, что он даже не мог нажимать на клавиши. Зато теперь он был ошарашен осознанием того, до чего же глупо тратил свою жизнь.

Впрочем, о существовании Йосико Сакагами он знал и раньше. Однажды он совершенно случайно увидел ее лицо на телеэкране. Накачанный транквилизаторами, Уихара передвигался с огромным трудом, а в тот день его вообще хватило только на то, чтобы доползти до ванной. Он уже вытирался, когда раздался голос матери: «Смотри, вот Йосико Сакагами!» Это имя почему-то сразу закралось в его душу. «Она нравится тебе?» — не отставала мать. Уихара кивнул. На следующий

день мать принесла ему книгу Сакагами. Текст был набран крупными литерами, но изобиловал непонятными иностранными словами, и Уихара забросил это занятие.

Как и многие другие персональные странички, сайт Йосико Сакагами по большей части представлял собой что-то вроде дневника. Правда, там имелся и форум, где посетители могли оставить свои толкования тех или иных вопросов. Темы обсуждений обычно касались серьезных проблем международного характера: ситуация на Ближнем Востоке, кризис в Юго-Восточной Азии, ирландская проблема, генная инженерия, экология и токсичные выбросы. На сайте был указан электронный адрес Йосико Сакагами, но Уихара полагал, что у нее должен быть еще один, не предназначенный для широкой публики. «Да и вряд ли можно ответить на все присылаемые письма», — думал Уихара. «Глубоко признательна Вам за Ваш отзыв» — вот и все. Уихара совсем не хотелось получить что-нибудь подобное, и он раздумал писать.

Йосико Сакагами прельщала его своим строгим выражением лица и раскосыми глазами. К тому же она постоянно появлялась в красном. Еще ребенком Уихара нравились курносые женщины с очень узкими глазами и выступающим подбородком. Возможно, дело было в том, что его собственная мать обладала невыразимо мягкими чертами лица. А с тех пор как он заперся от мира и людей в своей камерке, его влечение к противоположному полу почти исчезло. Разглядывал ли он фотографии обнаженных женщин, смотрел ли ночные программы для взрослых — он всегда видел только обнаженных женщин. Причины, по которым эти женщины раздевались и принимали соблазнительные позы, оставались для него неясными. Несомненно, это был побочный эффект от воздействия препаратов, которые его заставляли принимать. Лечащий врач даже опасался, что Уихара, к которому никто, кроме его домашних, не приходил, может потерять не только сексуальное желание, но и все остальные желания тоже.

Иногда с Уихара случалось нечто вроде приступа сексуального возбуждения. В такие минуты он походил на новорожденного ребенка,

который посредине глубокого сна вдруг широко распахивает глаза и разражается диким ревом. Однако такие приступы никак не были связаны с эротическими картинками в журналах. Как правило, они случались перед самым пробуждением или в тот момент, когда заканчивалось действие снотворного. Впечатление было такое, словно стены его комнаты покрывались трещинами, из которых выползло некое существо, способное внушить Уихара столь сильное желание, что временами у него начинала кружиться голова. Как казалось самому Уихара, причиной этих приступов являлось не столько его либидо, сколько его отчаянное, дремучее одиночество. Уихара не стеснялся даже присутствия матери и мастурбировал так яростно, что иногда сдирал кожу на своем детородном органе. Раньше мать плакала и била его, а теперь просто смотрела на сына, уподобляясь натуралисту, рассматривающему какое-то диковинное насекомое. Но как бы то ни было, личность Йосико Сакагами не имела никакого отношения к этим приступам.

Серьезный интерес к Йосико Сакагами пробудился у него после передачи, в которой рассказывалось о колибациллезе толстой кишки. «Ученые пока не выяснили, что является причиной этого заболевания: вирус, бактерии или какой-то вид паразитов. Научные знания остаются крайне скудными, а болезнь тем временем продолжает распространяться. Небогатую информацию об этом феномене можно найти, в частности, в южнокорейской прессе, — вещал голос телеведущей. — В заключение я хочу отметить, что не было бы ничего удивительного, если бы при таких обстоятельствах данные виды патологий продолжали бы распространяться по всему миру... если уже не распространились».

Я не выхожу из дому и ни с кем не общаюсь без малого восемь лет. Вы, наверное, и не подозреваете, что существуют такие типы, как я. Это настоящие отшельники, никогда не выходящие на улицу. Впрочем, я сам о них ничего не знаю, да и не хочу знать вообще ни о ком. Поэтому-то я и сижу взаперти. Быть может, если бы среди вас нашелся кто-нибудь,

кому это было бы интересно, то я, со своей стороны, мог бы много чего порассказать. Короче, я готов поговорить о себе, и желательно с женщиной. На фиг мне мужики, я ж не гомик. Кроме того, я был бы очень счастлив, если бы мне что-нибудь написала Йосико Сакагами. Вы уж извините меня за резкость этого письма, но иначе я не умею...

Такой текст он набрал, когда ему пришла в голову мысль засветиться на форуме у Йосико Сакагами. Поскольку Уихара еще не освоился с клавиатурой, на это письмо у него ушло около трех часов. Он подписался «Раздолбай», нажал на клавишу ввода, и сообщение ушло. От дьявольского коктейля из антидепрессантов сильно болела голова. К тому же Уихара пришлось немного помучиться, чтобы скрыть свой электронный адрес. Страшно было подумать, какую реакцию на форуме могло вызвать подобное письмецо... Когда он нажимал на клавишу «Отправить сообщение», сердце прыгало в груди, словно лягушка. Голова трещала невыносимо. Уихара это напомнило время его учебы в школе. Ему начало казаться, что воздух сгущается вокруг него и образует некое подобие стены из иголок. Он попытался поднять руку, и это ощущение усилилось. Страх и боль терзали его изнутри. И все же Уихара был рад, что смог отправить свое послание — он верил, что одна только Йосико Сакагами способна объяснить ему суть происходящего и лишь она одна сможет определить того зверя, который жил внутри него. Этого не сделал бы никто в мире, кроме нее.

Чуть погодя Уихара проверил, дошло ли его сообщение. Работая, он предпринимал поистине титанические усилия, чтобы не заорать от боли. «Компьютер — прекрасное средство общения», — думал он. Действительно, незачем скрывать свое лицо, да и физиономий читателей не видно... Когда-то ему никто не поверил, что главной причиной его ухода из школы был запах лосьона одного из учителей. Уихара не знал, как он назывался, но от свежесбритой физиономии преподавателя несло какой-то тухлятиной, чем-то напоминавшей запах сгнившего апельсина. Тогда Уихара как-то не приходило в голову, что и другие ученики тоже могли страдать от этой вони. Обычно учитель

останавливался около места, где сидел Уихара, и говорил ему всего три слова, которых тот не понимал. По утрам, лежа в постели, Уихара чувствовал страшную слабость во всем теле. От мысли, что опять придется выносить эту вонь, все его существо пронизывала боль... А вот на форуме не чувствуется никакого запаха. Авторы сообщений могли вонять как угодно — компьютер просто выводил на экран значки и буквы. Не нужно было напрягать слух, чтобы услышать голос собеседника, не нужно было говорить самому. Уихара было незачем проявлять свою индивидуальность — участники форума все равно ничего бы не увидели. Зато выражать свое мнение можно было любым способом.

Два дня на его сообщение не поступало никаких отзывов. Наконец на третий появился заголовок: «Это грешно!». Далее следовало:

У меня тоже есть приятель-отшельник. Вообще такой тип встречается довольно часто. В этом гнусном мире самоубийство — величайший грех, а отшельничество ничем не лучше самоубийства. Это абсолютное зло. Здесь, на этом форуме, больше в чести рассуждения о всяких там инспекциях в Ираке или споры о пересадке органов... Мне же кажется, что подобные проблемы должны скорее волновать государственных мужей, нежели простых смертных. Ну а твоя проблема?! Ну да, я думаю, что тебе паршиво. А кому сейчас легко? Мне тоже бывает хреново. Но боль бывает разной. Одно дело страдать оттого, что америкосы бомбят Сербию, а другое — когда кто-то из твоих близких находится в коме. Вот ты пишешь, что хочешь с кем-нибудь поговорить. Ну что ж, я дам тебе хороший совет: встань, оденься, выйди из своей каморки на улицу, познакомься с кем-нибудь и говори сколько влезет...

Неизвестный подписался «RNA». Грубоватый тон отзыва ничуть не обескуражил Уихара, и он решил ответить. Возможно, этот RNA что-нибудь знает о Йосико Сакагами. Уихара склонился над клавиатурой, и от неловкого движения боль иглой прошла его мозг. «Должно быть, —

подумал он, — боль имеет свое материальное воплощение». Уихара представлял ее в виде какой-то мельчайшей частицы, которая вращается вокруг его головы и тела. Эта частица периодически жалила в самые неожиданные места, что напоминало боль от ожогов медузы или морского анемона. Уихара поморщился и принялся набирать ответ указательными пальцами.

Г-н / Г-жа RNA! Я очень признателен вам за ваш отзыв. Да, это пишу я, Раздолбай. Еще раз спасибо. Как и вы, я являюсь поклонником Йосико Сакагами. У меня к ней срочное дело. Главное затруднение вызывает тот факт, что я стесняюсь писать ей по указанному на сайте адресу. Понимаю, моя просьба может показаться вам невежливой, но дело в том, что мне очень нужно поговорить с ней как раз по поводу моей болезни. Не соблаговолите ли вы указать мне другой адрес г-жи Сакагами? Еще раз дико извиняюсь, но это для меня очень важно.

Еще через два дня последовал ответ от RNA. Уихара чуть не подпрыгнул от радости — это было первое сообщение, адресованное лично ему. Кое-что из этого письма показалось ему немного странным.

Uehara wrote:

- Еще раз спасибо.
- У меня к ней срочной дело.
- Главное затруднение вызывает
- тот факт, что
- я стесняюсь писать ей
- по указанному
- на сайте адресу.

Думаю, твоя просьба выполнима. Единственное условие — мы удаляем сообщения, содержащие прямую критику в адрес г-жи Сакагами. Иногда на форуме появляется какая-нибудь мерзость, а ведь ведущая тележурнала — очень уязвимая фигура для подобных вещей. Здесь не встречается ни политических левацких прокламаций, ни либерального бреда — вот и переходят на личности. Ты наверняка знаешь, что японские пресса и телевидение начисто лишены какой бы то ни было критики — как следствие все сводится к рассуждениям о личной

жизни. С каким парнем ее видели в баре, как, кто, с кем и когда... Одним словом, гнусность. Малейшая неосторожность — и некоторые готовы делать из мухи слона. А наш сайт еще пуще распалает этих господ, ведь г-жа Сакагами у всех на виду. Конечно, проще всего было бы просто закрыть нашу страничку, но, видишь ли, Йосико Сакагами не из тех, кто пасует перед трудностями. Мы восхищаемся этой замечательной женщиной и были очень рады, что и ты разделяешь нашу точку зрения. Кстати, нам удалось декодировать твой электронный адрес... Понимаешь, у нас хорошо разбираются в программировании. Есть даже настоящие хакеры, для которых не составляет труда вычислять всяких шизиков и дурачков, которых в Сети не меньше, чем в жизни. Нет-нет, мы тебе не угрожаем! Просто я говорю так, как есть. Это не блеф. Короче, на основе своего горького опыта мы пришли к выводу, что другой возможности оградить Йосико Сакагами от несправедливых нападков просто не существует. Разумеется, это не означает, что мы читаем все сообщения, которые приходят на сайт. Но, как бы то ни было, мы не потерпим ни малейших оскорблений в адрес г-жи Сакагами.

Прочитав это послание, Уихара здорово струхнул. Ему стало казаться, что он находится под чьим-то неусыпным наблюдением, и от такой мысли по его телу прошла дрожь. «Надо немного обождать и не влезать в Сеть», — решил он.

На следующий день к нему пришла мать.

— Ты не забыл, что на следующей неделе мы идем к врачу? — спросила она.

Уихара ничего не ответил. Мать вывела его на балкон и принялась убираться в комнатах.

Прямо перед домом, где жил Уихара, протекала узенькая речка. За ней находилось игрушечных размеров кукурузное поле, стиснутое со всех сторон автостоянками. Вдали виднелись горы, начавшие обряжаться в осенние цвета. Но он не обращал на это великолепие никакого внимания — все время размышлял о Йосико Сакагами. Думал

только о ней и о том, действительно ли эта необыкновенная женщина так сведуща в вопросах микробиологии.

Это снова я. Я понимаю, что г-жа Сакагами чрезвычайно занятой человек. Мне трудно даже представить, как ей удастся прочитать все эти сообщения, но тем не менее все же попробую изложить мою проблему.

Я никуда не выхожу и живу затворником. Ко мне приходят лишь мать и сестра. Ну, еще меня возят к врачу. Но даже с этими людьми я не разговариваю. И вот сегодня я решился доверить мою тайну г-же Сакагами. Я еще никому не рассказывал об этом, разве что своему психиатру, который посмеялся надо мной и посоветовал перестать маяться дурью.

Г-жа Сакагами, вы когда-нибудь видели, как умирает человек? Я не спрашиваю вас, видели ли вы смертельно больных или уже умерших. Я имею в виду смерть, которая происходит у вас на глазах.

Я видел. Я ходил тогда в третий класс. Я пытался забыть, но, как понимаете, это мне не удалось. Это был мой дедушка. У него был рак. Сначала он долго лежал в больнице. Потом мне рассказывали, что у стариков раковые клетки развиваются гораздо медленнее, чем у молодых. Кто знает, может, это и так... Я любил деда больше всех. Можно сказать, что, кроме него, у меня никого и не было. Он часто брал меня с собой на рыбалку. До океана было слишком далеко, так что мы ездили на реку к плотине или в верховья реки Кита, где горячие источники. Там водилось много форели. Я прекрасно помню, как по полям пробегал ветер и сдувал семена одуванчиков. Вообще я равнодушен к растениям и цветам, но одуванчики мне нравятся.

Незадолго до смерти дедушка стал стремительно худеть. Я ходил к нему в больницу чуть ли не каждый день и отчетливо видел, как прогрессирует его худоба. Сначала он лежал в общей палате с другими больными. Потом его перевели в комнату, где стояли всего три койки. В нос ему вставили какие-то прозрачные трубочки, все тело истыкали катетерами, поставили и капельницу. Мой брат называл эту палату «комнатой для живых мертвецов». Он-то шутил, но на самом деле это

было очень меткое определение того помещения. Каждый раз, когда я входил туда, у меня начиналось сильнейшее сердцебиение. Конечно, никто так не говорил, но все понимали, что отсюда живыми уже не выходили. В общих палатах, где пациенты (главным образом раковые больные) могли общаться друг с другом и куда, если болезнь отступала, допускались родные и близкие, была невыносимая атмосфера. Вы, наверное, знаете, что это действует не лучшим образом на больных (и не только раковых). Ведь пациент должен до конца верить, что выздоровеет. А если ваш сосед, с которым вы еще вчера премило болтали, вдруг умирает, то вряд ли такое сильно прибавит вам оптимизма. Именно поэтому особо тяжелых больных помещают в специализированные палаты. Вот и дедушку определили в точно такую же.

Там всегда царил полумрак. В любой комнате есть более или менее освещенные места: где-то темнее, а где-то светлее. Но в дедушкиной палате полумрак распространялся равномерно, даже в самых отдаленных уголках. Это ощущение усиливалось оттого, что во всей комнате не было ничего, кроме трех кроватей, штативов с капельницами и аппаратов искусственного дыхания. Это была комната без теней. Родители говорили мне, что навещать каждый день в больницу необязательно, особенно теперь, когда дедушка лежит в отдельной палате. Но я все равно приходил. Дедушка все время лежал с закрытыми глазами и почти не просыпался. Он не разговаривал и, конечно, не вставал.

Больница была как раз посередине между моим домом и начальной школой. Хотя я был еще совсем маленьким, меня отпускали на улицу одного. Меня знали все медсестры и врачи — они и пускали меня в ту комнату. В муниципальных больницах вечно толчется масса народу. Дедушкина палата находилась на втором этаже, и лифт мне был ни к чему. Лестничные окна выходили в сад, и мне было прекрасно видно всех, кто там прогуливался. Я заметил, что в больницах люди ходят как будто по ковру из иголок. Они всегда чем-то обеспокоены, но на лицах никогда не увидишь высокомерного выражения. Никто не повышает

голоса — люди приходят просить помощи. Все тихи и невозмутимы. Я поднимался по ступенькам и украдкой разглядывал идущих навстречу.

На втором этаже было три больших палаты и пять-шесть маленьких. Мне нравилось проходить мимо дверей общих палат, где лежало человек по пятнадцать. Все разговаривали очень тихо, почти шепотом. Глядя в раскрытые двери палат, я пришел к выводу, что болезнь — замечательная штука. Кто-то из родных гладил больного по спине, кто-то, с букетом цветов, склонялся над лежащим на постели и что-то тихо говорил ему на ухо. Я видел расprostертых на койках страдальцев... В этих палатах царили покой и ясность... все казалось таким мирным. Поскольку телевизор смотреть было нельзя — это слишком утомляло глаза, — можно было различить слабый гул голосов, словно работал приглушенный радиоприемник. Везде чувствовался запах дезинфицирующего раствора. Пол был, кажется, светло-голубой, а стены выкрашены в металлический цвет. Дальше по коридору была дверь со светящейся надписью «Пожарный выход». А прямо напротив располагалась дедушкина палата. Я входил... и различал только дыхание трех донельзя исхудавших стариков. Мое сердце начинало колотиться часто-часто. Я смотрел на этих стариков, и простыни, что покрывали их до подбородка, чуть приподнимались в такт их дыханию. Иногда мне чудилось, будто это не люди, а только лишь белые покрывала. Я знал, что мой дедушка лежит на средней кровати, а иначе ни за что не отличил бы его от других — настолько все они были похожи. Их лица одинаково осунулись, глаза запали, и к тому же сходство усиливали торчащие из ноздрей трубки. Одно и то же лицо... В углу комнаты стоял букет цветов — с него даже не снимали обертки.

В детстве я очень любил праздник Хина-мацури — родители надо мной даже подсмеивались. Когда на свет появилась моя сестренка, отец принес домой алтарь с куклами в семь ступеней. И как только наступал праздник, я часами просиживал рядом с этой подставкой и смотрел на кукол. Больше всего меня привлекало то, как ровно они были расставлены. По-моему, это главное достоинство праздника Хина. Так вот, три старика напоминали мне этих деревянных кукол.

Уихара тяжело и часто дышал, правая половина его головы горела огнем. Но, несмотря на это, он продолжал стучать по клавиатуре так, что уже не чувствовал пальцев. «Н-да, а ручкой вышло бы дольше», — думал он. Его мозг отупел, голова склонялась все ниже и ниже над экраном ноутбука. Уихара сам удивлялся, как он до сих пор не упал без чувств. После основательного курса лечения стимуляторами он сильно ослаб и проводил дни и ночи в почти полном оцепенении, прерываемом иногда острыми мигренями. Он жил как бы в полусне.

Уихара нажимал на клавиши своего компьютера и старался вспомнить, как выглядела палата, где умирал его дед. Каждое слово он набирал латиницей, а потом щелкал пробелом, и буквы превращались в иероглиф. Складывалось впечатление, словно он играл в конструктор «Лего» или превратился в крестьянина, высаживающего рис. Уихара начал свое письмо что-то около часа дня, а теперь часы показывали два ночи. В комнате было холодно и пусто — ни стола, ни стульев, ничего, кроме кровати, магнитофона и телевизора. Уихара совсем позабыл, что на улице минусовая температура, и не включил обогрев, отчего в его клетушке в восемь татами смело можно было морозить волков. За весь день он съел только два бутерброда с арахисовым маслом и сейчас чувствовал адский голод. Он поежился, набросил на плечи одеяло, поправил компьютер и застучал дальше. Его губы посинели, колени тряслись, но Уихара уже ничего не замечал.

Люди, лежащие ровнехонько в ряд, и куклы-хина имеют много общего. Особенно это заметно в таких местах, как храмы, например в Киото или в Ангкоре, где многочисленные фигуры Будды выстроены друг напротив друга. То же самое и с куклами-хина. Когда смотришь на них, то обращаешь внимание не только на внешность трех фрейлин или императорских музыкантов. Значение имеет и их пол, и звание, и чин...

Именно поэтому эти куклы всегда притягивают взгляд. На них смотришь часами и вдруг начинаешь различать мельчайшие черточки их характеров, начинаешь понимать, что в них общего и что отличает одну

куклу от другой. Те старики, как и куклы-хина, в конце концов стали мне понятны: я распознавал их по характерам и видел то, что их всех объединяло: они были наполовину мертвы. Я ходил к ним каждый день, садился на табурет и смотрел. И никто из них ни разу так и не открыл глаз. Вы, наверное, сочтете меня за какого-то извращенца... не знаю... но когда я выходил из больницы на улицу и ощущал, как легкий ветерок ласкает мне щеки, в те минуты я понимал, что действительно живу. Именно живу, а не существую, как те трое стариков. Конечно, сказать про них «наполовину мертвые» — значит ничего не сказать. Я ежедневно наблюдал за умирающими людьми, я слышал, как булькает жидкость в их капельницах. Это напоминало шум падающих дождевых капелек перед грозой. Старики были такими худыми, что временами казались одинаковыми. И лица их тоже почти не отличались: скулы едва не прорывали кожу, глаза запали. У одного из носа торчала тонкая прозрачная трубочка, второму на лицо была надета кислородная маска, похожая на клюв. У каждого в руку была воткнута тончайшая иголка, прикрепленная к длинной трубке от капельницы. Третьему вместо маски надели на шею бандаж, через который прямо в горло шла толстенная кишка, позволявшая ему дышать. Простыни, закрывавшие грудь, медленно приподнимались и опадали, и старики глухо кашляли... «Наполовину мертвые...» Точнее было бы считать всё это переплетение трубок и трубочек, кислородные маски, аппараты искусственного дыхания, экраны, мониторы, капельницы — всю эту хрень — единым новым живым организмом. Все трое были совершенно похожи, за исключением одного момента: способа дыхания. Впрочем, это пустяковая разница... Нет, они различались еще и по строению: у моего дедушки лицо выглядело более вытянутым, и шея была подлиннее. Зато у его соседа слева, с трубкой в горле, были черные волосы. Черные как уголь! Кроме того, иногда я замечал, что он слегка улыбается. Не знаю, может, ему что-нибудь снилось или он просто мечтал. Из всех троих он был самый тощий. Наверное, поэтому у него по всему лицу были рассыпаны маленькие пятнышки непонятного цвета. Они сползали на грудь и были заметны даже на внутренней стороне предплечий. Это

были не пигментные пятна и не гематомы, которые часто можно видеть у пожилых. Размером пятнышки были от ноготка младенца до десятииеновой монеты.

Сосед справа ничем особо не выделялся, разве что молочно-белым цветом своей кожи. Разумеется, солнечный свет в палату почти не проникал, но все равно кожа третьего старика была настолько белой, что он напоминал китайскую фарфоровую вазу, которую я видел в Национальном музее в парке Уэно. Казалось, что несчастного старика кто-то аккуратно покрыл тонким слоем белил. Сквозь полупрозрачную кожу виднелись сине-красные вены, особенно хорошо заметные на подбородке и предплечьях. Время от времени я подсаживался поближе, чтобы полюбоваться этими венами. По цвету они напоминали растворенную в воде гуашь и образовывали на поверхности кожи причудливые узоры.

В тот день я в очередной раз подошел посмотреть на его вены и в ту же минуту увидел червя. Свет, падавший из окна, освещал только середину комнаты... Я стал разглядывать вену на шее старика — она пульсировала чаще остальных — и вдруг краем глаза заметил нечто. Сначала подумал, что это всего лишь тень от какой-нибудь трубочки. Но это была не тень... во всяком случае, я пригляделся получше, и тут мне стало не по себе. Я знал, что иногда легкие пластиковые трубки могут произвольно шевелиться, например, от вдоха или выдоха. Мне показалось, что я вижу покачивающегося на ниточке паука... Нечто вытекало из ноздри старика и извивалось, словно тонюсенькая змейка. «Может, сопля?» — подумал я. Сопля была похожа на тонкую серую нить, на какое-то длиннотелое животное... или насекомое... Оно вылезало из носа все больше и больше — его тело оказалось разделено на многочисленные сегменты, которые растягивались и сокращались. Я сидел как прикованный, я не мог ни выскочить из палаты, ни даже крикнуть — как будто кто-то зажал мне рот и с силой надавил при этом на плечи. Червяк все выползал и выползал и вился уже на губах старика.

Иногда он приподнимался над кожным покровом и тогда становился похож на змею или слизняка... хотя у него и не было головы. Он был не толще волоса, но тем не менее я отчетливо видел места его сочленений, похожие на складки между фалангами пальцев человека. Я был настолько поглощен разглядыванием диковинного червя, что даже не заметил, как старик перестал дышать. Червяк сполз по его губам, миновал возвышение, которое образовывал подбородок, и устремился вниз по шее. Потом я увидел, как он приподнял переднюю часть своего туловища и в мгновение ока оказался уже у меня на ладони! Он прополз по моей руке и стал подниматься к лицу. Я поразился длине этого чудовища: его задняя часть еще только вылезала из ноздри мертвого старика, а он уже миновал мой нос и стал проникать, втягиваясь, в меня через глазницу. Как ни странно, но я не почувствовал никакой боли... Я сидел и наблюдал, как эта серая нить переползает от трупа ко мне. Когда он коснулся моего глаза, я на какое-то время перестал видеть. Червяк висел в пространстве между нами, образуя некое подобие моста. Я несколько раз провел рукой по лицу, словно обрывая прилипшую паутину, но безрезультатно. Скорее я делал это инстинктивно... Вдруг червяк разделился надвое, и та его часть, что впивалась мне в глаз, секунду болталась в воздухе, а затем исчезла у меня под веком. Повторяю, у меня не было никаких неприятных ощущений. Вторая половина червя еще продолжала извиваться, хотя и не так резво, как раньше. В ту же минуту в палату вошли две медсестры, и я вылетел вон. А червяк так и остался извиваться на теле умершего старика.

После этого случая я больше не ходил в больницу. Я пришел туда только один раз — когда умер мой дедушка. Я так боялся, что и из его носа на меня прыгнет червяк... Вот, собственно, и весь мой секрет. Я рассказал об этом своему психиатру, но он рассмеялся и ответил, что это обычная галлюцинация, которая часто случается у маленьких детей. И еще он посоветовал мне поскорее забыть про этого червя... Больше я ни с кем не делился воспоминаниями.

Впрочем, мне не кажется, что именно из-за этого червяка я бросил школу и затворился от мира. Мало того, я даже думаю, что этот червяк

не мог послужить непосредственной причиной смерти того старика. Старик достаточно пожил и был уже в весьма преклонном возрасте — вряд ли червяк убил его.

В школьной библиотеке я прочитал все, что возможно, о паразитах, но об этом черве нигде не было ни строчки. Ни в книгах, ни в фондах Музея естественных наук я не нашел ничего подобного.

Г-жа Сакагами, если вам что-то известно об этом феномене, я был бы бесконечно признателен, если бы вы сообщили мне хоть какую-нибудь информацию.

Когда Уихара закончил, за окном уже начало светать. Он почувствовал, что еще одна минута, и он откажется от этой затеи с письмом Йосико Сакагами. Поэтому он поскорее нажал на опцию «Прикрепить файл» и щелкнул по клавише ввода. Душа его была совершенно опустошена. Спать не хотелось. Уихара уже начал раскаиваться в своей поспешности: Йосико Сакагами наверняка сочтет его сумасшедшим и поднимет на смех. Но в то же время он ощущал некоторое удовлетворение — наконец-то ему удалось высказаться! Его трясло как в лихорадке. Уихара взялся за градусник и обомлел: тот показывал чуть выше тридцати восьми. Он быстренько проглотил несколько таблеток из тех, что прописал психиатр, но сон все равно не шел. «А не выйти ли на улицу? — вдруг подумал Уихара. — Да, на улицу. Наружу...» Эта мысль захватила его мгновенно, без предварительного обдумывания. Как будто она хранилась где-то глубоко в мозгу и дожидалась того часа, когда Уихара наконец выразит желание пойти прогуляться. Он не стал долго размышлять над этой загадкой — какая разница, внушила ли эту мысль чья-то неведомая воля и стоит ли сопротивляться ей?

Он выключил ноутбук, положил его на кровать и стал разыскивать свою одежду. Он уже забыл, где последний раз видел ее — обычно его одевала мать. Он нашел толстовку с надписью «Орландо Мэдджикс» и натянул ее поверх пижамы. Оставалось найти ботинки.

Часы показывали начало шестого утра. Из приоткрытой форточки тянуло холодом. Уихара так и не включил обогреватель и теперь основательно замерз. Без обуви нечего было и думать тащиться на улицу. Он отворил шкаф и вывалил на пол все его содержимое — ничего, что напоминало бы пару ботинок. Из головы Уихара совершенно вытравилось всякое воспоминание о процессе одевания. Он не помнил даже, когда последний раз выходил из квартиры. Раз в две-три недели мать отвозила его в больницу, но он не помнил и этого. Ничего — ни мыслей, ни ощущений... Впрочем, это немудрено: в больницу его возили в почти бессознательном состоянии.

— А, к черту ботинки! — пробормотал Уихара и прошел в ванную.

Он поднял взгляд и уставился на свое изображение в зеркале: когда в последний раз он смотрел на себя? Должно быть, несколько лет тому назад. Зеркало висело прямо над раковиной, и не заметить своего отражения было невозможно. Перед зеркалом он ежедневно умывался и чистил зубы, но, вероятно, не осознавал этого. Нельзя сказать, что ему было противно собственное отражение или что он боялся смотреть себе в глаза — он просто не видел зеркала.

Некоторое время он разглядывал свою одутловатую физиономию. От лекарств и однообразной пищи его кожа приобрела гнусный мертвенно-бледный оттенок. Он вспомнил, что стоит босой, и вдруг прыснул:

— Нет, вы только посмотрите на эту рожу! Меня ж примут за дебила!

Он не смеялся с того самого момента, как поселился в этой квартире.

В прихожей он обнаружил кроссовки и несколько минут сосредоточенно пытался, пытаясь завязать шнурки.

— А куда же я пойду? — спросил он сам себя. — Ладно, на первый раз достаточно пройтись вокруг дома.

Он снял с гвоздика свою куртку и толкнул дверь.

Ночь отступала. Небо на востоке стремительно розовело, холодный воздух обжигал легкие. Уихара наслаждался, чувствуя его ледяное

дыхание. Глядя на речную гладь, в которой уже играли светлые блики, он захотел выпить пива. В кармане его куртки звенело несколько монеток по сто иен, тех, что он подобрал в обувной коробке в коридоре. За последние восемь лет он ни разу не испытывал желания что-нибудь купить даже в уличном автомате. А уж о пиве или еще чем-нибудь подобном у него и мысли не возникало. Тем более что врач строго-настрого запретил ему алкоголь. Правда, в глубине души Уихара плевать хотел на врача со всеми его запретами и предписаниями.

Около автомата он столкнулся сразу с тремя людьми: с молочником на велосипеде и двумя молоденькими девушками. Девушки, судя по всему, спешили на работу. Уихара тотчас же опустил голову и отвел взгляд, но все же успел заметить выражение ужаса на их лицах. Девушки, наверное, приняли его за бродягу и чуть было не бросились бежать. Во всяком случае, они никак не выказали стремления поближе познакомиться с эдаким привидением с длиннющими спутанными волосами, которые закрывали плечи и обрамляли распухшую рожу. «Я б их всех поубивал, честное слово», — подумал Уихара, опуская монетки в щель автомата. Он попытался вообразить, как он убивает сначала молочника, а потом и этих девиц. Ему показалось, что сейчас как раз самое время испытать свой «стенган» и газовый баллончик, которые купил по случаю и хранил до сих пор под кроватью. Или нет, лучше бейсбольной битой, как в фильмах с Робертом Де Ниро. Правда, вот незадача — всю одежду изгадит кровью. Уихара явственно ощутил, как бита, чуть подрагивая в его руках, отскакивает от черепа одной из девушек и у него по спине бегут мурашки. Он вспомнил, как когда-то давно отец пару раз водил его в клуб единоборств. Если удар хорошо поставлен, то расколоть человеческую голову — раз плюнуть. Бейсбольные биты все-таки слабоваты для такого дела. Учитель в школе рассказывал, что человеческий мозг напоминает желе или заварной крем и поэтому надежно укрыт в костяном ящике. «А внутри черепа, — продолжал учитель, — он плавает, словно кусочек тофу на блюде».

Уихара стоял перед автоматом с банкой пива в руке и все размышлял, сколько силы нужно приложить, чтобы разбить человеку

голову. Интересно, а как из расколотого черепа вытекают мозги? И какой у них цвет?

Уихара открыл банку и глотнул от души. От пива у него немедленно закружилась голова, да так, что пришлось лечь. Снотворное никак не действовало на него. Уихара сел на краю постели и снова водрузил себе на колени ноутбук. Машина пискнула и показала новое сообщение.

Uehara wrote:

- В школьной библиотеке я прочитал все,
- что возможно, о паразитах,
- но об этом черве нигде не было ни строчки.
- Ни в книгах, ни в фондах Музея
- естественных наук я не нашел
- ничего подобного.
- Г-жа Сакагами, если вам что-то известно...

Да, такой паразит действительно существует. Он называется хослокатерия. Его открыли два ученых-паразитолога во Франции и в Соединенных Штатах где-то в конце семидесятых. Однако их открытие было почти сразу же опровергнуто. Этого червя считали азиатской разновидностью бенкей-муси или энкейбенкей-муси. Научных данных почти нет.

Я один из тех, кто разбирает корреспонденцию, поступающую в адрес г-жи Сакагами. Пожалуйста, не думайте, что мы представляем собой некий цензурный комитет и у нас нет никаких систем фильтрации сообщений, и уж тем более никакого LD. Мы обращаем внимание только на оскорбительные послания или на те, что могут заинтересовать Йосико Сакагами. Меня зовут Ватанаби, и я состою в организации под названием «Интер-Био».

По неподтвержденным сведениям, экскременты этого червя (на самом деле это не червь, но для удобства я буду называть его именно так) представляют собой химическое соединение, способное провоцировать у носителя девиантное поведение. Может, это ваш

случай? Не испытывали ли вы желания убить кого-нибудь, не случались ли с вами припадки немотивированной ярости? Нашу организацию весьма заинтересовало ваше письмо. Надеемся, что вы свяжетесь с нами по указанному адресу... если, конечно, вам будет угодно.

Кстати, Йосико Сакагами также является членом «Интер-Био».

II

Прочитав сообщение, Уихара едва не подпрыгнул от радости. Сердце его готово было вырваться из груди, горло сжал спазм. В пустом желудке плескалось пиво. Он был так ошеломлен, что почти ничего не понял из прочитанного. Залпом прикончив банку, он перечитал текст еще раз. Внизу стояла подпись: «Ватанаби».

Больше всего его поразили слова о том, что такой паразит — хослокатерия — действительно существует и еще — «сообщения, которые могут заинтересовать г-жу Сакагами». Остальное оставалось пока не вполне ясным. В целом письмо обрадовало Уихара, однако ему показалось подозрительным, что электронный адрес этого Ватанаби красовался в самом заголовке сообщения. Должно быть, у этой Йосико Сакагами внушительная свита. Первое сообщение было подписано аббревиатурой RNA, хотя он направлял письмо на ее личный адрес. Получалось так, что каждый раз ему отвечали разные люди.

«С этими знаменитостями всегда так, — усмехнулся про себя Уихара. — Иначе и быть не может». Он привык утешать себя собственными размышлениями.

В восьмилетнем возрасте им неожиданно овладел бес самоуничтожения. Уихара не мог заставить себя подняться с постели — при малейших попытках ему становилось невыносимо больно. Денно и ночью он думал только об одном: что делать, если окажется обречен на жалкое, ничтожное существование. Лежание, во всяком случае, немного облегчало страдания, особенно в тот период, когда он бросил учебу.

Обычно Уихара закрывал глаза и представлял себе глубокую яму. Он пытался вообразить ее очертания, горы выброшенного грунта, землекопов, их лица и одежду... Он мог сказать, что происходит вокруг этой ямы и какое стоит время года. Колючая проволока... ледяная

равнина, мерзлая земля... Вдалеке, на юру, чуть виднеется березовая рощица... Железная дорога... По другую сторону — снега, снега и снега, на сколько хватает глаз. И никто не знал, зачем копают эту яму.

Уихара подходил к самому краю и бросал туда всех, кого считал виновным в той ненависти, что он испытывал к самому себе, — отца, мать, сестру, брата, школьных товарищей и учителей. Он скручивал им руки, завязывал глаза и подводил по очереди к темнеющей пропасти. Он говорил им только: «Все нормально, без паники» — и легонько толкал в пустоту. А потом прислушивался, стараясь уловить звук упавшего тела. Как только в яму отправлялся последний приятель, Уихара хватался за лопату. Иногда из темноты доносились стоны и рыдания, какие-то нечленораздельные вопли. Забросать яму-могилу землей было совсем несложно. Наконец Уихара утомлялся, веки его слипались, и он засыпал, подсчитывая, сколько мерзлого грунта он перебросал на этот раз.

По утрам мать кричала на него, а он плакал и отказывался одеваться. Отец с перекошенным от гнева лицом стоял рядом и осыпал его проклятиями. Уихара всегда изумлялся: как же так, ведь он всех их побросал накануне в яму?

В конце концов сон сжалился над ним. Уихара повернулся на бок и закрыл глаза. Завтра он напишет ответ этому Ватанаби. Но перед тем как заснуть окончательно, Уихара не смог удержаться и представил, как сталкивает Ватанаби в яму. Тот почему-то был в очках с толстыми линзами и носил белую тогу.

Г-н Ватанаби, спасибо вам за отзыв. Признаться, я поражен быстротой, с которой вы ответили мне. Дело в том, что я совсем недавно приобрел компьютер и еще не успел освоиться с клавиатурой, поэтому даже коротенькое сообщение отнимает у меня уйму времени. А вы, судя по всему, отнюдь не новичок в этом деле. Но я надеюсь, что скоро смогу вас догнать...

Уихара сидел на кровати и перечитывал написанное, отпивая молоко прямо из пакета. Он проспал всего три часа и чувствовал себя

больным и разбитым. В животе творилась настоящая революция, но, что самое удивительное, ему хотелось есть. Обычно он спал не менее десяти часов в сутки, и то только после приема снотворного, а наутро чувствовал себя крайне паршиво. Встать с постели было для него настоящей пыткой, а уж о еде речи и вовсе не шло.

Я еще мало знаком с Интернетом, и многое в нем мне не совсем понятно. Я не понимаю, что такое LD... Мне хотелось бы порасспросить вас о многих вещах, но главное, что меня интересует, — это паразиты. Я очень удивился, узнав, что этот червь существует на самом деле. Но относится ли он к классу паразитов? А может, это какая-то разновидность вируса? Честно говоря, я не знаю, в чем заключается различие между паразитами, вирусами и бактериями. Неужели все дело в размерах? Г-н Ватанаби, вы, наверное, сочтете меня полным неучем, но, видите ли, я живу совсем один. На улицу не выхожу, так что у меня нет возможности посещать библиотеку. Я не знаю много чего, и вы бы оказали мне неоценимую услугу, если бы просветили меня кое в чем.

Скрючившись над своим ноутбуком, Уихара медленно набирал текст. На какие-то четыреста знаков ему потребовалось около трех часов. Он сомневался, упоминать ему или не упоминать Йосико Сакагами? В конце концов, его интересовала не столько она сама, сколько то, что она говорила тогда по телевизору о паразитах, живущих в толстой кишке. Теперь ему казалось, что его интерес к ней именно как к женщине возник только сейчас, когда он смог подобраться поближе, хотя бы и через Интернет.

Паразиты занимали Уихара уже давно. Еще в школе он пытался побольше разузнать про них, но ничего не достиг. А услышав однажды передачу Йосико Сакагами, он вдруг подумал, что она, несомненно, должна что-то знать об этом, и уже не мог забыть ее. Тот факт, что ему отвечал каждый раз кто-то другой, немного разочаровал Уихара. Но все же это было уже что-то. Теперь он точно знал, что червь существует.

Хослокатерия... Больше всего его обрадовало, что этот червь может вызывать неконтролируемые вспышки агрессии.

Ничего себе словечки употреблял этот Ватанаби! «Химическая субстанция, способная провоцировать у носителя девиантное поведение». Уихара так до конца и не понял, что это должно было означать. То, что он рехнулся, что ли? «Не испытывали ли вы желания убить кого-нибудь, не случались ли с вами припадки немотивированной ярости?..» — спрашивал Ватанаби. Уихара перечитал эту фразу раз десять.

— Ну разумеется! — воскликнул он, потеряв терпение.

Уихара не раз бил собственную мать. Обычно это происходило дома, и тогда по комнате летали тарелки и предметы мебели. Стоило ему выйти на улицу, как он начинал испытывать раздражение от вида случайных прохожих, шофера такси, доктора... Да нет, не мог же, в самом деле, какой-то червяк возбуждать в нем желание убивать! Вот и сегодня утром та же история — не успел отойти от дома, как у него возникло желание раскрошить бейсбольной битой черепа двум девушкам и молочнику. Он давно не испытывал такого сильного искушения. Хорошо, что биты под рукой не оказалось... Уихара все еще ощущал ее рукоятку в своей ладони. Так в чем же причина этой ненависти к людям? Он закрывал глаза и видел раздробленные головы и переломанные кости. Какая-то дикая сила сидела у него внутри — Уихара как никогда ощущал ее присутствие.

Несмотря на бессонницу, он чувствовал себя достаточно хорошо. Уихара уселся на кровати и поставил компьютер себе на колени. Он понимал только одно: теперь он свободен и может делать все что угодно. Так какого же черта стесняется прямо спросить о Йосико Сакагами?

...Я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Вы писали, что Йосико Сакагами также прочитала мое письмо. К тому же вы говорите, что не стали бы пересылать ей сообщение, которое было бы неинтересным. Я хотел бы знать, какую реакцию вызвало письмо у г-жи

Сакагами? Уверяю, я испытываю к этой женщине глубочайшее уважение. Для меня очень важно ее мнение, и я был бы счастлив получить от нее хотя бы коротенькую записку в несколько слов. Конечно, если это не составит для нее большого труда. Я плохо представляю, как такой занятой человек, как г-жа Сакагами, может уделять внимание чьим-то запискам. Но даже одно-единственное ее слово, несомненно, придало бы мне бодрости духа. Заранее благодарен.

Уихара закончил свое послание к двум часам дня. Безумно хотелось есть. Но холодильник был почти пуст: пирожки, немного капусты, пачка масла и ветчина в упаковке. В кухонном шкафу он нашел несколько коробок с лапшой, но все это было не то. Уихара и сам точно не знал, чего ему хочется.

С того момента, как проснулся, прошло уже пять часов. «Черт, я же забыл принять таблетки! А вечером я их принимал или не принимал? — размышлял Уихара, вертя в руках красно-белую упаковку. — А могут ли антидепрессанты подействовать на этого червя? Надо будет спросить». Но, как бы то ни было, все равно придется переться в магазин. Правда, теперь Уихара не боялся выходить один.

Уихара жил на самой границе префектур Токио и Сайтама, в двух минутах ходьбы от дома родителей. Выйдя на воздух, он огляделся. Привычная картина: речка, кукурузное поле и автостоянки. Уихара никогда не интересовался машинами. На ветру шелестели и хлопали разноцветные рекламные плакаты и флажки, и это чем-то напоминало школьную ярмарку. От реки тянуло холодом. Кукуруза была уже убрана, и голые стебли никли под ледяными порывами. Одним словом, это было обычное предместье, где не встретишь ни больших магазинов, ни небоскребов. Уихара пересек дорогу и вышел на набережную. Река в этом месте сильно суживалась и имела в ширину не более трех метров. Здесь постоянно чем-то подванивало — на противоположном берегу работал небольшой завод. Мать Уихара то и дело говорила ему: «Если предприятие не закроют, скоро вся эта гадость завалит оба берега и

вконец отравит воду». То же говорил и старший брат — мать все повторяла за ним. Она копировала даже его интонации и голос...

Некоторые здания завода служили складами для какой-то строительной фирмы. Дальше простиралась поля, но что на них возделывают, Уихара не знал. Кое-где уже появились новые дома и даже частные коттеджи. Он шагнул на лестницу, которая проходила вдоль всего фасада здания, — на нее можно было выйти из любой квартиры. В качестве защиты от ветра вдоль лестницы были укреплены большие листы гофрированного пластика. Уихара миновал автостоянку и вышел на старое шоссе.

Старое шоссе служило объездной трассой для большегрузных автомобилей, и прохожих на нем было очень мало. «Если ты когда-нибудь начнешь выходить из дома, — говорила мать, — смотри не попади под грузовик!» С того момента, как он поселился здесь, под колеса попали два старика. В память о погибших на краю дороги возвышался столб с табличкой. У подножия столба стояла молочная бутылка с увядшими цветами. Действительно, здесь было довольно опасно — проезжавшие грузовики едва не задевали своими бортами прохожих и окутывали их облаками вонючих газов.

Уихара перебежал шоссе и направился к магазину.

Уихара захотелось съесть онигири и выпить бутылочку «Колы-лайт». Выбирая себе рисовые шарики, он вспомнил, что произошло с ним здесь четыре года назад. «Кошмар!»

Был теплый летний денек. Уихара только зашел в магазин, как сразу заметил на своей футболке «Тайгер Вудс» огромное бурое пятно то ли от кетчупа, то ли от соуса. Наверное, он поставил его во время еды. Пятно было совсем свежее и еще распространяло слабый запах. Размером оно было не меньше десятииеновой монеты — придется потрудиться, чтобы его вывести. Уихара с ужасом подумал, что в таком виде предстанет перед продавцом. Побледневший, он двинулся вдоль прилавков. Покупать уже ничего не хотелось, но, решил Уихара, может показаться подозрительным, если он выйдет из магазина, так ничего и

не взяв. От волнения у него пересохло в горле и стало трудно дышать. Тогда он взял первый попавшийся альбом комиксов Манга и, ни жив ни мертв, направился к кассе. К тому моменту он довел себя до такого состояния, что, увидев продавца, едва не грохнулся в обморок...

Уихара положил в корзину несколько онигири и вдруг подумал: «А теперь-то все совсем по-другому». Неприятные воспоминания показались ему сущим вздором. Уихара ощущал необычайный прилив внутренней энергии — совсем неплохо для первого раза.

Перед тем как подойти к кассе, он посмотрел на себя в выпуклое обзорное зеркало, прикрепленное к потолку. Бледное, опухшее лицо, нездоровый цвет кожи, сальные волосы. К груди, у самого ворота, налипли какие-то перышки и хлебные крошки. «М-да, вряд ли кто на такого польстится!» — усмехнулся Уихара, оглядывая себя с головы до ног. Без малейшего колебания он подошел к кассе и протянул деньги сидевшей там барышне. Барышня бросила на него суровый взгляд, но Уихара уже было все равно. «Ничего-то ты не знаешь, детка, — подумал он, глядя ей прямо в глаза. — Ничего! А ведь во мне сидит такое... дерьмо, от которого я иногда становлюсь очень злым, детка. Нет, ты ничего не понимаешь. Ну скажи мне что-нибудь, детка! А я разобью тебе голову...»

Выйдя из магазина, у самой ограды автостоянки Уихара заметил телефон-автомат и скамеечку. Было тепло, выглянуло солнце, и он решил присесть и съесть свои онигири прямо тут. Это было тихое местечко — не было слышно даже рева грузовиков с шоссе. Щебетали какие-то птички, но, сколько ни вертел головой, ни одной он так и не увидел.

Уихара сорвал обертку с первого онигири с лососем и с наслаждением откусил. Он доедал уже последний — со сливами, когда к нему подошла, едва волоча ноги, незнакомая старуха. На ней было сиреневого цвета пальто, а в одной руке она держала зонт, хотя дождя вроде бы не ожидалось. В другой старуха несла большую прозрачную пластиковую сумку, с какими ходят на пляж. Старуха дотащилась до скамейки и села рядом с Уихара. Перед тем как сесть, она спросила

разрешения, но таким голосом, словно всю жизнь командовала военным кораблем. Ее прическа была растрепана, сухие спутанные волосы закрывали лоб. Старуха была в черных чулках, которые придавали ей странный и легкомысленный вид. Впрочем, она была ненамного старше его матери... Одна нога у нее сильно раздулась в районе лодыжки. Опухоль напознала на подъем, отчего одна нога казалась шире другой раза в два. Икры были покрыты густыми черными волосами, а под кожей проступили синие и красные сосуды. Нога едва помещалась в туфле-лодочке. Уихара с отвращением заметил, что красная туфелька вот-вот лопнет в нескольких местах. Пока он вспоминал название этой болезни, женщина вдруг открыла рот и заговорила, обращаясь к воображаемому собеседнику:

— Ну о чем ты говоришь! Такая уж наша жизнь!.. Уихара вздрогнул и украдкой посмотрел на свою соседку.

Нет, она разговаривала не с ним.

— Однако большинство людей так не считает, ты же знаешь! Волосы лезли ей в глаза, и женщина тряхнула головой.

Уихара понял, что она беседует с кем-то из своих родственников или друзей.

— Я, конечно, понимаю, но все-таки внешний вид... это, знаешь ли, тоже имеет значение. И немалое!

— Но я-то что могу?

— Ну а как же? Что бы ты ни делал, люди всегда будут составлять о тебе свое мнение. И прежде всего будут основываться на твоей внешности.

— Тебе надо просто следить за собой. Да-да, попробуй, это нетрудно. Посмотри, видишь, как она выглядит?

— В конце концов, сходи в парикмахерскую... Сделай же что-нибудь, ведь нельзя же выходить из дому в таком виде!..

— Мне кажется, она понимает кое-что...

— Несомненно.

— Конечно, ее ноге пиздец. Ну и что ей теперь делать?

— Но это, кажется, не оттого, что она не следит за собой?

— Да нет, это оттого, что в ее организме много кальция. Поэтому ее и раздувает в разных местах... Это очень неприятно и больно к тому же. Ей очень плохо, гораздо хуже, чем она думает. Она не пьет ни капли молока. А если выпьет по ошибке, то знаешь, что с ней будет?

Женщина продолжала говорить, поглаживая свою больную ногу. Неожиданно она всем телом повернулась к Уихара, как будто только что заметила его присутствие.

— А ты знаком с сыном Такаги, которого арестовала полиция за то, что он убивал кроликов?

Уихара не понял, обращается ли она к нему или продолжает свой безумный монолог, и ничего не ответил. Наконец старуха отвела от него взгляд и разразилась хохотом. Смех ее был нехороший, каркающий — словно приступ кашля. Уихара охотно проломил бы ей голову битой.

Потом старуха минут на двадцать исчезла в магазине. Прямо на крыльце она вытряхнула из сумки свои покупки наземь и стала сверять по чеку их количество. Уихара разглядел три коробки кошачьего корма, упаковку с маринованными овощами, шестивольтовую батарейку, лампочку, хлеб и сахар. Закончив подсчет, старуха бросила чек под ноги. Он вдруг решил проследить, куда она направится дальше.

Старуха пошла вдоль набережной по направлению к станции. Она шла по узенькой тропинке мимо цветочных ящичков. Из-за холодов цветы опали и засохли. Здесь река расширилась, и Уихара увидел детскую площадку, такую маленькую, что на ней не уместилось бы и трех детей. Площадка эта и называлась-то детской только из-за песочницы да качелей. Песочница по краям была украшена пластмассовыми зверушками — где белым кроликом, где розовым поросенком. Детей нигде не было видно.

До ближайшей станции предстояло еще идти и идти. Железнодорожная ветка принадлежала частной компании, и поезда здесь ходили не чаще двух-трех раз в час. Дачники не очень жаловали эти места — отсюда было слишком далеко до деловых районов Токио, — но все же за время экономического кризиса цены на землю заметно

выросли. Строительные компании начали возводить здания, появились новые жилые кварталы, но многие из них оставались и по сей день незаселенными — район был еще плохо обустроен. Кое-где попадались недостроенные, брошенные дома. Даже родителям Уихара (людям совсем небогатым) без труда удалось найти здесь недорогую квартиру для сына. На отшибе располагалась фабрика звукоизоляционных материалов, на которой в лучшие времена трудилось до двухсот человек. Но теперь ее цеха пустовали уже с полгода.

Старуха передвигалась очень медленно, и именно поэтому преследовать ее оказалось делом не из легких. Уихара приходилось сдерживать шаг, чтобы не обогнать ее. Будь это место чуть более оживленным, они оба представляли бы весьма забавную картину. Но ни на этом, ни на противоположном берегу реки, кроме них, не было ни одного человека. И только со старого шоссе доносился однообразный гул моторов.

Нельзя сказать, что старуха слишком уж выделялась своим нарядом. Район был заселен людьми с небольшим достатком и пенсионерами. Уихара слышал, что где-то здесь живут стриптизерши из ночных баров, преимущественно китайки. Эти девицы подрабатывали и в качестве проституток в веселом квартале, располагавшемся в пяти остановках отсюда.

Только сейчас он заметил, что женщина идет не прямо, как нормальный человек, а выписывает зигзаги. Дело было даже не в ее больной ноге. Тропинка шириной в метр была посыпана гравием, а по краям выложена кирпичами. Старуха касалась ногой кирпича справа и сразу же делала шаг влево, чтобы дотронуться до противоположного. Из-за этого шаг ее замедлялся еще больше. Глядя на ее выкрутасы, Уихара подумал, что женщина наверняка страдает какой-нибудь формой умственного расстройства. Ему случалось видеть сумасшедших в психиатрической лечебнице, куда возила его мать. Доктор грозился и его запереть в этой дыре, если он не будет соблюдать предписанный режим и глотать всякую гадость. Вероятно, это составляло основу медицинского искусства бравого эскулапа... В больничном садике Уихара

видел, как несчастные больные слоняются по дорожкам, совершая точно такие же движения, как и эта старуха. Сад был большой и представлял собой один сплошной газон. Кое-где из земли поднимались пальмочки с узкими и острыми листьями, такие зеленые, как на открытках из тропических стран. Среди этих пальмочек и ходили сумасшедшие: шаг влево, шаг вправо. Издали это напоминало какой-то идиотский слалом. Впрочем, больные держались прямо и не теряли достоинства.

Эта старуха выглядела точно так же. Она смотрела перед собой и ни разу не повернула головы. Перед ней на тропинку выскочило трое детей. Старуха не обратила на них ни малейшего внимания. Дети побежали дальше, по направлению к песочнице и качелям. Вслед за ними на велосипедах появились и мамы, что-то кричавшие своим отпрыскам вдогонку. Старуха продолжала идти, будто не замечая их, и женщины были вынуждены соскочить на землю и убрать велосипеды с тропинки. Уихара посторонился, пропустил их, и дамы в ответ благодарно закивали. Они покатали дальше, оставив после себя тонкий аромат духов. Уихара расслышал, как одна из мамаш бросила что-то вроде: «Чтоб ты сдохла, старая ведьма!», а остальные звонко рассмеялись.

Старуха свернула с тропинки направо и пошла по улочке, с одной стороны которой находился питейный дом, а с другой расстилались поля, засаженные китайской капустой. Улочка была такая узкая, что два автомобиля не смогли бы разъехаться. Потом поля кончились и показались какие-то мрачные деревянные строения и ветхие лачуги. Старуха повернула налево в тупичок, оканчивавшийся чем-то вроде площадки. Там, посреди луж, лепились друг к дружке три убогих щитовых домика. «Старая ведьма» вошла в один из них.

Uehara wrote:

- еще не успел освоиться с клавиатурой,
- поэтому даже коротенькое сообщение
- отнимает у меня уйму времени.
- Но я надеюсь, что скоро

— смогу вас догнать... Добрый день, это Ватанаби. Вам нечего стыдиться.

В конце концов, с этого начинается каждый.

- Я еще мало знаком с
- Интернетом и не понимаю,
- что такое LD.

L.D — это программа, позволяющая управлять и отслеживать сообщения, которыми обмениваются пользователи внутри своей группы. Например, если кто-нибудь из них пошлет письмо хотя бы одному из членов группы, то это письмо получают и все остальные члены.

- главное, что меня интересует,
- это паразиты. Я очень удивился,
- узнав, что этот червь существует на самом деле.
- Но относится ли он к классу паразитов? А может,
- это какая-то разновидность вируса?
- Честно говоря, я не знаю, в чем заключается
- различие между паразитами, вирусами и бактериями.

Несомненно, этот червь относится к паразитам, хотя мы почти ничего о нем не знаем. Этот паразит относится к многоклеточным, его научное наименование — эндопаразиты. Бактерия относится к классу одноклеточных, и она не способна размножаться делением клеток. Что же касается вирусов, то они состоят лишь из молекул ДНК и оболочки. Как видите, тут нет ничего сложного.

- Вы писали, что Йосико
- Сакагами также прочитала
- мое письмо.

Йосико Сакагами прочитала ваше сообщение. Оно глубоко ее заинтересовало.

- получить от нее хотя бы
- коротенькую записку в несколько слов.

Думаю, что Йосико Сакагами напишет вам очень скоро. Она позволила мне сообщить вам пароли для доступа на некоторые странички ее сайта. Как вам известно, наш форум включает в себя

множество рубрик. Тот адрес, на который писали вы, предназначен для новичков. (Мы его так и называем: адрес для «чайников». Не принимайте это на свой счет, тем более что так мы называли и саму Йосико Сакагами, когда ее познания в области высоких технологий и Интернета находились еще в зачаточном состоянии. Забавно, не правда ли?) На следующей страничке вы найдете список всех рубрик. Сначала жмите на «Наука и техника. Я знаю все», а далее переходите на тему «Наука о жизни. Общие понятия». Эта рубрика имеет подразделы — кликните на «Инфекционные микроорганизмы». На некоторые страницы вы не сможете попасть просто так — тогда отбросьте две последние буквы из названия нужной вам темы и жмите на «ввод». Надеюсь, вы найдете все, что вас интересует.

Уихара вернулся домой лишь к вечеру. Обнаружив новое письмо от Ватанаби, он почувствовал себя еще лучше. Он весь дрожал от возбуждения: день явно удался. Ему посчастливилось выследить хромую старуху. Его охватила жажда деятельности. Но Уихара не хотел сразу приступить к изучению сайта г-жи Сакагами — ему нужно было немного успокоиться и прийти в себя.

Он вспомнил про кофеварку — нераспакованная, она до сих пор стояла на холодильнике. Аппарат этот состоял из двух конусов, навинчивавшихся один на другой. Бумажный фильтр вставлялся в углубление, усеянное бесчисленными мельчайшими отверстиями, — в него следовало насыпать молотый кофе. Вся эта конструкция помещалась в нижней части кофеварки. Верхняя же часть представляла собой что-то вроде трубки, через которую изливался готовый напиток и свистал горячий пар. Следуя указаниям инструкции, Уихара насыпал кофе, налил в резервуар воды и поставил кофеварку на медленный огонь. Вообще-то для приготовления приличного кофе требовалась минералка, но он обошелся водой из-под крана. Ладно, завтра он сходит в магазин и купит нормальной воды. К его удивлению, онигири, которые он купил там, оказались необычайно вкусными. К тому же Уихара чрезвычайно понравилось то место — тишина и покой, птички щебечут,

солнышко... Ах да... там еще была эта старуха... «Но в принципе все идет нормально. И ведь только сегодня я начал понимать себя!» — подумал Уихара.

Его врач утверждал, что недосыпание может еще больше осложнить положение. Это оказалось сущим бредом. Прошлой ночью он спал всего три часа и тем не менее смог даже выйти на улицу и прекрасно прогуляться. А потом посидеть на лавочке перед магазином и под пение невидимых птичек насладиться замечательными рисовыми шариками. Уихара уже и не помнил, когда последний раз слышал птичье щебетание и когда последний раз нормально ел. До этого он довольствовался лишь пирожными, сладостями и фруктами. Таблетки отбивали у пищи всякий вкус, и он мог есть только очень сладкое. А мать, как нарочно, думала, что сласти доставляют ему удовольствие, и приносила их тоннами. Уихара случалось слопать в один присест дюжину упаковок печенья, двадцать сладких каштанов, почти столько же пирожков с земляникой и килограмм ванильного мороженого «Хаген Датц». Следом отправлялось энное количество стаканчиков с шоколадным пломбиром и коробка с сухофруктами. Но Уихара привлекал не вкус — просто это были единственные продукты, которые он мог взять в рот.

Иногда спросонья его охватывало неодолимое желание съесть что-нибудь кроме сладостей. Это чувство было сродни сексуальному возбуждению. Его преследовали мысли о давно забытых блюдах, мучили неведомые запахи. С кофеваркой вышла та же история. Однажды Уихара ни с того ни с сего захотелось приобрести кофеварку — то ли он увидел ее в кино, то ли в каком-то журнале. О своем желании он, как водится, тотчас же сообщил матери. «Чего-чего?» — переспросила та, но Уихара огрел ее шлангом от пылесоса. В итоге мать отправилась в магазин за кофеваркой вся перевязанная и вымазанная йодом. Но когда она принесла аппарат домой, ему уже не хотелось кофе.

В собранном виде кофеварка напоминала сверкающие песочные часы. Как только Уихара включил газ, ее прозрачные стенки покрылись изнутри испариной, и через некоторое время из трубки стал вырываться

пар. Агрегат засопел, засвистел и скоро перекрыл доносившийся с улицы шум грузовиков. По квартире стал распространяться чудесный аромат. Пока готовился кофе, Уихара постарался припомнить то место, где жила старуха. Ему показалось, что он слышит щебетание птиц и писк какого-то неведомого зверька. Потом перед его мысленным взором появились три полуразрушенных дома. Старуха зашла в последний — остальные пустовали. Оттуда не слышалось ни звука, почти все стекла были выбиты, окна заколочены крест-накрест. На одном из домов Уихара обнаружил полустертую надпись: «Кинокомпания „Тобу-Синнипон". Кинохроника. Монтажная. Отдел кадров». Стены хибар были покрыты трещинами, внутри на полу валялись мусорные мешки и целые кипы старых газет и журналов. Повсюду блестели осколки битых бутылок. Пахло плесенью. Рядом с домом Уихара заметил размокшую от дождя коробку, наполненную какой-то дрянью. Уихара пригляделся и понял, что это перчатки. Верхний слой отсырел и потемнел от влаги, но в середине это были самые настоящие белые перчатки, вполне годные для ношения. Уихара пошарил палкой, вывалил на землю целый ворох и стал примерять пару за парой. В таком месте белые перчатки выглядели более чем нелепо.

После долгих и сложных процедур Уихара удалось налить себе чашечку кофе. Он отпил самую малость и вдруг почувствовал боль. «Боль — это признак выздоровления», — говорил ему психиатр.

— Хм, а каким образом я могу выздороветь? — спросил сам себя Уихара.

Ответ был прост: наконец появился человек, которого он должен был убить.

На домашней страничке Йосико Сакагами он какое-то время изучал меню. Страница пестрела многочисленными разноцветными рубриками. Розовая гласила: «С утра и до вечера, в любое время присылайте ваши сообщения». Другая, красная, предлагала посетить личный дневник г-жи Сакагами. Оранжевая — биография, библиография и личные данные. Желтыми буквами светилось следующее объявление: «Йосико Сакагами.

Знаменитые люди нашего столетия, их работы, афоризмы», коричневые значки обозначали: «Сюда приходят ваши первые сообщения», и, наконец, белым цветом переливалась надпись: «Вы 128 094-й посетитель нашего сайта». Цифра «128 094» постепенно темнела, становилась красной, а затем черной.

Уихара пробыл на сайте всего несколько минут, и его охватило странное чувство. Это был шестой раз, когда он «зашел в гости» к Йосико Сакагами: сначала он только лишь просматривал меню; на третий раз он решился послать сообщение. И только с пятой попытки ему удалось выйти на саму г-жу Сакагами. Водя курсором по экрану, Уихара размышлял о том, кто придумал выражение home page — «домашняя страничка». Это ведь стопроцентное попадание — домашняя страничка! Сайт Йосико Сакагами создавал именно такое впечатление. Уихара казалось, что он открыл старую детскую книжку, которую читал много-много лет назад. Ему было очень хорошо, и, главное, он чувствовал себя в безопасности. «Вот мой настоящий дом, — думал Уихара. — Здесь я вернулся к жизни. Тут все по-настоящему. Человек сначала знает только свою колыбель или кроватку, а уж потом начинает понемногу изучать другие комнаты, сад... Сегодня я стал человеком... и нашел свой путь!»

Он навел курсор на светящуюся надпись «С утра и до вечера...» Открывшаяся страница была выполнена в розовых тонах и совсем не утомляла глаз. Уихара прочел предупреждение: «Мы удаляем все сообщения, которые содержат оскорбления в адрес частных лиц и организаций» — буквы исчезали и вновь возникали, словно пульсировали.

С — утра — и - до — вечера — в - любое — время — присылайте — свои — сообщения.

Уихара впервые попал на эту страничку. Как и прочие, она представляла собой большой список рубрик. Для тех, кто не смог найти ничего интересного, существовала отсылка на страницу «Сюда вы можете направить ваше первое сообщение». Список рубрик был выровнен по центру.

Политика

1. Общие сведения.
2. Реформа управления.
3. Договор с США о безопасности и американские военные базы.
4. Окинава — проблемы и решения.
5. Охрана окружающей среды.
6. Развитие производства и экология.
7. Внешняя политика. Дипломатия. Общие вопросы.
8. Здравоохранение и социальная политика.
9. Национализм.
10. Конституция Японии.
11. (данная рубрика недоступна)

Экономика

1. Общие вопросы.
2. Финансовый кризис на азиатском рынке.
3. Сомнительные долги.
4. «Большой взрыв» в сфере финансов.
5. Венчурный бизнес.

Разделы «Политика» и «Экономика» были взаимосвяза- об этом чуть ниже свидетельствовал баннер.

Социология

1. Проституция и преступность в подростковой среде.
2. Продвижение по службе. Смерть от несчастного случая на производстве.
3. Безработица и старение населения.
4. Учебники истории для школы.
5. Проблемы этики и интеллектуальной собственности в Интернете.

6. Расизм и сегрегация.
7. Супружеская неверность.
8. Система образования. Вступительные экзамены. Общие вопросы.
9. Природные катаклизмы. Волонтеры.
10. Самоубийство.
11. Недовольство средствами массовой информации.

Наука и техника. Я знаю все!

1. Наука о жизни. Общие вопросы. Всякая всячина.
2. Обожаю аниме!
3. Чемпионат мира по футболу.
4. О японском языке.
5. Да здравствует японское кино!
6. Голливуд, банзай!
7. Очарование европейского кино.
8. Последние прочитанные романы.
9. Попса.
10. Опера и балет, дорогуша!
11. НБА и НХЛ.
12. Нет, джаз не умер...
13. Сексуальные извращения.
14. Болезненное начало во французском символизме.
15. Хорошие рестораны рамен.
16. Спорт на свежем воздухе.
17. О путешествиях.
18. Как мы съездили на Гавайи.
19. Вино не лжет.
20. Бейсбол — это жизнь!
21. Фанаты фотошопа.
22. Я училась за границей.
23. Откровенные фотки: последний выпуск.
24. Как составить завещание.

25. Акико, не выходи замуж!
26. Понятие общины пришло к нам от монголов.
27. Письма иммигрантов.
28. Искусство бонсай для молодежи.
29. Поехали искать горячие источники!
30. Татуировка. Пирсинг.
31. Любителям «феррари».
32. Нас волнует проблема образования наших детей.
33. Наш сад.
34. Любовь без крыльев.
35. Ах! Волшебные шестидесятые...
36. Интимный дневник домохозяйки.
37. Турагентства предлагают.
38. Карри и спагетти.
39. Места для тайных свиданий в Киото.

«Да, такая страничка вряд ли когда-нибудь прекратит свое существование», — думал Уихара. Число участников будет расти до бесконечности — каждая рубрика была снабжена счетчиком сообщений. Номер двадцать шестой, например, посетило всего двое, зато «Интимный дневник домохозяйки» читало более двух сотен человек. Как и рекомендовал Ватанаби, Уихара щелкнул мышкой на «Науку и технику...», и надпись тотчас же стала наливаться красным. Уихара испытал то же чувство, что и в детстве, когда шаг за шагом исследовал свою комнату, а потом и весь дом. Теперь домом для него стал сайт Йосико Сакагами, и Уихара ничуть не опасался заблудиться в нем.

1. Генная инженерия. Клонирование.
2. Расшифровка человеческого генома.
3. Рак и иммунная система.
4. Мозг. Нервная система.
5. Стимулирование роста клеток.
6. Метаболизм. Растворимые ферменты.
7. Инфекционные микроорганизмы.
8. Теория эволюции.

9. Проблемы этики и научный прогресс.

10. Наука о жизни и философия.

Через несколько мгновений загрузилась новая страница. Уихара чувствовал себя на седьмом небе от счастья: ему одному позволили проникнуть в этот заветный, высший мир. Дизайн новой страницы отличался от предыдущих — здесь все было серьезно, никакой стилизации и завитушек. Стиль, отличающийся простотой и строгостью. Уихара кликнул на «Инфекционные микроорганизмы». В окне запроса появилось [http://www, потом Sakagamis-appointment.com и, наконец, /bulletinboards01/lifescience07](http://www.Sakagamis-appointment.com/bulletinboards01/lifescience07). Все было так, как писал ему Ватанаби. Уихара удалил две последние буквы в последнем слове названия и нажал «Открыть адрес».

Поначалу экран оставался черным, но через полминуты на нем высветилось:

Если вы попали сюда по ошибке или пытаетесь загрузить страницу без предварительной регистрации, убедительная просьба немедленно выйти из системы. Если вы продолжите, мы оставляем за собой право на применение к нарушителю установленных законом санкций. Предупреждаем: ваш электронный адрес уже идентифицирован!

ИНТЕР-БИО

Текст предупреждения был продублирован на английском. Потом экран на секунду погас, и Уихара прочел:

Доступ разрешен. 19 октября 1998 года. Число посещений: 1.
Фамилия, имя: Уихара Хироси.

Адрес: Токио, Хигаси Мураяма-си, Савагучи-тё, 3-44-2, дом Цурута, кв. № 5.

III

Уихара навел курсор на свое имя, и экран загорелся розовым цветом: «Добро пожаловать!» Надпись проплыла перед его глазами справа налево — это напоминало открывающийся театральный занавес. Потом экран запестрел молниями, и из них соткалось слово «Интер-Био»

— оно оказалось зеленого цвета. За ним шел заголовок, написанный по-английски и по-японски: Паразиты /кёсейчу.

Внизу, под заголовком, располагалась картинка, на которой был изображен клык какого-то дикого животного. Вглядевшись получше, Уихара понял, что этот клык состоит из мириад кишачих червячков. Черви вытягивали свои уплощенные головки по направлению к отверстию, напоминавшему человеческий рот. Уихара долго не мог отвести глаз от этой картинки и все пытался вспомнить, похожи ли эти черви на того, длинного и серого, который вполз в его тело в больничной палате для смертников...

...Когда Кортес во главе восьмисот человек вторгся в Мексику, там еще сохранялись древние ацтекские ритуалы, связанные с человеческими жертвоприношениями...

С этих слов начинался текст, подписанный неким Лангель-хаансом.

...Невозможно и представить себе, как удалось Кортесу всего лишь с восьмью сотнями головорезов уничтожить целую цивилизацию — империю ацтеков, насчитывавшую около трехсот тысяч жителей. Позже мы вернемся к этому вопросу.

Но в первую очередь хотелось бы остановиться на не менее интересном моменте — я имею в виду человеческие жертвоприношения, которые у ацтеков были в большой чести.

Судя по всему, ацтеки не были единственным народом Америки, который практиковал чуть ли не ежедневные жертвоприношения. И майя, и тольтеки также приносили людей в жертву своим богам. Сомнений не вызывает и тот факт, что подобные ритуалы проводились на вершинах пирамид, каковые представляли собой четыре плоскости, превращенные в гигантские лестницы, ведущие в самое святилище.

Геологические исследования полуострова Юкатан показали, что он являет собой своеобразный пирог: сверху располагается ил, а под ним — скальные породы, которые легко пропускают воду. Таким образом, ни

один внутренний водоем на полуострове никогда не наполняется до краев — излишек воды мгновенно уходит. Еще на заре цивилизации люди научились строить гигантские подземные водохранилища, дно которых укреплялось известью. Особенностью этого материала была его способность быстро затвердевать при контакте с водой. Необходимо заметить — такие сооружения появились вовсе не из-за развития цивилизации. Наоборот, само существование цивилизации напрямую зависело от возможности хранения больших запасов воды. Все остальные технические усовершенствования имели целью доставить населению Мексиканского нагорья необходимое количество пищи. Численность населения росла по экспоненте — от нескольких десятков тысяч человек, которые существовали главным образом за счет так называемых плавучих садов — чинампас, до более чем двух миллионов жителей. Строительство ирригационных систем непосредственно влияло на развитие земледелия. И тем не менее это не смогло избавить край от постоянной угрозы голода. Голод и являлся той причиной, из-за которой так или иначе заканчивали свое существование государства этого региона.

Когда Кортес и его солдаты вступили в Мехико, они были поражены до глубины души тем, что увидели. Монтесума II, последний император ацтеков, провел их прямо в святилище храма в Теночтитлане, где перед изумленными завоевателями развернулись поистине адские картины. Повсюду они видели человеческие внутренности и кости. Сердца умерщвленных жертв были выложены на широкие плоские камни, специально для этого предназначенные, а на полу и на алтарях были кучами навалены черепа.

Впрочем, я не намерен подробно останавливаться на данном вопросе — существует множество доступных источников, посвященных ацтекским ритуальным практикам. Также вряд ли нужно особо отмечать и тот факт, что человеческие жертвоприношения выполняли не только религиозную, но и продовольственную функцию. Общеизвестно, что тела жертв немедленно съедались после церемонии. Вот как описывал это Марциал дель Диего:

Сердца вырывали из груди и приносили в дар небу. Все святилище было залито кровью — кровь предназначалась Солнцу. Тела несчастных были сброшены на западный склон пирамиды, в сторону заходящего светила. По окончании церемонии вконец обезумевшие воины пустились в пляс, славя умерщвленных пленников, мясо которых уже готовилось на огне...

В таких случаях обычным блюдом было рагу из человечины с перцем и томатами. Но было бы неверным полагать, что индейцев подталкивала к таким ужасным проявлениям каннибализма одна только жестокость. Необходимо помнить, что в ту эпоху население испытывало постоянную нехватку животных белков, а риск гибели урожая был очень велик. Таким образом, каннибализм обуславливался перманентным продовольственным кризисом.

Правда, в Перу инки разводили лам — животных семейства верблюдовых, но их жесткое и волокнистое мясо было практически несъедобным. К тому же в конце ледникового периода численность лам сильно сократилась.

Итак, первосвященник разливал кровь жертв в небольшие сосуды, чем-то напоминавшие греческие амфоры, и передавал их хозяевам казненных. Как правило, это были члены императорской семьи и представители аристократии. Сердца жарили на открытом огне и приправляли специями тако. Черепа наваливали кучей прямо на алтарь. Кстати, тут нужно отметить, что весь этот ритуал у ацтеков никогда не переходил в оргию, а все пригодные в пищу части тел аккуратно съедались — все это напоминало разделку китовой туши у современных китобоев.

Ацтекские воины проходили специальную тренировку — они должны были обязательно брать врага живьем, так как для жертвоприношения мертвые не годились. Пленные доставлялись в город со всеми предосторожностями и под охраной — для того только, чтобы после быть подвергнутыми ужасным пыткам. Пытка была необходимым

условием. Считалось, что один пленник, способный выдержать столь мучительное испытание, стоил тысячи неприятельских солдат. Неплохой расчет, как вам кажется? А теперь представим себе, в каком состоянии должны были находиться наши далекие предки, чтобы спокойно смотреть на своих окровавленных и растерзанных жертв, которым вырывали с мясом ногти и отрубали конечности? Ну конечно, сейчас подобные опыты вызвали бы волну возмущения и осуждения всего цивилизованного человечества. Но как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что инстинкт убийцы, убийцы, получающего удовольствие при виде чужих мучений, все еще жив. Каждый из нас обладает им в полной мере.

Франциско Оливер, который участвовал в подавлении четвертого восстания индейцев в составе испанского экспедиционного корпуса, оставил нам весьма любопытные свидетельства:

Перед самым умерщвлением пленнику завязывали глаза куском материи. Потом начиналась пытка. Сердце считалось символом отваги, и только первосвященник и самые доблестные и знатные воины имели право употреблять его в пищу. Среди пленников не было ни одной женщины — только мужчины. До казни их запирали в помещениях наподобие тюремных камер, где содержали, оказывая всевозможные почести, до самого последнего дня. Это являлось знаком их особого положения. Пленник имел возможность выбирать себе пищу по вкусу, в том числе и мясо сома супия — деликатеса из деликатесов. Самые знатные из пленных могли даже купить себе женщину. Незадолго до казни их заставляли глотать белых червей, которых извлекали из внутренностей рыб, обитавших в местном озере. Черви эти были весьма тонки и невероятно длинны. Ацтеки называли их «биочичицу». Черви так прирастали к рыбе, что, казалось, составляли с нею одно целое. Извлечь такого червя голыми руками было нельзя — он тут же рвался пополам, поэтому первосвященник употреблял для этой цели кусочек специально обработанной собачьей кожи. Извлеченных таким образом червей помещали в керамический сосуд с изображением полумесяца и

фигуры священника. Затем в чашу наливали кровь, и черви плавали в ней, выписывая на темной поверхности замысловатые круги. Пленника заставляли выпить этот странный напиток, и червь попадал в его нутро. Надо сказать, что никто из пленников не отказывался от этого испытания, так как считалось, что червь этот является носителем божественной силы и воли. Скоро вслед за этим начиналась и сама церемония. Опьяненные телом и духом пленники переносили страшные пытки с улыбкой. Никто не кричал от боли, но каждый распевал боевые песни своего племени. Перед смертью несчастные терпели кошмарные мучения. К ним подходили древние, измазанные грязью старухи с ожерельями из человеческих зубов и раскаленными добела металлическими прутьями старались выжечь им глаза или ткнуть в пах. Изрытая проклятия, старые ведьмы вонзали ужасные прутья прямо в глотки жертв. Но пленники находились в состоянии такого возбуждения, что некоторые из них во время особо жестоких пыток даже выпускали семя. Наконец жрец особым ножом перерезал пленнику горло и исторгал у него из груди еще бьющееся сердце...

К слову, это не единственное в своем роде свидетельство о существовании червя. Всемирная история не сводится только лишь к завоеванию Америки испанцами; мы находим упоминание об этом загадочном паразите в летописях, относящихся к временам монгольского вторжения в Иран. Надо сказать, и монголы его также почитали как символ отваги и мужества.

Кроме того, лингвистические исследования выявили поразительное сходство: слова «биочичицу» и «симбиоз», оказывается, имеют в своей основе общий корень — новость, заставляющая задуматься над гипотезой о едином происхождении языков на нашей планете.

Итак, нет ничего сверхъестественного в том, что Кортес и его немногочисленный отряд без особых трудностей смогли сделаться настоящими хозяевами гигантской по тем временам империи ацтеков, насчитывавшей более трехсот тысяч подданных. Бесполезно отрицать тот факт, что подвиг испанцев стал возможен лишь благодаря действию

почти невидимого червя, который и сегодня продолжает влиять на волю и сознание людей во всем мире. И над этим стоило бы задуматься.

На этих словах текст обрывался. Далее следовало сочинение, автор которого именовал себя VX-gaz. Уихара так и не понял, кто такие ацтеки и где на самом деле они жили, но тем не менее само звучание этого слова завораживало его. Описания жутких казней и ритуальных убийств возбудили в нем похоть — он быстренько отложил ноутбук и принялся наяривать свой член. Дроча, он воображал себя великим индейским жрецом и в конце концов чуть не забрызгал спермой компьютер. Потом, немного успокоившись, Уихара уселся обратно на кровать и стал читать текст VX-gaz'a.

Мне очень хотелось бы, чтобы эти строки были подобны легковесной бабочке, затерявшейся в бездонной небесной сини. Осень дарит нас последними солнечными деньками, и мне начинает казаться, что неизвестно откуда раздаются чарующие звуки вибратона Милта Джексона... все тише... тише... Но это, конечно, никакой не вибратон, а всего лишь мой электромассажер. Хочется быть предельно лаконичным, к чему так настойчиво призывает нас г-жа Йосико Сакагами.

В американских архивах я не нашел ни следа упоминания о хослокатерии. Нет, я не занимаюсь биохимией, не исследую химические процессы в головном мозгу... моя специальность находится на стыке этих двух наук. Должен сказать, что в лаборатории, где я работаю, в данный период особенно много времени уделяется изучению и последующему обсуждению научных трудов, относящихся к началу двадцатого столетия.

Если быть более точным, эти труды восходят к временам, когда обычный оптический микроскоп уступал свои позиции микроскопу электронному. Выражаясь языком джазовой музыки... впрочем, нет, довольно болтать! Одним словом, эти труды принадлежат далекому прошлому, когда познания биологов не шли далее молекулярного уровня, а в науке господствовал чистый материализм. В числе прочего

мне попадались работы немецких ученых начала века, а точнее, статья некоего Хайница Шанке, озаглавленная: «Вырабатывание адреналина эндокринными железами, находящимися под корой головного мозга овцы». Статья посвящена процессу выработки эндорфинов в овечьем мозгу — тема, надо сказать, раскритикованная позже в пух и прах. Известный ветеринар, старик Шанке был сыном крупнейшего скотопромышленника и жил в местности, именуемой Эйфель Вестервальд, что на самой границе с Бельгией. Благодаря папашиним овцам Шанке имел неограниченный запас биоматериала и в научных целях обезглавил не один десяток тысяч несчастных барашков. Но как бы то ни было, в своих изысканиях Шанке на целых десять лет опередил известного профессора Калифорнийского университета Владимира Уильямбурга (которого, кстати, тоже вспомнили только в шестидесятых годах).

Буду, по возможности, краток. Шанке установил, каким именно образом головной мозг вырабатывает эндорфины. Ему удалось выделить в чистом виде то, что сегодня называется проопиомеланокортин. (Кстати, шотландским ученым во главе с Джоном Хьюзом удалось получить энкефалин лишь во второй половине семидесятых!) В самом начале двадцатых годов в местности Эйфель Вестервальд разразилась эпидемия, изрядно сократившая овечье поголовье. Известие докатилось и до широких масс. Дело в том, что овцы — десятки тысяч овец — совершили что-то вроде коллективного самоубийства, бросившись со скалы в пропасть. Были отмечены случаи нападения на людей. И это при том, что овца всегда считалась символом покорности и незлобивости! Шанке принялся изучать срезы их головного мозга и обнаружил серьезные нарушения в аминных цепочках, состоящих главным образом из проопиомеланокортина.

Кроме того, на внутренней стороне овечьих черепов Шанке нашел нечто напоминавшее сегменты тела какого-то паразита. Впрочем, он не стал делать из этого факта далеко идущих выводов, хотя и предположил, что этот неведомый паразит мог послужить непосредственной причиной столь серьезных нарушений аминных

связей. Зато это открытие стало важной вехой в истории изучения червя хослокатерия.

Я убежден, что нарушения в аминных цепочках (которые непосредственно относятся к синтезу эндорфинов) может вызвать вещество, содержащееся в выделениях червя. Попробую приблизительно описать сам процесс.

Функции эндорфинов не сводятся к какой-либо одной, да и вряд ли их можно выразить двумя-тремя словами. Я не стал бы утверждать, что смог до конца разобраться в этой проблеме — мне трудно привести логическое обоснование даже тех выводов, которые я сумел сделать.

Для примера можно взять наркотическую интоксикацию, благо наименований наркотиков столько, сколько звезд на небе. Что вам — счастья? горя? Но сперва подумайте вот над чем: по каким причинам морфий или героин захватывают всю власть над нашим сознанием и волей? Размышляя над этим вопросом, люди и открыли эндорфины. Короче, секрет действия морфия заключается в том, что человеческий организм вырабатывает схожие вещества. А поскольку наши клетки — существа довольно-таки упрямые и независимые, они сохраняют при своем делении только те элементы, которые непосредственно будут обеспечивать их жизнедеятельность. Да, но как так получается, что в клетку проникают только полезные ей вещества? Очень просто — это задача рецепторов. Феномен биологической жизни зиждется на этом факте. Только благодаря действию рецепторов-привратников опасные вирусы поражают наш организм не полностью, а в каком-нибудь одном месте. Грипп, например, поражает клетки, находящиеся в районе горла, но это вовсе не означает, что сам вирус проникает в наш организм только через нос или рот. А ВИЧ, о котором сейчас только все и говорят?.. Он воздействует только на клетки иммунной системы и ни на какие другие! И лишь то, что мы в просторечии именуем гормонами — вещества, вырабатываемые в хорошо нам известной точке тела, — продукты деятельности эндокринных желез, которые мгновенно попадают в лимфатическую систему, короче, лишь гормоны способны прошить весь организм. Кстати, деятельность эндокринной системы

никогда не прекращается, гормоны вырабатываются постоянно и попадают даже в самые отдаленные уголки нашего тела.

Но и гормоны проходят не через все клетки — вообще, если подумать, это же величайшее чудо! — и в этом опять заслуга рецепторов. В этом плане гормоны и рецепторы часто сравнивают с пенисом и влагалищем — одни гулянки на уме! Возьмем лучше иную аналогию — ключ и замочная скважина. Если ключ подходит, то замок открывается без проблем, и наша клетка, что называется, открыта. Ну, далее наступает состояние эйфории или, наоборот, полнейшего пофигизма. Вот таким вот образом и действует морфий. Ну а зачем, спросите вы, появились эти рецепторы? Да потому что наш организм вырабатывает много чего такого, что по своему составу напоминает наркотические вещества.

Теперь перейдем к процессу выработки нейронами эндорфинов. В этом процессе нельзя обойтись без своего рода передаточного механизма — эдакого акционерного общества «Нейроперевозчик и сыновья». Ну ладно, пусть будет энкефалин. Вначале мы видим клетки, которые вырабатывают адреналин (сами они состоят из норадреналина). Все нервные клетки находятся во взаимосвязи — приблизительно в такой же, как курильщик и владелец табачной лавки. В самом конце мы видим нейроны-возбудители и нейроны, выполняющие контрольные функции. В принципе и те и другие находятся под управлением главного нейрона, который отдает им приказы и вообще регулирует их деятельность. Но вот в организм попадает героин. В качестве заменителя энкефалина он возбуждает рецепторы, которые не способны отличить его от настоящего энкефалина. Иначе говоря, героин так изменяет поведение нейронов-возбудителей, что они уже не могут передавать никаких сигналов. При этом прекращается выработка норадреналина, и следующий нейрон уже не получает ничего. Все, мертвый штиль. Нервная система бездействует. Чрезмерная доза героина, таким образом, сводит к нулю мышечный тонус, подавляет сердечно-сосудистую систему, снижает частоту дыхания — и все, кранты, наступает смерть. А нормальная доза, наоборот, снимает излишнее напряжение и вызывает только положительные ощущения. Результат —

неземное блаженство. А в это время настоящий энкефалин, будучи так злобно обманутым, теряет свои функции, как ненужное организму вещество. И если с биологической точки зрения постоянные инъекции героина несомненно вредны и опасны, то, с другой стороны, удовольствия они доставляют куда больше. Я, разумеется, слишком упрощаю, но ручаюсь — все так и есть.

Периферийные области нашего мозга отвечают за управление эмоциями. Именно здесь обрабатываются и корректируются наши с вами чувства, настроение, сознание. В этой части мозга находятся так называемые голубые точки, которые выполняют функции своего рода службы безопасности. Наше внимание, бодрствование, чувство тревоги, страха или удивления напрямую зависят от них. Посмотрим теперь, что происходит при гиперсекреции норадреналина в состоянии наркотической ломки. Энкефалин больше не вырабатывается. Действие героина закончилось. Но норадреналин продолжает возбуждать нейроны, и то же делают голубые точки... Ну и что получается, как вы полагаете? Конечно, человек начинает испытывать тревожное состояние, переходящее в панику, которое и зовется наркотической или героиновой ломкой.

До сих пор я строил свои объяснения, исходя из посылки, что деятельность эндорфинов происходит по единой модели. Но открытие, сделанное доктором Шанке, свидетельствует о том, что присутствие червя в организме тем или иным образом ведет к полному расстройству всей системы нейронов, что вырабатывает эндорфины. Одна из гипотез утверждает, что такие вещества, как эндорфины, просто-напросто исчезают из организма. Другая гипотеза стоит на том, что в процессе жизнедеятельности червя-паразита действие эндорфинов становится просто неуправляемым. Но что бы ни утверждали все теории, вместе взятые, несомненным остается только факт воздействия червя на человеческое поведение и волю. Поэтому не забывайте, пожалуйста, о старом докторе Шанке!

Уихара прочитал этот текст раз десять и только на десятый раз смог произнести такие слова, как «эндорфины» или «энкефалин». Что это такое, он не знал. Поначалу у Уихара сложилось впечатление, что перед ним не нормальный человеческий текст, а какой-то идиотский ребус, составленный к тому же на иностранном языке. Удивительно, но этот факт его ничуть не расстроил. Уихара чувствовал себя как турист в гостиничном номере в чужом, незнакомом городе, лениво листающий утреннюю газету. Правда, он ни разу не был за границей, но тем не менее живо представлял себе городской пейзаж за окном, фасады домов, небоскребы. Ему чудилось, что он стоит у окна и разглядывает прохожих, спешащих по своим делам, различает черты их лиц, их одежду... Впрочем, окажись Уихара на самом деле за границей один, он здорово испугался бы, но все равно эта мысль возбуждала его. Чего стоила только лишь утренняя газета на столике! Уихара часто испытывал эти два чувства — страх и возбуждение одновременно... Смысл прочитанного оставался недоступен, но это только заставляло учащенно биться его сердце. Конечно, такое чтение никак не могло наскучить.

Но после нескольких повторных прочтений произошло следующее. Уихара показалось, что все незнакомые слова, значения которых он не понимал, запрыгали у него перед глазами и превратились в какие-то абстрактные знаки. Нет, не то чтобы в знаки... впрочем, Уихара мало волновало, как это можно назвать. Накачанные героином эндорфины и бараны (они были одинаковых размеров) принялись кусать и мучить друг друга. Они заполнили все видимое пространство и завертелись в диком танце в поисках замочных скважин. Потом непонятно откуда возникла девственно-белая стена, вся испещренная мельчайшими скважинами, в которые стремились попасть эндорфины, принявшие форму пениса. Вслед за ними устремились энкефалин, диацетилморфин и норадреналин. Уихара затрясло от страха. Еще бы — даже внутри нашего тела все насыщено эротическими коннотациями!

Мистер VX-gaz, ваш стиль, как всегда, четок и ясен. Меня зовут Сальваторе Атама. Я, к сожалению, не так хорошо владею словом и поэтому прошу вас, дорогие читатели, великодушно простить меня.

Так вот, каким же образом хослокатерия попадает в человеческий организм? Загадка, да и только. Может быть, через кровеносную систему, а может, и через мышечную ткань... Хотя по большому счету это не так важно — кровяной поток и деятельность органов внутренней секреции помогают этому паразиту проникнуть в любое место нашего организма. И пусть место, где таится этот червь, неизвестно, зато область, где вырабатываются эндорфины, можно указать с легкостью. Эта область находится внутри клетки. ДНК копируется на передающую молекулу РНК, которая, оказываясь вне клеточного ядра, провоцирует протеиновый синтез внутри рибосомы. Таким образом получается пептид, означающий, что начался биосинтез протеинов. Когда этот аминокислотный синтез прекращается, пептид оказывается уже снаружи рибосомы, проникает сквозь мембрану из цитоплазмы и просачивается через капиллярную систему. При этом прекращается и синтез протеинов. Как только пептид проник сквозь мембрану в так называемый аппарат Гольджи, цепочка из аминокислот разрывается. В этот момент и происходит разрушение протеинов ферментами.

Иными словами, синтез протеинов возможен только при условии разрушения цепочек обогащенных аминокислот. А разрушение это возможно только благодаря растворимым ферментам. Организмы, лишенные этих ферментов, появляются на свет с серьезными пороками развития и очень быстро погибают.

Вещества, отвечающие за передачу нервных импульсов, как правило, состоят из трех оснований и обладают единой основой, точно так же, как и у наших далеких предков. Такая основа должна была наличествовать у одноклеточных организмов, живших миллионы лет тому назад. И что из этого? — спросите вы. Наука не дает никакого ответа, но тем не менее этот факт играет значительную роль при выработке эндорфинов. Благодаря способности клеток к слиянию многоклеточные организмы, являющиеся нашими отдаленными

предками, смогли получить такое устройство. Тот факт, что выделения червя хослокатерии выполняют те же функции, позволяет рассмотреть одну, не лишённую остроумия, гипотезу. На самом деле существование этого червя научно не доказано. Мексиканские ученые-паразитологи тщетно надеялись обнаружить следы его пребывания во вскрытых трупах. Многие крупнейшие научно-исследовательские институты уже отказались от таких попыток. В научных кругах широко обсуждался вопрос о том, нет ли причинно-следственной связи между существованием этого червя и вымиранием динозавров. И что же? Станным образом не сохранилось ни одного протокола заседания, ни одного отчета! Существует мнение, что обреченные на вымирание виды как раз и являются переносчиками червя. Многие виды запрограммированы на последующее исчезновение, но только после того, как подготовят появление новых, более совершенных форм жизни. Так, вымирание динозавров дало возможность развития новой экосистемы. Червь хослокатерия — это провозвестник надежды для поколений организмов, обреченных на скорую смерть. Те из людей, кто ощущает в себе его присутствие, являются Божьими избранниками, обладающими правом на уничтожение, убийство и самоубийство...

Уихара дочитал последний абзац и залпом допил давно остывший кофе. Комната тонула во мраке — на дворе была уже глухая ночь. Мерцание компьютерного монитора чем-то напоминало свет далекого маяка в открытом море. От холодного кофе во рту чувствовался странный привкус. Уихара пошевелил пальцами — на них еще остались следы засохшей спермы. Сперма издавала характерный запах, но Уихара не обратил на это никакого внимания. Раньше этот запах возбуждал в нем желание умереть.

Все три прочитанных текста смешались у него в голове. Рибосомы, основания, аппарат Гольджи представлялись Уихара кирпичиками, деревянными балками, колоннами, которые складывались в некое подобие ацтекской пирамиды. Внутри этой пирамиды, в святилище, клейменные каленым железом бараны толпились вокруг алтаря, чтобы

пожрать сердце доктора Шанке. Все четыре склона пирамиды были залиты кровью, а на самом верху стояли три сморщенные старухи с разрисованными грязью лицами по имени Глицин, Тирозин и Фенилаланин. Из всего прочитанного Уихара ясно понял только пример с ключом и замочной скважиной. Если, например, представить замочные скважины в виде пор, то все не так уж и сложно... Поры ведут под кожу, внутрь организма. Их можно сравнить с бесчисленным множеством замочных скважин, а все эти энзимы и ферменты будут тогда ключами, которые должны отыскать скважину, которая подходит им по форме. «Конечно, это многое объясняет! — мысленно возликовал Уихара. — Раньше в мои поры, или скважины, вставляли неправильные ключи! Поэтому я не мог ни с кем нормально общаться и боялся выходить один на улицу. Но теперь-то все будет по-другому... Теперь все ключи попали в нужные скважины, дверь наконец отворилась и я понял свою истинную природу!» Мысли его лихорадочно перескакивали с одной на другую, и каждая клеточка, каждая пора его тела пылала огнем. Надо было срочно начинать действовать... «Это еще одно доказательство!» — думал Уихара. Он принялся повторять про себя последние фразы из текста: «...Червь хослокатерия — это провозвестник надежды для поколений организмов, обреченных на скорую смерть. Те из людей, кто ощущает в себе его присутствие, являются Божьими избранниками, обладающими правом на уничтожение, убийство и самоубийство...» Уихара соскочил с кровати и бросился на кухню. Там он схватил большой нож с затупившимся лезвием и сунул его за пазуху. Похоже, он вновь вообразил себя древним мексиканским жрецом...

Пустырь в конце тупика был огорожен забором, за которым смутно вырисовывались силуэты опор линии высоковольтных передач. Местность была покрыта густым туманом. Уихара стоял перед тремя полуразвалившимися строениями, когда-то бывшими щитовыми домиками. Оттуда не доносилось ни единого звука, и ни единый луч света не прорезывал кромешную тьму. Уихара был здесь накануне днем, когда выслеживал старуху, разговаривавшую сама с собой. И хотя он почти позабыл, как выглядело это место при дневном свете, сейчас он

готов был побиться об заклад, что-то здесь изменилось. Вчерашний день теперь вообще казался Уихара далеким-далеким прошлым...

Судя по всему, всеобщая электрификация сюда еще не докатилась. Уихара с трудом нащупал проход и приблизился к первой хибаре. Под ногами зашуршала сухая трава, и, лишенный возможности нормально видеть, он едва не налетел на ржавый остов машины. Уихара встревожился, но ничего не произошло. Все вокруг спало, и до него долетела только пьяная ругань каких-то запоздалых гуляк. Уихара замер, но компания миновала переулок, даже не взглянув в его сторону. «Интересно, сколько сейчас времени?» — подумал он. Впрочем, время теперь большого значения не имело. Беспокойно оглядываясь, он двинулся было вперед, но тут же споткнулся и оцарапал себе руку о какую-то автодеталь. Сначала боли почти не было, но рука стала липкой и влажной.

— Еще нож выскользнет, чего доброго, — пробормотал Уихара и вытер ладонь о штаны.

Какое-то время он переживал, сидя в высокой траве. Он хотел убедиться, что его не заметили те пьяные парни. Потом, когда глаза привыкли к темноте, он стал осторожно пробираться к третьему дому, где предположительно жила старуха. Все тело Уихара горело огнем, он не чувствовал ни рук, ни ног. На первой развалюхе, прямо на стене, он различил выведенные кем-то буквы: «рабо... ще... жи... е». Если б Уихара и удалось расшифровать эту таинственную надпись, то он все равно ничего бы не понял — температура у него поднялась, вероятно, до сорока. Уихара посмотрел вокруг — ничего, что имело бы больше смысла, чем эти старательно выведенные черной краской буквы. Три дома-лачуги, забор, решетчатая опора, заросшие сорняками горы строительного мусора, разбитые бутылки, раздавленные жестянки из-под саке, автомобильный остов — все это было для Уихара лишь некоей абстракцией... Холодная, еще покрытая капельками банка «Покари Свит», продавцы в магазине в своих неизменных форменных костюмах со значками на груди, их разговоры и приветствия, улыбающиеся с обложек глянцевого журналов красотики, цветочные ящики вдоль

набережной, детская площадка, вывеска «ВИНО. ВОДКА», музыка, доносящаяся из наушников гуляющих, яркие, рокочущие автомобили, ноги, обтянутые черными чулками... Уихара никогда не воспринимал этот вздор как реальность. Его это попросту не касалось. Теперь он понимал почему: для обреченного на смерть всякая реальность кажется не более чем шелухой, покрывающей этот мир... Обреченный на смерть лишь убивает время в ожидании своего конца. Он ненавидит разговоры — разговоры бессмысленны. «Сегодня ветрено!» Эту фразу Уихара услышал, выходя из дому. Вот яркий пример — ни смысла, ни выражения... просто «Сегодня ветрено». Пустые слова, ни к кому не обращенные, ничего не говорящие... Телевизор, помогающий пережить скучный вечер, популярные песенки из радиоприемника или люди, сидящие друг напротив друга в пригородном поезде, — это те же пустые, ненужные слова. Но когда они доносятся из уст собственных родителей! Уихара вовсе не улыбалась перспектива служить им вечным развлечением, средством скоротать часок-другой. Именно поэтому он послал их к черту, да и весь остальной мир тоже. Какой смысл жить с людьми, думающими только о развлечениях?

— Это все червь, — шептал Уихара. — Теперь он хранит меня. У меня, как и у тех людей в Интернете, есть цель! Все, что во мне было разобщено, нынче собрано воедино. Сегодня для меня открылось нечто столь важное, что я не понимаю, как смог бы жить дальше без него.

Наконец Уихара удалось добраться до самой крайней хибары. Из окна бил тонкий лучик света, и это лишний раз подтверждало, что старуха дома. Он облегченно вздохнул. Окна были заколочены, поэтому издали казалось, что дом совершенно необитаем. Уихара подошел поближе к входной двери, и тотчас же на него обрушились странные звуки, словно одновременно замыкали тысячи кошек. «Интересно, каким местом можно издать такое?» — изумился он и вытащил из-под куртки нож. Ближе к рукояти лезвие немного притупилось, но конец был еще острым. Уихара показалось, что он смог бы пробить и железо. Ему снова вспомнились подробности индейских ритуалов с сайта «Интер-Био», особенно вымазанные грязью старухи в ожерельях из человеческих

зубов. В каждой руке они держали раскаленные металлические прутья и норовили попасть пленнику в глаз или в пах. Самые отчаянные старались засунуть прут прямо в горло несчастному или проткнуть его через задний проход...

Уихара легонько постучал — никакой реакции. Он уже стал подыскивать камень побольше, чтобы выломать доски из двери, как в глаза ему ударил свет и на пороге возник черный силуэт старухи.

— Ты задержался... Я уж заждалась! — оглушила она.

У Уихара уже не осталось сил, чтобы удивляться. Он незаметно сунул нож обратно под одежду...

IV

— Ну давай, входи уж... Я остановилась как раз на самой середине. Пока я закончу, сделай себе чаю.

Старуха махнула рукой в сторону своей полутемной комнаты и проковыляла мимо, чтобы притворить входную дверь. Уихара осторожно поправил нож. Тусклая лампочка осветила ее лицо, и он было засомневался — точно ли ее видел вчера у магазина? В полумраке комнаты легко было ошибиться, тем более что абажур был плотно укутан темной тканью.

— Это хорошо, что ты пришел. Ты же сам говорил, что хочешь увидеться. Хорошо... Я так рада! погоди секунду, я выключу проигрыватель, а то пленка порвется. Ты же знаешь...

Уихара огляделся. Он стоял посреди узкой, вытянутой в длину комнаты, больше походившей на внутренность железнодорожного вагона, только без полок. Лампочка едва освещала микроскопическую кухоньку с земляным полом. Такой же пол был и в прихожей. Старуха прошаркала сандалиями в темный угол, где стоял какой-то аппарат, напоминавший допотопный проектор. Она щелкнула выключателем, и странный шум наконец прекратился. Потом старуха направилась на кухню и стала черпать воду из пластмассового ведерка, что стояло рядом с раковиной.

— Я сделаю чай... Э! Ты же любишь шоколад, так? Ну конечно! Что ж, у меня есть и шоколад. Хорошо бы еще и молока, но уж не обессудь... Да что ты там все копаешься? Давай проходи смелее! Шевели задницей!

Стараясь не выпускать старуху из виду, Уихара опасливо стянул с ног кроссовки и прошел в комнату. Против обыкновения, пол был застелен не татами, а линолеумом, местами вспучившимся. Вообще обстановка отличалась крайней бедностью. На кухне не было ничего, кроме раковины, ведра, плитки и маленького холодильника. Из крана сочилась вода.

Окна оказались заклеены изнутри кусками черного картона. Уихара прислушался, но снаружи не доносилось ни звука. Он попытался получше разглядеть хозяйку. Сейчас на ней был черный свитер и шерстяные брюки неопределенного цвета. Так ее или, черт побери, не ее он видел вчера? Старуха улыбалась сама себе и над чем-то колдовала у газовой горелки. Уихара аж вспотел от напряжения: у той и у этой раздута нога, и та и другая хромают... А может, та, вчерашняя, не хромала? У него в ушах еще звучали ее первые слова, с которыми она вышла к нему навстречу. Уихара и думать забыл об убийстве — сейчас он беспокоился лишь о том, как бы не грохнуться в обморок. Все же как-никак он первый раз в жизни зашел в чужой дом — так сказать, на чужую территорию. Когда старуха распахнула перед ним дверь, он не успел разглядеть ее лица. Во всяком случае, это не было лицо конкретного живого человека. Оно не походило ни на бездушную личину робота, ни на застывшую физиономию куклы. Скорее это было чье-то абстрактное представление о человеческом лице, маска, условность. Если бы старуха не заговорила сразу, он точно прирезал бы ее. В душе Уихара начал смутно ощущать то же, что обычно чувствовал, когда бил свою мать.

Когда Уихара перестал выходить из дому, мать отвела его к психотерапевту. Молодой доктор попытался разговорить Уихара. Он сидел за своим письменным столом, причем его лисья мордочка была наполовину скрыта тенью от абажура, и лопотал:

— Конкичи! Я хочу подружиться с маленьким Уихара!.. А Уихара даже не разговаривает со мной... Конкичи! Что я могу для тебя сделать? Как ты думаешь? Как сделать так, чтобы малыш Уихара сказал хоть словечко? Иначе как же мы с ним подружимся, а, Конкичи? Знаешь, очень трудно с кем-нибудь подружиться не разговаривая...

Уихара понимал, что старуха принимает его за кого-то другого. В принципе это было даже хорошо — он мог спокойно поговорить с нею. Он был уже не Уихара, а кто-то другой, и даже необязательно тот, за кого принимала его сумасшедшая. Так чего же ему теперь бояться? Еще совсем недавно Уихара считал, что лучшей формой общения для него был бы обмен короткими сообщениями типа SMS. Если кто-нибудь прямо обратился бы к нему да еще захотел узнать его мнение, Уихара умер бы на месте от волнения.

— Готово. Садись, что ли.

Старуха налила горячий шоколад в эмалированную чашку и поставила перед ним. Затем она предложила Уихара стул с бежевой подушечкой. Стол и стул были совсем крошечными, но все равно казалось, что они занимают добрую половину комнаты. Круглый стол был покрыт скатеркой — идиллия, да и только! Не хватало разве что вазы с цветами. Стульчик был с подлокотниками и с мягкой вставкой в спинке. И стол и стул казались совсем новыми и были явно из одного гарнитура. «Интересно, откуда у этой бабки такая мебель?» — подумал Уихара. Он представил, как старуха сама строгаёт деревяшки и при этом разговаривает сама с собой.

Уихара протянул руку за чашкой, и старуха тотчас заметила кровь. Мгновение спустя на столе появилась аптечка, из которой женщина извлекла небольшой тюбик. Она аккуратно смазала рану и ловко перевязала кисть — Уихара даже не почувствовал боли. В комнате запахло свежескошенной травой и еще чем-то... одним словом, летом.

— Раны следует сразу же промывать и перевязывать, — произнесла старуха. — Но ты ведь как всегда... Знаешь, когда скончался господин Йосияма, я подумала, что ты, наверное, тоже уже умер. У него случился удар. Сколько времени прошло... Однажды я взяла и сожгла все

фотографии. И твои тоже. Прости... Они так странно горели — оранжевым пламенем. Ненавижу! Мне казалось, что огонь оскверняет их... Ты мне часто снишься. И все такие чудные сны! Мы с тобой стоим на мосту. Ну, ты же помнишь киностудию? Ну да, да, ты должен помнить! И еще директор... как его? Господин Сакаи! Это его родовое имя. Он всегда носил красный платок... Ну так вот, мы с тобой участвовали в съемках... снимал, кстати, сам господин Сакаи. Ну, понятно, это же сон... Короче, там была такая сцена — женщине делали укол в задницу. Ну вот, ее колют, и вдруг все понимают, что задница-то вовсе не этой женщины, а кого-то другого! Тут все как закричат: «Кино не должно обманывать зрителя! Мы показываем только правду! И тебе не стыдно снимать такое?» Это они нам кричат — тебе и мне то есть. Господин Сакаи весь красный, разозлился очень: «Ты лжец! — вопит. — Думаешь, я забыл, что ты вытворял во время забастовки?» А ты вдруг бьешь его по лицу полицейской дубинкой, и на нас тут же все набрасываются... Помнишь, как ты бежал? Мы оба тогда неслись как угорелые. А куда?.. Ах да, мы тогда спрятались в старом бомбоубежище и просидели там черт знает сколько времени. А когда ты исчез, я приходила туда тебя искать. Я знала, что ты продолжаешь там скрываться и совсем не выходишь наружу. Но я была очень осторожна и приходила туда только поздно ночью, так что меня никто не видел. Я говорила тебе, что не буду рыться в твоих вещах... Как же давно мы с тобой не разговаривали... Я могу столько всего рассказать... даже не знаю, с чего начать. Ну... Так ты действительно все время сидел в бомбоубежище? И даже когда я приходила и звала тебя? Ну да, да, я так и знала! И ты все это время был там?

Старуха повторила последний вопрос столько раз, что Уихара устал кивать. Он не представлял себе, что означает это «б-о-м-б-о-у-б-е-ж-и-щ-е» или как там его... По старухиному рассказу выходило, что это место служит для укрытия. Он и сам был не прочь укрыться от всего мира, но не в б-о-м-б-о-у-б-е-ж-и-щ-е. Старуха говорила так, словно читала хорошо заученную роль. Впечатление было такое, будто у нее перед глазами лежал листок с текстом. Словно она знала наперед, что скажет

через минуту... Уихара подумал, что все одинокие люди именно так и должны разговаривать. Да и он сам, если бы сошел с ума, говорил бы точно так же, словно обращаясь к кому-то. Живя в одиночестве, он тоже часто развлекался разговорами с воображаемым собеседником. Уже засыпая, закрыв глаза, он представлял себе кого-нибудь и вступал с ним в беседу. Он не разговаривал ни с матерью, ни с сестрой, ни с врачом — как правило, это была либо его одноклассница, либо школьный приятель. Иногда он о чем-то спорил с девицей из магазина. Одним словом, это были случайные люди, с которыми в жизни он почти не общался, так, перебрасываясь словом-другим, не больше. Уихара и сам не понимал, почему так происходит, отчего именно эти люди возникают в его воображении. Сначала он придумывал обстоятельства, при которых могла бы завязаться беседа, и произносил первую фразу. С одноклассницей он разговаривал у самого входа в школу, стоя около машины. Кажется, он предлагал ей обменяться постерами с изображениями каких-то героев из мультфильмов. Уихара не мог с точностью сказать, было ли такое на самом деле или происходило лишь в его воображении. Он помнил, как девочка садится в ожидающую ее машину и уезжает. А до этого они шли вместе метров десять... и Уихара что-то говорил о мультиках... или что-то в этом духе. Как бы то ни было, все эти разговоры он представлял себе очень четко, вплоть до мельчайших деталей.

— Я так и знала! Так и знала... И все-таки таскалась туда всякий раз... Там ничего не изменилось, все осталось по-прежнему. Туда уже никто не ходит, все забыли про это место. Я была полностью уверена, что никто и не пытался проникнуть внутрь. Значит, ты был там... Знаешь, я так и думала...

Уихара внимательно посмотрел на старуху и еще раз убедился, что она обращалась не к нему. У него создалось впечатление, будто комната заполнена призраками, которые согласно кивают в ответ на старухины речи.

— Ну что, допил? Уихара вновь кивнул.

— Тогда пойдем, покажу тебе кое-что.

Старуха прошла в самый темный угол комнаты и бросила Уихара подушку, чтобы он мог сесть прямо на пол. Потом она уселась рядом и включила аппарат, который по виду напоминал проектор. Посередине у него размещался экран, не превышавший размерами почтовую открытку. Таких экранов Уихара еще не видел. Понадобилась почти минута, чтобы он слабо засветился. По бокам располагались два держателя, на которых укреплялись бобины с киноплёнкой. Ручка внизу служила, судя по всему, для ускорения или замедления воспроизведения. Уихара никак не мог надивиться на такое чудо техники. Но странное дело — как только он увидел этот древний агрегат, его душу охватила непонятная жалость... Экран не был похож на экран современного телевизора и уж тем более на компьютерный монитор. Он помигивал, подергивался — одним словом, он жил и дышал. От него даже исходило едва уловимое тепло, как от электрической лампочки. Корпус аппарата матово отливало серебром.

Включив его, старуха натянула на руки пару тонких белых перчаток. В мгновение ока человеческие руки превратились в два восковых изваяния. Потом старуха с непостижимой ловкостью ухватила кончик пленки и заправила ее в аппарат, замотав начало пленки на правую бобину. Уихара смотрел во все глаза: невероятно, чтобы такая старушенция могла так здорово управляться с техникой! Ее руки теперь походили на руки дирижера или профессиональной танцовщицы.

— Сначала я покажу тебе записи из деревни. Там есть и ты. Но понимаешь, на вкус и на цвет товарищей нет... Мне кажется, что лучше начать именно с этого. Тебе должно понравиться, хотя... Ну, ты понимаешь...

Старуха повернула маленькую ручку, и пленка зашуршала. На экране появилось изображение, но, к сожалению, очень плохое. Уихара удалось разглядеть мужчину, вернее, его силуэт. Изображение на экране запрыгало. Он подумал было, что у оператора руки тряслись или что-то случилось с проектором.

Но оказалось, что аппарат тут ни при чем — дергался человек на экране. Точнее, дергались его руки, державшие чашку с водой. Уихара

мгновенно охватило ощущение дежавю, и у него закружилась голова. Ему показалось, что он уже видел что-то подобное... Камера чуть отъехала назад и показала мужчину в полный рост — средних лет, одетого в легкое хлопчатое кимоно. Он пытался отпить из своей чашки, но его руки тряслись, как у запойного пьяницы, и вода расплескивалась. Тогда мужчина собрал всю волю и попробовал поднести чашку ко рту правой рукой — с тем же успехом. Край чашки стукнул его по подбородку, попал по спинке носа и в довершение угодил в лоб. Все лицо несчастного было залито водой... Ясно было, что человек не в состоянии управлять своими движениями и что, несмотря на все усилия, он не понимает, почему руки его не слушаются. Уихара почувствовал, как по его спине потек холодный пот. С ним часто случалось нечто похожее: например, он хотел позвонить по телефону, но соединения не происходило, а кнопки расплывались у него перед глазами. Самое страшное заключалось в том, что человек на экране, похоже, не осознавал происходящего и не мог понять, отчего его руки сами по себе начинают выписывать кренделя. Обычно такое случается либо у алкоголиков, либо у пассажиров самолета, попавшего в зону турбулентности.

На следующих кадрах Уихара увидел кошку. Предыдущая сцена длилась не более пяти-семи секунд и закончилась так же неожиданно, как и началась. Фильм был черно-белый и немой. Следующие кадры снова оказались черно-белыми. Спокойно сидевшая кошка вдруг начала биться в конвульсиях и кататься по земле, поднимая тучи пыли. Если у мужчины на экране дергались только руки, то бедная кошка напоминала баян — ее тело растягивалось и сокращалось, словно меха. Уихара тщетно старался отвести глаза и чувствовал себя на грани обморока. Потом на экране возникла женщина с высокой прической. Ее лицо искажено, рот открыт — судя по всему, она громко кричит. Она очень молода, почти девочка — у нее не заметно даже грудей. Женщина начинает бить себя кулачками по коленям, потом ее руки бессильно падают. Видно только, как она дрожит крупной дрожью.

Вслед за женщиной на экране появились иероглифы. Первый означал воду, значение второго Уихара не знал, а третий читался как «город». Потом выскочила надпись: «Болезнь Минаматы». До этого Уихара думал, что эти люди не японцы и дело происходит где-то за границей, предположительно где-нибудь в Центральной Азии, среди баранов и диких лошадей. Лица были черны, одежда бедна и примитивна, как у каких-нибудь дикарей. Вообще эти кадры напомнили ему фотографии из брошюры по гражданской обороне.

Далее шла сцена в бане. Даже не сцена, а набор фотографий. Вот мужчина погружается в большую деревянную лохань. Мужчина худ, изможден, кожа сморщена. Какая-то женщина, должно быть мать, поддерживает его под руки. По фотографиям не понять, бывают ли у него такие же судороги или нет.

— А это ты совсем маленький!

Старуха повернула ручку, и экран сделался белым. В следующее мгновение Уихара увидел марширующих женщин в противогазах. Противогазы напоминали огромных пауков, обхвативших лапами женские головки. Женщины маршировали в ногу, стройными рядами, взмахивая время от времени небольшими флажками. «Как в фантастическом фильме!» — ахнул про себя Уихара. На флажках было выведено: «Победа будет за нами!». Старуха вдруг ткнула пальцем, указывая на кого-то в толпе.

— Глянь-ка! Это же ты! Видишь? Конечно это ты. Ну да... Посмотри, вы же похожи как две капли воды. Да и время вроде то же... Это марш женского отряда обороны в тюрьму Суга-мо. А ты как раз там рядом жил!

Уихара согласно кивнул. Лицо ребенка, на которого указала старуха, появилось на экране на какие-то доли секунды, к тому же из-за скверного качества записи разобрать что-нибудь было решительно невозможно. Но старуха все повторяла: «Это же ты!» И Уихара вдруг понял, что она права. Это был действительно он! Дело запутывалось до невозможности: старуха явно принимала Уихара за кого-то другого, и, когда она первый раз закричала «Смотри, это же ты!», Уихара было подумал, что она обращается к своему воображаемому гостю. Еще пару

минут назад, едва только заработал аппарат, Уихара почувствовал, как что-то проникло внутрь него. Ощущение было такое, как будто он пытался проглотить корку хлеба, которая встала у него поперек горла. В этом было что-то до боли знакомое, но, что именно, Уихара не мог сказать.

Новая сцена представляла собой огромную спортивную площадку. На ней, на сколько хватало глаз, шеренгами были выстроены дети, одетые в укороченные мундирчики. От их бесконечного однообразия у Уихара при взгляде на экран сразу начала кружиться голова. Камера пошла по рядам, выхватывая только головы и верхнюю часть туловища. Дети раскрывали рты и что-то самозабвенно вопили через равные промежутки времени. Казалось, что они все время кричат одно и то же. Во главе отряда стоял мальчик-знаменосец. Потом на трибуну взошел какой-то юноша в фуражке, достал лист бумаги и начал читать. Было хорошо видно, как у него напрягались шейные мышцы.

— Вон, посмотри! Видишь себя? — наклонилась старуха. Запись шла со звуком. Уихара прислушался, но разобрал

лишь слово «патриот». «Это японцы, — подумал он. — Интересно, а что значит „патриот“?» Патриот почему-то представился ему в виде морского моллюска в твердом панцире.

— Вон, видишь того мальчишку? Это ты! — не отставала старуха.

Уихара снова кивнул. И в тот же момент он понял, что напомнила ему самая первая сцена с трясущимися руками. Больницу. Вернее, больничную палату, где лежал его дедушка. Червя, ввинчивающегося Уихара в глаз. Тогда он не испытывал ни страха, ни боли — только бесконечное удивление.

У него было такое ощущение, будто эти люди с экрана стали частью его самого. С одной стороны, они не вызывали ничего, кроме отвращения и чувства гадливости. И все-таки Уихара понимал, что теперь они никуда не уйдут, — они успели проникнуть в его тело, как тот червь. Когда паразит вкручивался ему под веко, Уихара вдруг заметил, что он — уже не он, а кто-то другой, хотя и с сознанием прежнего Уихара. Не то чтобы он почувствовал, что попал под влияние

какого-то более могущественного существа... скорее ему показалось, что границы его собственного тела стали отныне зыбкими, условными и что он может теперь быть кем и чем угодно. Поначалу его это даже позабавило. Впрочем, Уихара скоро убедился, что никому до этого нет никакого дела.

Все время, пока он размышлял, старуха бухтела ему прямо в ухо: «Это ты, это ты, это ты и это тоже ты!» Уихара кивал уже чисто автоматически. Потом он повернулся к ней и стал откровенно разглядывать ее лицо.

Экран тем временем показывал внутренность огромного цеха. О величине помещения можно было судить по тому, что ни пол, ни потолок в кадр не попадали. За столами, верстаками и конвейерами стояли дети и в свете сотен ламп, свисавших откуда-то сверху, не то что-то пилили, не то начищали до блеска. Чуть погодя Уихара догадался, что это были электрические выключатели. Своими механическими, заученными движениями дети напоминали муравьев. Перед каждым из них лежали напильники и ветошь для полировки.

— Вон-вон, смотри! Да посмотри же на себя!

Опять дети. На этот раз посреди поля, рядом с аэропланом... Дети выполняли гимнастические упражнения. Их было, вероятно, несколько сот — и ни одного сбоя, ни одной ошибки в движениях! И каждый повторял одно и то же... На некоем подобии эстрады возвышался человек в военной форме и руководил процессом. Позади самолета на земле были аккуратно разложены пулеметные диски. Когда упражнения закончились, дети, гордо улыбаясь, сгрудились вокруг аппарата... Уихара понял, что это кадры военных лет. Значит, и те, с мужчиной в кимоно и с чашкой воды, тоже! Но зачем эта старуха показывает ему это старье? И за кого принимает?

Поле, огромное поле... Местами вспаханное, местами под паром. По полю идут дети с лопатами. Позади них держатся несколько взрослых — все с саблями у пояса — и отдают приказания. Внизу появляются титры: «Юные добровольцы на сельхозработах». Дети улыбаются и смахивают капли пота, заливающего глаза.

— Вон ты где! — вдруг завопила старуха и схватила Уихара за руку.

Тот опять закивал, как болванчик. «Ну да, точно! Это же я! У меня было ружье и куча друзей...» Уихара повернулся к старухе, и ему показалось, что та плачет. На экране светилась надпись: «Из неизведанных краев».

— Я украла все это в конторе, — проговорила старуха. — Вообще там оказалась масса всякой дряни. Это валялось в подвале, в углу. Ну а я потихоньку прихватила с собой. Тебе ведь нравилась Сецуко Хара, да? У нее был один кавалер, но кто?

Уихара повторил про себя это имя — Сецуко Хара, и у него сразу возникло ощущение, что он действительно любил ее.

Пленка оказалась склеенной как попало: даже звуковое сопровождение не всегда соответствовало изображению. Женский голос без конца произносил одну и ту же фразу: «Ах, но это же ужасно!» А на экране дама высокого роста кормила козочек. Камера отъехала назад, и Уихара увидел целое стадо. Потом высокая дама (Сецуко Хара, как понял Уихара) подошла к какой-то девушке и что-то прошептала ей на ухо. По губам можно было догадаться, что именно: «Ах, но это же ужасно!» Вдруг Сецуко Хара швырнула наземь корзину с кормом и бросилась бежать. Отбежав несколько метров, она повернулась к козам, что-то прокричала им и припустила дальше. При этом она улыбалась на бегу. Добежав до небольшого пруда, Сецуко Хара остановилась, крикнула то же самое, что кричала козам, рыбам в пруду, и пропала из поля зрения. Потом Уихара увидел рыбок и черепаху, что сидела на камне посреди пруда. В ту же минуту звук совпал с изображением, и Уихара услышал: «Скажи, это правда?! Это правда?! Правда?! Скажи, это правда?!» — и так далее. Он рассмеялся и сам поразился своему смеху. Он уже не помнил, когда смеялся последний раз. «Что такое?» — шепнул его внутренний голос. Уихара почувствовал, как по спине прошел холодок. Он перешел какую-то невидимую грань, откуда уже не было возврата. То смеялся не Уихара — смеялся тот, другой. И этот

другой теперь стоял на краю ямы и забрасывал настоящего Уихара землей...

На экране вновь появилась Сецуко Хара. На этот раз на пару со своим возлюбленным. Вот они прогуливаются в горах, вот они гуляют по улочкам какого-то города... Из динамиков снова донесся визгливый женский голос. Но теперь звук не имел никакого отношения к картинке. Женщина кричала: «Ты что, действительно считаешь, что Германия столь же хороша? Ты что, действительно...» Уихара уже тошнило от смеха, но он не мог остановиться. Теперь ему казалось, что он начал ржать как сумасшедший, едва только увидел первые кадры с человеком, пытающимся выпить воды и в итоге обливающим себе лицо. Такие сцены увидишь разве что в комедии... Впрочем, женщины, марширующие в противогазах и в одинаковой одежде, не хуже. Такое обычно показывают в ночных передачах, а в действительности ничего подобного не существует.

Сецуко Хара тем временем благополучно выходит замуж и покидает Японию. Теперь она ведет нелегкую жизнь фермера... Сецуко Хара с младенцем на руках, Сецуко Хара смотрит на своего мужа, идущего вслед за плугом, запряженным огромным буйволом. Она улыбается... Позади нее простирается прерия...

Уихара никак не мог взять в толк, почему девушка из зажиточной семьи, одетая в очень дорогое кимоно, находится с ребенком в таком месте. Для чего ей кормить коз, сыпать корм рыбам и черепахам?.. Муж тем временем оставляет свой плуг и бежит к Хара. Он хватает ребенка и поднимает его вверх на вытянутых руках. У ребенка непропорционально большая голова — как у олигофрена. К тому же он ничуть не похож на мать.

Кадры из жизни Сецуко Хара вскоре сменились изображением женщин за швейными машинками. Уихара даже сморгнул несколько раз — настолько невероятной показалась ему скорость, с которой швеи управлялись со своей работой. «Может, пленка прокручивается слишком быстро?» — только и успел подумать он. Еще Уихара разглядел, что машинки установлены ровными рядами на узких столах в помещении

необъятных размеров. Ясное дело, фабрика... Перед его глазами проплывали сотни и сотни машинок и женских рук. Между рядами неспешно прогуливались мастера. Глядя на них, Уихара засомневался, что смотрит фильм на быстрой прокрутке: женщины-мастера прохаживались вполне естественно. Значит, все-таки это швеи демонстрировали чудеса скорости: едва заправив один край в машинку, они уже подрубали другой. «Ну да, типа еще один приколы из ночной программы», — снова подумал Уихара. Его тело все еще сотрясалось от смеха. У него болел живот, а на глазах выступили крупные слезы.

После швейной фабрики пошла спичечная. Работали тоже одни женщины. С удивительной ловкостью они захватывали нужное количество готовых спичек, аккуратно подравнивали их и укладывали в коробки.

Уихара начал задыхаться — от хохота он не мог вдохнуть достаточно воздуха. Это уже не было похоже на обычный веселый смех. Капли пота стекали у него по лбу, по щекам и даже заливали глаза.

Зато старуха уже не смеялась...

Далее они увидели выстроенных по ранжиру медиков в ослепительно белых халатах. Врачи стояли во дворе, чрезвычайно напомнившим Уихара дворик в его психиатрической клинике. По яркости солнца и пальмам он догадался, что все происходит где-то на южных островах. Перед строем эскулапов выступал человек в военной форме. Он орал и взмахивал руками. В следующее мгновение крикун сменился человеком с ногой, ампутированной, как говорится, по самые яйца. Уихара подавился собственным смехом и замолчал. Смех вылетел из него, как воздух из проколотого шарика. Уихара чувствовал, словно в душу ему насыпали колотого льда. Смех затерялся где-то в глубине черной ямы, откуда пытался выползти тот, другой Уихара, его двойник. Он говорил что-то, но настоящий Уихара делал вид, будто не понимает...

Уихара здоровой рукой отер пот с лица и снова уставился в экран. Камера взяла крупный план руки, которая нежно поглаживала культю, напоминавшую кусок ветчины. Потом в кадре возникло улыбающееся лицо медсестры.

По равнине продвигались солдаты, за ними шли танки. Американцы... Один из солдат нес на спине резервуар, от которого шла длинная трубка, — настоящий охотник за привидениями! Вот из ямы у подножия пальмы выскочил человек и в следующее мгновение забился, охваченный пламенем. Потом он упал и больше не двигался. Солдат равнодушно посмотрел на сожженного и выплюнул комок жевательной резинки.

Пляж. На песке валяются полузасыпанные обгорелые трупы. Над ними вьются рои жирных мясных мух.

Уихара показалось, что сцена с мухами несколько затянута. Когда он смотрел на муки охваченного пламенем, его двойник, что пытался вылезти из воображаемой ямы, молчал. Значит, последние кадры прервали начавшийся было процесс раздвоения личности. Зрелище было невыносимое, но Уихара не мог оторваться от экрана. Это были не приколы и не комедийные гэги.

Если фильм заставил двойника умолкнуть, то Уихара он привел в крайнее беспокойство. Ему совершенно не хотелось смотреть на подобные ужасы. Ему хотелось сию же секунду выскочить из проклятого дома, но тело словно одеревенело...

Старуха продолжала крутить ручку аппарата. Уихара казалось, что он сидит тут целую вечность, хотя прошло не более десяти минут. На экране показались женщины в кимоно, по-видимому японки. Одна за другой женщины бросались в море со скалы. Они шли по высокой траве, воровато оглядываясь, словно хотели присесть пописать. Беспокойно озираясь, они подходили к краю обрыва и, сложив на груди руки, отважно бросались в пустоту. Свой последний шаг они делали с такой деловитой уверенностью, что казалось, будто так и должно быть. Они падали сотнями, словно ненужный хлам... Прилив уже лизал плоские камни и смывал с них кровь несчастных. Подножие скалы было усеяно изуродованными телами и клочьями одежды...

Потом была палуба какого-то судна, а на ней друг напротив друга японский солдат в белой форме и медсестра. Солдат держит раненую руку у груди, его глаз закрыт черной повязкой. Медсестра что-то ему

говорит. Она протягивает руку, и со стороны создается впечатление, будто она указывает на что-то, виднеющееся вдали. Но солдат ничего не видит. Потом камера наезжает на личико сестры — по ее губам читается, что она произносит слово «чайка». Солдат смеется и кивает...

Уихара обернулся и снова увидел на старухином лице слезы. Она что-то говорила, но из-за шума работающего аппарата ничего нельзя было разобрать. Уихара наклонился поближе.

— У нее в ноге постепенно накапливается кальций, вот в чем беда! Если вовремя не принять мер, то пиши пропало. Н-да, видите ли, все дело-то в кальции! И ничегошеньки не сделаешь... Вот и поди знай...

...Но, может, есть какое-нибудь средство?

...Да сколько угодно! Но разве она их принимает? К тому же они вымывают весь кальций из костей, и те становятся хрупкими... Такими вещами опасно злоупотреблять!

...А доктор что говорит? Она вообще может когда-нибудь выздороветь? Разве при всех современных достижениях науки...

...Она не верит врачам.

«И правильно делает, — подумал Уихара. — Эти идиоты ничего не понимают, да и не пытаются понять».

...Да кроме того, у нее же еще и эта болезнь, да? По крайней мере, работать-то она сможет?

...Да кому теперь нужны спецы по монтажу? Нынче все по-другому, все на видео... И никакого тебе целлулоида! Вот и работай, хе-хе... Не, теперь это никому не нужно. Все, нет больше кинематографа!..

Наконец старуха отпустила ручку аппарата, и экран погас. Левая bobина опустела и, вращаясь, издавала звуки вроде «га-ла-гала-гала-гала». Старуха поймала пальцами кончик пленки и заправила его в пустую катушку, чтобы отмотать назад. Уихара встал. Старуха замолчала и посмотрела в его сторону.

— Что, уже уходишь? Уихара кивнул.

— Ну, смотри будь осторожен!

— Хорошо.

Впервые за много лет Уихара заговорил с кем-то, кроме матери и сестры.

— Что, обратно в бомбоубежище?

— Ага...

У

Уихара вышел на свежий воздух и огляделся. У него рябило в глазах, а по телу медленно разливалась усталость. Чувства его были притуплены. Стоило закрыть утомленные глаза, как перед внутренним взором тотчас же вставали ужасные картины войны: охваченный пламенем человек, обгоревшие трупы солдат на солнечном пляже... Уихара чувствовал себя так, будто вывалился в грязи. Он вышел на узенькую улочку и направился в сторону дома.

Навстречу ему попадались то подростки с пластиковыми сумками, то группы подвыпивших служащих, возвращавшихся из питейных заведений; на крыльце одного из домов галдели домохозяйки. Мимо пронеслось несколько ребят из вечерней школы. Но все они ничуть не взволновали Уихара. Раньше встреча с незнакомым человеком на улице приводила его в трепет. От одной только мысли, что с ним могут заговорить, он испытывал настоящие мучения. Сегодня же заметил, что прохожие не только не намерены вступить с ним в беседы, но и сами сторонятся себе подобных.

Во рту все еще ощущался вкус горячего шоколада. Уихара вышел на набережную, остановился у самой воды и поправил за поясом нож. Было очень тихо. В конце концов, он ведь так и не убил старуху. Уихара понимал, что мог сделать это в любое мгновение — стоило только захотеть. Зараженные червем хослокатерия имеют право убивать. Им ничего не стоит перейти от слов к делу.

Уихара задумался: «К чему эта бабка стала показывать мне военную хронику?» Убитый из огнемета японский солдат и полуразложившиеся трупы на песке никак не выходили у него из головы. Хуже всего были мухи — Уихара почти слышал их жужжание. «Кстати, доволен ли просмотром мой червячок? И зачем, черт возьми, ей приспичило показывать мне кино? И кто этот человек, за которого она

принимала меня?» Но эти вопросы так и оставались без ответа. Когда старуха показывала на экране его самого, Уихара видел целое море человеческих лиц. Какое же было его? «Дура какая-то, — подумал он. — И правильно сделал, что не тронул ее». Ему опять вспомнились горы трупов на пляже. Интересно, не были ли хотя бы некоторые из них заражены червем? И вообще, какое отношение хослокатерия имеет к войнам? Уихара не стал ломать голову и решил спросить об этом у ребят из «Интер-Био».

Правая рука еще побаливала, но боль не была резкой. Чуть пониже локтя он ощущал какое-то покалывание и пульсацию крови. Это напомнило ему мигание диодной лампочки в его компьютере при включении в сеть. «Ну ничего. С этим можно жить», — подумал Уихара и медленно пошел вдоль реки. Легкий ветерок ласкал его лицо. Уихара решил сразу же по возвращении домой посмотреть в Интернете что-нибудь про бомбоубежище. Где-то он слышал это слово?..

Когда он ввалился к себе в квартиру, было около одиннадцати вечера. Уихара запер дверь, накинул на всякий случай цепочку, прошел в комнату и рухнул на постель. Руки и ноги немилосердно ломило. Ладони, лицо и одежда — все было вымазано какой-то дрянью. Уихара взглянул на ноутбук, но включать его и искать какое-то там бомбоубежище не было ни сил, ни желания. Он дико устал, хотя и не понимал отчего. Ну, хорошо, ткнет он сейчас кнопку, компьютер зажужжит, засверкает огоньками, на экране появятся разные иконки... Потом изволь открывать «Internet Explorer»... включится и запищит модем, потом, если линия свободна, раздастся характерный звук... Этот звук чем-то напоминает крик какого-то маленького зверька. Уихара воспринимал его как крик о помощи. Ох ты черт, отчего ж так хреново-то? Ладно, этим можно заняться и попозже...

Все тело его было покрыто потом и зудело. И только от повязки на правой ладони все еще исходил едва различимый аромат свежескошенной травы. Такое впечатление, словно держишь на ладони маленькое лето...

Стараясь не намочить повязку, Уихара принял душ. Потом он прошлепал босыми ногами к столу и включил компьютер. Старуха давеча спросила, не в бомбоубежище ли он возвращается, а он соврал, что да, именно туда. «Странное какое-то слово», — думал Уихара. Не простое слово, как, например, «чашка» или «телек»... И оно не похоже на те слова, что часто выдумывают дети или узнаешь в школе. По тону, каким был задан вопрос, Уихара догадался, что речь идет о жилом строении. Но, судя по всему, это строение не похоже ни на горный домик вроде шале, ни на хижину. Впрочем, с чего он взял, что человек, с которым его спутала старуха, действительно жил в убежище.

Уихара набрал три знака, которые должны были означать слово «бомбоубежище». Нажав на клавишу пробела, он оцепенел: определенно где-то он видел эти три китайских иероглифа.

Потом он ввел получившееся выражение в окно поисковой системы и получил 278 ответов. Первый сайт, на который он попал, оказался страничкой какого-то малоизвестного поэта. Несколько ссылок, автобиография, путевые дневники и полное собрание сочинений. Поэт был из района Тохоку, работал в начальной школе учителем физики. В маленьком окошке Уихара прочитал, что является 897-м посетителем. На сайте было опубликовано двести стихотворений, каждое на отдельной странице. Стихи были напечатаны черными иероглифами на оранжевом фоне. По краям все это щедро было украшено цветочным орнаментом. Стихотворение под номером 49 называлось «Я часто прихожу сюда, ко входу в бомбоубежище...».

Я часто прихожу сюда,
Ко входу в бомбоубежище...
Моя грусть подобна небесной воронке,
Сквозь которую Господь спускается к нам.
Черной краской Он нарисовал сумерки,
Сумерки, что заполняют эту юдоль...
Я слышу глас Божий, идущий из глубин...
Господь больше не рисует для нас,

Он рисует только на поверхности Земли.
О, как бы я хотел, чтоб кто-нибудь узнал
о моей тоске,
О том холоде, что внутри меня, о том покое...
И о той боли, что никогда не проходит. О, как бы я хотел, чтоб кто-
нибудь узнал твою историю...

Второй сайт принадлежал туристической компании из аэропорта Кансаи.

Этой весной в саду Санояма распустились дивные цветы... В эпоху Мэйдзи Санояма являлся стратегическим объектом, призванным защищать побережье. Сто лет тому назад крепость и батарея Токураяма надежно прикрывали вход в гавань. Крепость не утрачивала своего военного значения вплоть до конца Второй мировой войны. Особенно хорошо она зарекомендовала себя во время налетов вражеской авиации, которым подвергался наш остров.

В архивных документах можно найти упоминания об этом крае, и, основываясь на них, мы смогли восстановить его первоначальный вид. На вершине холма располагались казармы и стояла батарея тяжелой артиллерии. На склонах оборудованы хранилища, цейхгаузы и артиллерийские погреба. Там же было устроено бомбоубежище. Вход в него можно найти и сейчас. На западном склоне еще сохранились развалины старых укреплений, прекрасно подходящие для устройства пикников и для отдыха всей семьей.

Третья ссылка вела на сайт технического лица префектуры Яманаси.

Загадка развалин бомбоубежища

Как хорошо видно на старой карте, наш лицей расположен на территории, под которой ранее располагалось бомбоубежище. Но при чем тут загадка, спросите вы? Все в этой истории загадка. Например, вход. Зачем в бомбоубежище такой узкий вход? Там, в глубине, можно

заметить нечто, по форме напоминающее человеческую фигуру... Что бы это могло быть?

Далее следовала фотография местности. Посреди поля можно было различить какое-то подобие входа в подземное сооружение. В глубине действительно что-то белело, но как Уихара ни напрягал зрение, на человеческую фигуру это никак не походило. На следующем фото какой-то юноша внимательно изучал то, что осталось от входа. Под изображением Уихара прочитал: «Было ли это убежище построено во время войны для стратегических целей?» «Очень на то похоже», — подумал Уихара и перешел к четвертой ссылке. Это оказался рассказ о войне. Сайт поддерживался ассоциацией больных туберкулезом и медицинским персоналом одного санатория, расположенного в префектуре Нара. Уихара стал 1229-м посетителем этого сайта. Заголовок гласил:

Листья хурмы № 5

Цуруко Гото

Я пишу продолжение рассказа, начатого месяц тому назад.

Во время войны я была отправлена из родного Секигава в деревню. Раньше я ни разу не была в сельской местности. В Секигава осталась моя мать.

На занятиях в школе больше всего времени уделялось не наукам, а мероприятиям по гражданской обороне в случае вражеских авианалетов. Из-за этой войны меня насильно разлучили с мамой, а мне было бы куда легче находиться рядом с ней, пусть даже под американскими бомбами, чем здесь, в относительной безопасности. День шел за днем, но грусть моя становилась лишь сильнее.

В Секигава во время войны находилась военная фабрика, отчего город подвергался страшным бомбардировкам. Брат моего отца построил небольшой домик у подножия горы Эхиго, где жила и я. У меня была еще бабушка, но она наотрез отказалась уезжать из Секигава. Я хорошо помню, как отец пытался уговорить ее ехать, уверяя, что брат живет совсем неподалеку. Бабушка почти не ходила, так что ее пришлось

перевозить на ручной тележке. Со мной жил мой двоюродный брат Тецуи. Я ничуть не боялась этого переезда, так как Тецуи хоть и был старше, но никогда меня не обижал.

События, о которых я хочу поведать, произошли в апреле 20 года эпохи Сева, спустя несколько дней после того, как мы поселились в Эхиго. Дело в том, что бабушке стало хуже, и я несколько раз просила отца вернуться в Секигава. Наконец начались каникулы, и отец согласился. Я хорошо помню, как мы с Тецуи весело шагали по дороге, а я все думала о предстоящем семейном обеде, на который должны были собраться все члены нашей семьи. Все произошло очень быстро... Сначала была ослепительная вспышка, а потом раздался гром... Когда я пришла в себя, то увидела огромную воронку. Дороги больше не было. Раздался еще один взрыв, и я услышала, как кто-то кричит: «Ложитесь! Убирайтесь с дороги!» С окрестных домов посрывало крыши, и я оказалась засыпанной кучей битой черепицы и каких-то деревяшек. Наверное, я была в шоке, потому и не понимала, что случилось. Я лежала на земле и видела людей, что бегали вокруг, — их ноги мелькали прямо у моего лица. Я забыла о существовании Тецуи, да и обо всем другом тоже... потом мне удалось подняться на ноги, и я побежала... Вокруг все горело, горели дома, что стояли вдоль дороги. Кто-то схватил ведро с водой, которое стояло на крыльце, и опрокинул себе на голову. Я последовала его примеру и только тогда поняла, что совершенно голая. На мне остались лишь трусы... Кожу невыносимо жгло. Пока я стояла и осматривала себя, меня сбила с ног чья-то повозка. Никто не поспешил на помощь. Теперь можно решить, что это было жестоко, но посудите сами — кто в такой ситуации стал бы думать о какой-то девчонке, которая валяется на дороге? Никто, уверяю вас. Это война, и тут уж ничего не поделаешь... Бросившись кому-нибудь на помощь, вы рисковали погибнуть сами, ну а если дело касалось чужого человека... В тот момент у меня была только одна мысль: я погибла. Рядом полыхал чей-то дом. И все же я встала и побежала снова... Я хотела убежать как можно дальше от этого места — и так добежала до реки Сано. Это была мелкая, дрянная речонка. Я стала черпать воду и горстями лить себе на

тело. Вода была холодная, и боль на время утихла. Мне стало так хорошо, что не хотелось выходить. И вдруг я услышала чей-то голос: «Что ты делаешь, дура?!» Оказалось, что это кричал Тецуи. Я очень обрадовалась, что он жив, и даже почувствовала прилив сил. Мы выбрались на берег и побежали... Впрочем, я пробежала совсем немного, заплакала и сказала, что больше не могу. У меня все тело было покрыто ожогами. Руки и ноги налились тяжестью и сделались как деревянные. Каждый шаг давался с огромным трудом. На левом бедре я заметила рану, откуда капала кровь. Рана была такая глубокая, что можно было видеть мясо и кровеносные сосуды. Но Тецуи закричал мне, чтоб я не останавливалась. Я бежала и плакала. Я была черной, как трубочист, — выделялись только места на ногах, где раньше были ремешки от сандалий. В конце концов мы добрались до бомбоубежища около военного госпиталя в Явата. Нас узнала медсестра, и только поэтому мы смогли попасть внутрь — бомбардировка все еще продолжалась. Так как госпиталь находился недалеко от моего дома, Тецуи знаками предложил сразу после отбоя воздушной тревоги направиться ко мне. Мы так обессилели, что не могли даже разговаривать. Я прислонилась к балке, которая упиралась в потолок, и так и сидела, тупо глядя перед собой. Мало-помалу я начала ощущать страшную боль от ран и ожогов. Но хуже всего было то, что скоро в убежище стало очень тесно — снаружи все прибывали и прибывали люди. Я опять было заплакала от боли, но остановилась, испугавшись, что Тецуи рассердится. Ничего подобного — он тоже плакал. Да что там — плакали и стонали все, кто собрался в нашем бомбоубежище. Воздух ежесекундно сотрясали стоны, невнятные причитания и вопли, от которых стыла кровь в жилах. Слева от меня сидел солдат в белой форме... То есть сначала он сидел, но вскоре стал клониться вперед и вдруг упал наземь. К нему подбежала санитарка и спросила, как его звать. Солдат едва слышно что-то пробормотал, потом забился в конвульсиях и испустил дух. Санитарка принесла старое покрывало, которым закрыла лицо умершего, а потом оттащила труп в особое место, где сквозь щели просачивался солнечный свет. Она написала имя погибшего на листке бумаги и приколола этот листок в

ногах солдата. В тот момент я посмотрела в его сторону... и увидела, как изо рта мертвого солдата что-то выскочило... Сначала мне показалось, что это была мокрота или просто слюна, которую он выплюнул в агонии. А потом... потом я поняла, что это была его душа, которая отлетала от тела. Я страшно испугалась... Так мы и сидели в этом бомбоубежище, пока не прозвучал сигнал отбоя. Под конец мы уже не могли плакать и только дули на обожженные места. Когда я обвела взглядом все помещение, то заметила, что вокруг было полно мертвых солдат, одетых в белую форму...

Уихара не стал дочитывать рассказ до конца. Основное он уже понял: бомбоубежище — это сооружение военного назначения, предназначенное для укрытия от вражеских бомбардировок. Но вот в чем беда — нигде не было мало-мальски ясного описания подобных сооружений. Уихара совершенно не представлял, на что оно должно быть похоже. Какие-то балки, поддерживающие потолок... тьма... И абсолютно непонятно, можно ли там жить? Какова приблизительная площадь такого помещения? Судя по всему, за время войны их построили огромное количество по всей Японии, но сохранились ли они по сей день? Не найдя ответа, Уихара продолжил свои изыскания.

...В Лондоне использовались туннели линий метрополитена. Будучи на учебе в Англии, Нацумэ Сосэки сравнивал хитросплетения тамошних линий метро с лабиринтом. Во время Второй мировой метро сослужило хорошую службу лондонскому населению, так как идеально подходило для укрытия от немецких бомб...

На пятом по списку сайте не было ничего, кроме рекламы туристических услуг, а шестой был посвящен Музею искусств и народных промыслов города Симабара.

Раскопки развалин Омотебаба в квартале Касуса в Симабара.

Представленные документы рассказывают об открытии в 19 году эпохи Сева погребений, относящихся к периоду Яюи. Открытие было сделано во время постройки бомбоубежища.

Классификация, перечень — см. «Сокровищница культурных ценностей».

Картинка загружалась очень долго — не менее минуты. Уихара догадался, что поисковая система подобрала те ссылки, где хотя бы один раз встречается запрашиваемое выражение.

Седьмой сайт поддерживался политической организацией, в названии которой было что-то о жертвах Хиросимы. На восьмой ссылке какой-то деятель представлял последние литературные новости. Оказывается, слово «бомбоубежище» содержалось в каком-то отрывке из романа Эдогава Рампо.

На девятом сайте размещался «Клуб ужасов».

Клуб хладнокровных

Реально произошедшие истории

Часть первая

Призраки жертв авиакатастрофы (Фукуока).

За четыре километра до кладбища (Сайтама).

Непрекращающийся звук чьих-то шагов (Сайтама).

Иная тень (Аомори).

Подушка, отрывающая уши (Ивате).

Жилище призрака (Канагава).

Призрак бабушки (Гифу).

Сторож ангара (Исикава).

Туалетные кабинки, которые больше не отпираются (Фукуока).

Школьница в форме (Айти).

Послеполуденные призраки (Осака).

Никогда не прекращающийся шум мотоцикла (Сайтама).

Осоресан — холм ужасов (Аомори).

Кафе, где собираются привидения (Кобе).
Эксперименты с переселением душ (Токио).
Каким образом я снова ее нашел (Тояма).
Развалины летной школы ВВС (Ибараки).
Рудники. В подвалах местной больницы (Ибараки).
Кицунэсака (Киото).
Господин Коккури (Сайтама).
Девочка со светлыми волосами (Сайтама).
Ходячий труп (Сайтама).
Бомбоубежище (Сайтама).
Женщина в белом (Токио).
Мокрая женщина (Токио).
Девушка в белом (Токио).
Больница. Ночные шумы № 1 (Канагава).
Больница. Ночные шумы № 2 (Канагава).
«Но позвольте, что же это тогда было?» (Токио)
Обуянная духами (Канагава).
Парк Синмэй (Ниигата).
Туалеты, которые не открываются (Ниигата).
Усмеающийся Жизо-сан (Токио).
Больница в полночь (Фукуока).
Призраки умерших детей (США).
Призрак кошки (Нагоя).
Призрак кошки (Ниигата).
Прибежище привидений (Нагано).
Уихара щелкнул на ссылку «Бомбоубежище».

Бомбоубежище

Размещено: 3 сентября 9 года эпохи Хэйсэй

Автор: М. Хирочи

Жертва: он же

Уровень: ***

В компании с двумя приятелями я направлялся в сторону холмов, что на границе префектур Токио и Сайтама. Нет, ничего такого — просто

мы, как последние идиоты, решили устроить там небольшой пикничок. Ну, понимаете, хотелось немного расслабиться после работы. Погода была великолепная. Время близилось к вечеру, и мы не упустили случая полюбоваться прекрасным закатом.

Местность, где мы оказались, изобилует баночками, овражками и небольшими расселинами, образующими холмы. Префектура Сайтама при содействии муниципалитета Токио устроила там гигантский парк отдыха. Повсюду расставили садовые скамейки, а на некоторых аллеях даже установили фонтанчики с питьевой водой. Нам так и не удалось встретить ни одной девушки, зато мы нарвались на компанию старух с внуками — эдакими галдящими чудовищами. Тем не менее мы разместились неподалеку, у самых зарослей. Вообще-то место, которое мы выбрали для прогулки, называется Танито. (Весь парк называется иначе, но он поистине необъятен!)

Неподалеку от места нашего пикника склоны холмов образовали неглубокую ложбинку, густо поросшую кустарником и молодыми деревцами. Несмотря на то что парк достаточно ухожен, там встречаются почти непроходимые места — например, такие, как это. В свое время ребята из моего квартала рассказывали, что влюбленные парочки, у которых нет денег, чтобы снять номер в гостинице, иногда забираются в эти заросли. Но в тот вечер влюбленных там не оказалось, зато мы обнаружили (на свою голову) старое бомбоубежище. Кажется, его построили уже в конце войны и место это долгое время было засекречено. Поговаривали, что бригады рабочих, которые возводили это бомбоубежище, исчезли сразу по окончании строительства. В округе считают, что эти люди в целях конспирации были умерщвлены, — и родители строго-настроено запрещают своим детям даже приближаться к проклятому месту.

Для начала мы наткнулись на доску, на которой было выведено: «Не входить. Опасно». Разумеется, мы не обратили на это никакого внимания и проследовали дальше. Солнце уже почти зашло, и с каждой минутой вокруг становилось все темнее. Мы забеспокоились — сумеем ли найти обратную дорогу в темноте? Кто-то предложил установить

какой-нибудь заметный знак. У одного из нас был нож, и мы стали обрезать ветви, чтобы по ним можно было ориентироваться на обратном пути. Первый из нашей компании — у него отец работает фармацевтом, а сам он занимался айкидо, — парень смелый и отчаянный, вдруг повел упаднические речи: мол, давайте вернемся, что-то страшновато тут и так далее... Ну, тут, конечно, и я, и второй приятель тоже малость струхнули. Нам стало не по себе и, безусловно, следовало как можно скорее валить оттуда. Между тем заросли становились все гуще, а солнце окончательно ушло за горизонт. Выпала вечерняя роса, и мы почувствовали, что замерзаем. Правда, ветра никакого не было, но, как бы то ни было, мы ощущали легкое ледяное дуновение, будто где-то поблизости работал кондиционер. К тому моменту мы уже порядочно перелаялись и все время проверяли, не сомкнулись ли ветви вокруг нас, чтобы нас раздавить... Кто-то из приятелей вдруг вскрикнул: «Ой!», и мы увидели небольшой холмик. При ближайшем рассмотрении оказалось, что кое-где на поверхность выступают железобетонные блоки. Все это было засыпано землей и заросло кустами, поэтому нам ничего не удалось как следует разглядеть. Одно было понятно: эта штука сделана из бетона. Впечатление было такое, словно сюда высыпали несколько сотен тонн цемента, отчего и получился такой панцирь. Несмотря на то что место выглядело зловеще, мы все же решили обследовать конструкцию. Мы стали искать вход или какое-нибудь отверстие, через которое можно было бы проникнуть внутрь. Проходя вдоль бетонной стены, один из моих товарищей подобрал с земли какую-то штукину. Это оказалась кость — судя по всему, нижняя челюсть собаки. Чуть повыше того места, где валялась кость, растительность была чуть пореже. И тут я предложил попробовать немного покопать. По правде говоря, у всех нас в тот момент было только одно желание — убраться подобру-поздорову, но эта мысль меня развеселила. Видели бы вы лица моих приятелей! У нас не было ни лопат, ни других инструментов, и рыть пришлось голыми руками. И тут один из нас заметил совсем рядом дыру в бетоне. Небольшая такая дырочка, как раз чтоб просунуть голову. Мы немного подумали и решили, что полезу я...

Я ни за что не скажу, что увидел там, внутри, когда мои глаза привыкли к темноте. Нет-нет, ни за что, пусть даже меня назовут брехуном! Сообщу только одно: через несколько дней после того, как я заглянул в ту дыру, один из моих друзей умер, а другой неизлечимо заболел...

На десятом сайте была размещена подробнейшая инструкция о том, как построить укрытие от ядерной бомбы. Ссылки с одиннадцатой по шестнадцатую относились к научным работам геологической лаборатории университета в Гифу: «В низинах префектуры Гифу во время последней войны было построено множество бомбоубежищ». Сайт семнадцатый принадлежат Евангелической церкви в Токио. На первой страничке красовался заголовок следующего содержания: «Да исполнится воля Божья!» Текст под заголовком гласил:

Вчера мой отец должен был выписаться из больницы. К несчастью, с самого утра погода испортилась и метеопрогнозы сулили прохождение тайфуна. Судя по картам, что демонстрировались по телевидению, он должен был затронуть и наш район. Я начал было молиться о том, чтобы бедствие прошло стороной, но, по размышлении, остановился. Подобный ход мыслей показался мне недостойным.

Когда-то давно я оказался на собрании адептов Церкви последних дней. В своей проповеди священник, в частности, затронул тему войны и рассказал такую историю:

— Во время налета американской авиации я забрался на крышу и стал молить Господа, чтобы зажигательные бомбы не попали в мой дом. И что же? Целая кассета бомб чудесным образом миновала мое жилище и угодила в бомбоубежище, что находилось по соседству.

Еще тогда меня неприятно поразил ход его мысли, и вот почему. Мне не давал покоя один вопрос: а что же произошло с теми людьми, что искали спасения в том бомбоубежище?..

И вот вчера я отринул свои эгоистические побуждения и взмолился только о том, чтобы исполнилась Его воля и Он дал мне силы пережить буйство стихии.

Тайфун прошел стороной...

На девятнадцатом и двадцатом сайтах Уихара познакомился с неонацистами. Там были размещены фотографии бункера, где перед смертью скрывался Адольф Гитлер, но они очень долго загружались...

На двадцать пятом сайте некий гражданин предлагал на выбор увеселительные заведения в Киото. Сам гражданин занимался раскруткой своего ресторана, называвшегося почему-то «В бомбоубежище». Когда после трех минут ожидания на экран выполз список блюд, Уихара почувствовал легкое раздражение и перешел к двадцать седьмому сайту.

Забавно и легко! Новая ходилка-стрелялка!

Ночная атака

Каким образом? Не важно. Важно, что ты находишься на поле сражения. Ты заперт в кабине передвижного зенитно-ракетного комплекса «Vorzoі». Тебе ни за что не выбраться, зато оружия — хоть отбавляй. А это значит, что у тебя есть шанс спасти свою шкуру. Противник не признает Женевской конвенции. Тебе предстоит драться с батальоном вражеских парашютистов. За каждого достигшего земли парашютиста с тебя снимается по 10 процентов.

Видео: VGA 256 colors

CPU: от 368

Устройство: мышь

Звук: Sound Blaster Port

На семьдесят первом сайте Уихара наткнулся на муниципальный бюллетень какой-то захолустной дыры на острове Кюсю.

Рядом с шоссе № 35 располагается рынок Тоби — не менее 120 торговых мест. Неподалеку — туннель Йокочо, который в годы Второй мировой войны использовался в качестве бомбоубежища.

Местная кухня: сашими из китового мяса.

Восемьдесят девятый сайт радостно возвещал о создании нового музея плюшевых мишек. В этом благом начинании, как явствовало из текста, принимала участие некая преподавательница из Великобритании, которая, между прочим, рассказала, что во время налетов немецкой авиации всегда брала с собой в убежище своего плюшевого медвежонка. На сто третьем сайте, принадлежащем какому-то архитектурному обществу из Исикава, были опубликованы результаты опроса на тему «Что такое архитектура?». Ответы поступали самые разнообразные: способ придать лицо городской застройке, искусство, мера необходимости, ящик Пандоры, самое фундаментальное выражение человеческого духа, произведение искусства, ремесло, искусство структурировать пространство, бесконечное самовыражение, философия, любовь, ландшафтный дизайн и прочее и прочее. Один старый, семидесятипятилетний, архитектор заявлял, что его профессия всего-навсего «куча дерьма», «способ разрушения природы», «строительство бомбоубежищ».

Сайт сто тридцать четвертый был посвящен толкованию снов. Желающие могли присылать записи о своих сновидениях, а специалист (вообще-то по профессии он был садовником, а психологию еще только изучал) давал свой комментарий. Некая дама сообщала, что ей часто снится, будто бы на нее нападает гигантский динозавр, обитающий в подземелье, которое сильно смахивает на бомбоубежище. «Психолог» отвечал так: «Переживая те или иные неприятности, испытывая стрессы, мы часто в своих снах подвергаемся насилию в той или иной форме».

Под цифрой 145 значилось: «Добро пожаловать в наш город!» Юная барышня самозабвенно рекламировала курортное местечко Зуси, что на побережье Сионан. На сайте было размещено великое множество фотографий. Подписи под фотографиями подозрительно напоминали цитаты из туристического путеводителя. На одном из фото был изображен памятник Юкио Осаки. «Во время сильного прилива памятная плита уходит под воду». Внизу страницы был помещен следующий текст:

«Спускаясь по тропинкам к океанскому побережью, обратите внимание на бомбоубежища, сохранившиеся после войны».

Уихара уже давно и безуспешно боролся с головной болью. Он заметил, что подобные сайты сделаны словно по одному шаблону. Люди либо рекламировали излюбленные места отдыха, либо цитировали отрывки из любимых романов. При таком раскладе стоило одному болвану написать хотя бы часть слова «бомбоубежище», как его страница попадала в список запроса.

Сто шестьдесят седьмая страничка принадлежала Комитету по развитию туризма в Амиосима.

Летучая мышь с острова Рюкю.

Научное название: *Miniopterus fuscus* BONNOTE.

Млекопитающее, насекомоядное. Принадлежит к отряду рукокрылых. Днем укрывается в сталактитовых пещерах, развалинах старых бомбоубежищ и в заброшенных штольнях. Для ориентирования использует метод эхолокации, который основан на принципах частотной модуляции (FM).

Но конечно, больше всего сайтов было посвящено военной теме.

Во время китайской кампании я потерял глаза и обе руки. Когда война вот-вот должна была закончиться, начались перебои с питанием. У нас не было ничего, кроме нескольких картофелин и гнилых помидоров. Если бы не китайцы, которые нам помогали, мы бы подошли с голоду. Я не люблю говорить о войне... Вернувшись домой, в Японию, я некоторое время жил в разрушенном бомбоубежище недалеко от военной базы в Сасебо...

На двести второй страничке Уихара ожидал текст, озаглавленный как «Дыра». Сочинение показалось ему немного странным.

Измученный жарой, я нашел пристанище под деревом, что росло недалеко от входа. По обнажившимся узловатым корням стекали капли влаги. Вода показалась мне небесным нектаром — ничего вкуснее этой воды я еще не пробовал. Отдохнув, я пролез в дыру и оказался в довольно глубокой пещере. Пещера была слишком узкой для угольной

шахты и слишком большой для норы дикого животного. Несомненно одно — это было творение рук человеческих... Я прислонился к стене... Воздух, казалось, обволакивал мое тело, но дышать было легко. Сколько времени я так простоял? По-моему, совсем недолго. Тем не менее моя одежда вся пропиталась влагой, и я начал замерзать. Вдруг мне почудилось, что рядом кто-то есть. Кто-то неразличимый во мраке стоял недалеко от меня — я явственно ощущал его присутствие. Я хотел бежать, но не смог даже пошевелить ногой. Такого со мной никогда раньше не случалось... и тут я понял, что причина кроется не в моих ногах. Я сам не хотел никуда уходить. Выход из подземелья в тот момент показался мне далеким и недостижимым.

Потом я услышал голос. Да-да, голос, который шептал мне на ухо: «Подожди, подожди немного... Конечно, ты можешь выйти, но что ждет тебя там, снаружи?» Я закричал, выскочил на свет и помчался, поминутно оступаясь и поскользываясь. Теперь же я думаю, что поступил бы правильнее, если б остался. Если бы я остался, то наверняка смог бы проникнуть в другие миры.

Двумя годами позже я повторил эксперимент. Война шла уже полным ходом. Спасаясь от вражеского налета, я спрятался в бомбоубежище, которое находилось рядом с начальной школой для мальчиков. Неподалеку располагалась военно-морская база, и зажигательные бомбы сыпались с неба, словно дождь. Я обгорел до пояса, кожа на груди сошла, и я не мог дышать. И вот в полубессознательном состоянии я вновь услышал голос. «Оставайся здесь... Не уходи, — шептал он мне. — Что ждет тебя снаружи?» Голос был очень нежный, мягкий, ласковый... Со мной в бомбоубежище было много народу — все кричали, плакали, стонали, так что этот голос не мог принадлежать никому из них. Это был тот самый голос, который я слышал двумя годами ранее.

Как только прозвучал сигнал отбоя, инструктор приказал всем вылезать. Он подошел ко мне и сказал: «Старайся не терять сознания, иначе погибнешь». С этими словами он несколько раз ударил меня по щекам и по голове. Но мне совсем не хотелось выходить, поэтому меня

схватили и вытолкнули на улицу силой. Снаружи я увидел обгоревший остов американского бомбардировщика. Вокруг стояли местные жители, решившие поквитаться с пленными летчиками. Я впервые увидел американцев — это были совсем еще мальчишки. Их было двое. Вдруг кто-то из толпы схватил бамбуковый шест с обрезанным концом и воткнул его в живот одному из парней. Последнее, что я видел перед тем, как потерял сознание, — внутренности американца, свисавшие с бамбукового копья. Даже сейчас при этом воспоминании я покрываюсь ледяной испариной.

Если бы я знал, то никогда бы не покинул того места, где вода стекала по обнаженным корням и по вкусу напоминала нектар. Когда Япония оказалась на грани поражения, военные заводы, где вырабатывали отравляющие вещества — иприт, люизит и тому подобное, — закрыли, а готовую продукцию укрыли в многочисленных подземных хранилищах и бомбоубежищах по всему Канто. Говорили, что при контакте этих веществ с телом у человека моментально сходит кожа и останавливается дыхание. Как следствие — немедленная смерть. Я отправился на поиски этих секретных хранилищ, но ничего не нашел. Я видел себя погребенным в какой-нибудь пещере, с облезшей кожей и разорванным животом. Наша современная жизнь — всего лишь борьба за выживание. Я никогда не забуду того американца и вида его кишок, свисающих с бамбуковой пики. Поскольку мы продолжаем существовать в этой реальности, так или иначе нам придется проткнуть кого-нибудь такой палкой или оказаться на месте жертвы. Это кому как больше нравится...

Только в той пещере я мог обрести вечную радость и покой... но я упустил оба шанса...

Текст не был подписан. Оформление сайта было самым простым — ни фотографий, ни иллюстраций, ничего такого... Судя по всему, его создал сам автор текста, но, как Уихара ни бился, он так и не нашел ни его биографии, ни дневников, ни ссылок на другие странички. Не было даже счетчика посетителей и сообщений «Чтобы написать ответ,

щелкните мышкой сюда». Только серый фон, черные знаки иероглифов и заглавие «Дыра»...

Уихара прочел эту историю несколько раз. Его интересовало, жили ли автор в бомбоубежищах. «Может быть, именно за него меня принимала старуха?» — подумал Уихара. Потом он попытался представить себе, как выглядит бомбоубежище. Воображение рисовало что-то темное и сырое, похожее на пещеру. «Словно я сам превратился в червя... Интересно, а в какой части моего тела он сейчас находится?» Уихара вспомнил своего учителя анатомии, который сравнивал человеческое тело с системой труб, ходов и переходов. «Должно быть, внутри темно и сыро... Червь может проникнуть в вену или внутрь любого органа...» Уихара показалось, что спрятавшийся в убежище человек чем-то похож на хослокатерию. Да, было бы неплохо разыскать в округе какое-нибудь бомбоубежище...

Двести девятый сайт дал в этом отношении некоторую надежду. На первой странице Уихара прочел:

«Проект благоустройства южной части парка Нояма».

VI

Общий обзор

В пригороде Токио, на самой границе с префектурой Сайта-ма, раскинулся замечательный парк. Он объединяет территории парков Мицукубо и Нояма, озера Кита и Саяма, а на юго-западной окраине к нему примыкает цепочка холмов Саяма. Широколиственные леса, долины и лощины составляют уникальную экосистему, где еще обитают дикие животные.

Проект благоустройства

Смысл данного проекта — сохранение дикой природы в ее первозданном виде. Поэтому в южном Нояма и в Мицукубо не будет ни ресторанов, ни кафе, ни спортивных площадок. Также под запретом окажутся автомобильные стоянки. Парк идеально подходит для пеших прогулок и пикников — если, конечно, посетители не забудут прихватить с собой еду и воду.

Южный Нояма и Мицукубо занимают площадь приблизительно в 280 гектаров. К настоящему моменту из них благоустроено около 49 гектаров в юго-восточной части парка. Полностью объем работ планируется завершить ориентировочно к 2010 году.

Настоящий проект стал возможен благодаря тесному сотрудничеству администрации Токио и префектуры Сайтама.

Что хотелось бы отметить особо

1. Несанкционированные свалки.

Это действительно серьезная проблема: по всему периметру благоустраиваемой территории периодически возникают стихийные свалки мусора и строительных отходов. Там можно найти все — от содержимого мусорных ведер домохозяек до старых велосипедов и автомобилей. К сожалению, меры по запрету въезда на территорию автотранспорта были приняты слишком поздно и в настоящее время практически невозможно оказать сколь-либо эффективное противодействие недобросовестным гражданам и организациям. Прискорбный и постыдный факт! Убедительно просим уведомлять о подобных случаях службу безопасности.

2. Браконьерство.

На территории парка собраны редчайшие образцы вымирающей флоры и фауны. Поэтому законом строго преследуется не только отстрел диких животных и сбор растений, но и их перемещение из естественной среды обитания. Одно из самых распространенных правонарушений — сбор полевых цветов. Уважаемые посетители! Если вы так любите лютики и ноготки, мы будем рады видеть вас хоть каждый день — только не наносите природе непоправимого ущерба!

Обо всех актах незаконной вырубке деревьев, отстрела и ловли животных, о пожарах и потравах просьба незамедлительно сообщать в администрацию парка и службу безопасности.

Вместе с тем администрация предупреждает посетителей, что некоторые участки на территории парка находятся в частной собственности. Собственники земли и их представители имеют все

необходимые лицензии на отлов диких животных в пределах своих владений.

К сожалению, вследствие недостаточного финансирования, администрация парка не в состоянии организовать эффективную борьбу с браконьерством. Единственным выходом в сложившейся ситуации видится создание добровольных дружин для патрулирования местности.

3. Развалины бомбоубежищ.

Наш парк изобилует балками, расселинами и небольшими долинами, которые образуются пологими склонами холмов. Особенное внимание следует обратить на расселины Мидокаири, Нагата, Оникакубо, Мотоири, Хинода и Сарусинкё. В расселинах Хинода и Мотоири находятся развалины старых бомбоубежищ. Несмотря на то что приближаться к ним категорически запрещается, каждое лето в этих районах пропадает без вести много людей. Опасные зоны огорожены решетками. Настоятельно рекомендуем воздержаться от посещения этих развалин.

4. Безопасность движения.

Для движения специальной техники в парке оборудованы дороги. Движение затруднено вследствие узости проезжей части. К тому же дорожное покрытие сильно деформировано колесами и гусеницами тракторов и тягачей, в связи с этим существенно повышается аварийность и травматизм. Конечно, администрация парка прилагает все возможные усилия для обеспечения безопасности туристов, однако призывает соблюдать осторожность на путях движения техники.

5. Ограничения.

В парке разрешается пользоваться велосипедами и иными легкими средствами передвижения, не оборудованными двигателем внутреннего сгорания. Тем не менее полицией и службой безопасности регулярно производятся задержания лиц, управляющих автомобилями, джипами-внедорожниками и прочим. Особую опасность представляют автомобили, движущиеся по луговой зоне и опушкам леса, где обитает большое количество животных. По мере возможности парк оборудуется специальными заграждениями. Обо всех случаях незаконного

перемещения по территории парка на автомобилях и мотоциклах просьба сообщать в службу безопасности.

Описание парка совпадало с описанием в рассказе на сайте «Клуба хладнокровных». Бомбоубежище, о котором упоминал Хироси, должно было находиться в Мицукубо. Уихара решил внимательно перечитать страшную историю.

...И тут один из нас заметил совсем рядом дыру в бетоне. Небольшая такая дырочка, как раз чтоб просунуть голову. Мы немного подумали и решили, что полезу я...

Я ни за что не скажу, что увидел там, внутри, когда мои глаза привыкли к темноте. Нет-нет, ни за что, пусть даже меня назовут брехуном! Сообщу только одно: через несколько дней после того, как я заглянул в ту дыру, один из моих друзей умер, а другой неизлечимо заболел...

На официальном сайте администрации парка можно было найти карту местности как южного Нояма, так и Мицукубо. «Жаль, принтера нет», — вздохнул Уихара. Ему не очень хотелось перерисовывать карту, но другого выхода не было. Уихара решил отложить это до завтра — в доме не было ни карандаша, ни бумаги. К тому же он дьявольски устал.

Уихара выключил ноутбук и вытянулся на постели. Засыпая, он представил себе, как завтра пойдет в магазин за тетрадью и карандашом, и даже улыбнулся от удовольствия. «Как это прекрасно — идти куда-то, когда у тебя есть ясная и определенная цель», — думал он в полусне. Да, еще было бы недурно рассказать о своих похождениях ребятам из окружения Йосико Сакагами. «Интер-Био». Возможно, они заинтересуются историями про старуху и об этом таинственном бомбоубежище. Он обязательно поведает им о том, как ночью крался через пустырь к старухиной хижине, как порезал себе руку, что видел и слышал в доме, как узнал про бомбоубежище и как рыскал по Интернету в поисках нужной информации. Нет, эти парни из «Интер-Био»

заинтересуются им... Уихара был убежден в том, что он единственный, кто обладает такими знаниями.

Он встал около полудня, оделся и собрался было уходить, но тут раздался звонок. Уихара открыл дверь — на пороге стояла мать. «Это же самая настоящая марионетка! Да еще и в натуральную величину», — ахнул про себя Уихара. Марионетка вошла в квартиру и заговорила:

— Я тебе вчера весь вечер звонила. Почему ты не брал трубку? Уихара ничего не ответил.

— Отец пытался покончить с собой.

Услышав эти слова, Уихара сразу подумал о черве. Он представил себе знакомое лицо с выдающейся вперед нижней челюстью и тонкую серую нить, выползающую из огромного рта. Внешне отец поразительно напоминал деда и, кроме того, отличался крайней худобой.

Мать села на край кровати и окончательно превратилась в куклу.

— Он хотел тебя видеть. Может, зайдешь домой? «Зачем мне куда-то идти с этой деревяшкой?» — удивился

Уихара. Лично он собирался отправиться в магазин за бумагой и карандашом, а потом думал связаться с командой из «Интер-Био». Они сообщили ему интереснейшую информацию. Без этих ребят он никогда бы не докопался до правды. И теперь ему предлагают зачем-то переться домой и забыть о существовании бомбоубежищ? Нет, эта баба просто не понимает, насколько он сегодня занят. Она теперь значит для него не больше, чем деревянные манекены на витрине магазина. «Да она ничего не знает! Она не знает даже того, что я наконец прозрел! А я еще собирался рассказать ей про старуху...»

— Пожалуйста, сделай это ради меня. Тебе всего лишь нужно зайти домой...

С этими словами кукла приблизилась к нему и взяла за руку. Уихара обратил внимание на ее глаза — они были абсолютно пустые, словно стеклянные бусины. Ее ладонь была белой и ледяной, как мороженое, — Уихара показалось, что она вот-вот растает, — и совершенно непохожей на те руки, что он видел вчера. Уихара

развернулся и со всего размаху ударил куклу ногой. Марионетка упала на спину и вытянулась, словно кто-то обрезал поддерживающие ее нити. Уихара почудилось, что он слышал звон, какой издает при ударе о твердую поверхность ржавое железо. Он склонился над матерью, и в этот момент в дверях показался старший брат.

— Киё!!!

Волосы брата были аккуратно зачесаны и выкрашены в желтый цвет. В руке он держал мобильник, по которому продолжал разговаривать. Увидев распростертую на полу мать, брат, не разуваясь, влетел в комнату и со всего маху саданул Уихара в челюсть. Уихара дернулся всем телом и прихватил зубами кончик собственного языка. Неожиданное появление братца, боль от удара и последующий шок свергли его в состояние ступора. Комната вдруг поплыла у него перед глазами, и Уихара, несомненно, упал бы, но брат схватил его за ворот и заревел:

— Ты поедешь с нами, живым или мертвым! Ясно? Сейчас твое место там!!!

Но больше всего изумило Уихара то, что брат все это время продолжал разговаривать по телефону! Его лицо исказилось от гнева, а взгляд приобрел то выражение, которое обычно появляется у людей, потерявших ощущение реальности. Когда Уихара еще посещал занятия, ему доводилось наблюдать такое у некоторых преподавателей и учеников. Это было страшно. Болели голова и прокушенный язык. С перепугу Уихара вообразил, что брат собирается его убить. Но тот только встряхнул его и прикрикнул:

— Одевайся, урод! Понял меня?! Уихара покорно кивнул.

Он смутно помнил, как его выволакивали из квартиры, тащили вниз по лестнице, вталкивали в машину и пристегивали ремнем безопасности. В салоне пахло жасмином... Мать, все еще плача, села сзади, и машина тронулась. Брат не отнимал телефона от уха.

— А что врач? А, хорошо... уже ушел. Так ты одна дома? Ага... Этот мудака начал было выделяться... ага... и глазенки заблестели... ну, ты знаешь. И главное, что-то говорит, говорит — хрен его поймешь.

«Это я-то говорю?» — снова изумился Уихара. Ему было и больно, и страшно — совсем как в былые времена, когда он отказывался ходить в школу.

Тогда брат лупил его каждый день. Сначала он проделывал это в отсутствие домашних, а потом стал избивать и при родителях. Уихара знал и других ребят, которые также отказывались ходить на занятия, но мотивы их поведения оставались для него неясны. Что до него самого, то тут были причины скорее физического свойства. По утрам Уихара чувствовал во всем теле такую тяжесть, что не мог оторвать головы от подушки. Он по-настоящему страдал. Поначалу родители испугались, что он опасно заболел, но вызванный по такому случаю доктор не нашел никаких отклонений. Тогда Уихара обвинили в лени. Брат счел это достаточным для применения воспитательных мер: по утрам он подходил к кровати Уихара и ногой сбрасывал с него одеяло, хватал за волосы или душил подушкой. Брат был на голову выше Уихара, широк в плечах и коренаст. Маленькими они часто играли вместе, но теперь Уихара старался вытравить из памяти всякое воспоминание о тех временах. Отныне он запоминал только побои...

Хорошенько отдубасив младшего брата, старший обычно пускался в рассуждения, из которых следовало, что дерется он исключительно из благих побуждений. «Киё! — говорил он. — Пойми, я очень тебя люблю. Если бы ты знал, как мне хочется, чтобы ты взялся за ум! Видишь ли, я, в общем-то, не признаю насилия, но бывают случаи, когда оно необходимо. Скажу честно: иногда на тренировках я люто ненавижу своего тренера. Но ведь все, что он делает, он делает ради нас! Для нашего же блага, понимаешь? Он научил нас переносить все то дерьмо, что обычно лезет в голову во время игры. Я это понял только после первого матча... Сидя на скамейке запасных до этого не додумаешься, поэтому все неудачники терпеть не могут тренеров... Игра, видишь ли, это... это сама жизнь... Я бью тебя для того, чтобы ты одумался и начал ходить в школу. Ты поймешь меня, когда станешь взрослее. Такие вещи начинаешь понимать только с течением времени. И именно поэтому сейчас я должен стать для тебя самым ненавистным человеком».

В то время брат уже учился в старшей средней школе. «Оставь меня в покое! — думал, слушая его разглагольствования, Уихара. — Задолбал со своей школой!»

Маленькими они часто играли в футбол на пустыре, а когда в продаже появились первые игровые приставки, они все свободное время проводили вместе у телевизора. Игра у них была всего одна и называлась «Легенда Зельды». Если дело доходило до подсчета набранных очков, то старший всегда старался ошибиться в пользу младшего.

Когда брат впервые ворвался к нему в комнату, Уихара был напуган и потрясен до глубины души. Он с трудом мог себе представить, что это был тот же человек, который совсем недавно поддавался ему в домашних играх. Уихара был раздавлен. Этот мучитель, способный вылить на спящего ковшик ледяной воды, некогда был его братом... Он учил Уихара правильно держать бейсбольную биту, он уступал ему видеоприставку, он водил его в бассейн.

«Киё! — любил вспоминать брат. — А помнишь, как летом мы пошли в бассейн, а ты наелся мороженого и тебя вырвало прямо на пол? А мне еще пришлось вытирать за тобой! Помнишь? Странно, но я до сих пор отчетливо вижу лужу, что ты наблевал... как она подсыхает по краям...»

Брат помнил все вплоть до мельчайших деталей.

Легче было думать, что все эти приятные воспоминания — ложь с первого и до последнего слова. Уихара так и сделал.

«Я никогда не играл с этим человеком, — сказал он сам себе. — И меня зовут не Киохаси Мотокацу, а Уихара!»

— Попроси у отца прощения! — раздался у него над ухом голос человека с желтыми волосами.

Отец лежал, вытянувшись на футоне, брошенном прямо на циновки. Рядом Уихара заметил подставку с двумя детскими бейсбольными битами. Это были их биты — Уихара и человека с желтыми волосами.

В изголовье у отца восседала сестра, которая, увидев Уихара, пискнула что-то вроде:

— Добро пожаловать домой!

Одета она была в какой-то жуткий свитер говняного цвета. Сестра чинно поклонилась и пригласила Уихара сесть напротив. Цвет ее лица ежесекундно менялся. Один глаз у нее был расположен чуть выше другого. Уихара сел и взглянул на сестру. «А кто это, собственно, такая? — неприязненно подумал он. — Да еще в таком паршивом наряде...»

— Даже когда фирма оказалась на грани банкротства, отец все равно продолжал работать! Он просто не мог бросить свое дело! Но ты, ты действительно дрянь! Слышишь, это ты виноват в том, что произошло! — бубнил голос желтоволосого.

Уихара поднял глаза и посмотрел на лежащего на футоне человека. «Кто это? Вроде я его знаю... Это человек, который прожил всю свою жизнь, как автомат. Раб! Он гордился тем, что его избрали в муниципальный совет! Он только и мог говорить что о своих заслугах, о том, как его уважают и ценят на работе. И он никогда ничего не делал для меня. Неудачник! Если он и хотел удавиться, то лишь ради собственного удовольствия. И я тут ни при чем!»

Женщина в жутком свитере указала Уихара на багровый след, шедший вокруг шеи отца.

— Он не может говорить. У него повреждены связки. Я постоянно прикладываю компресс, но след все еще заметен. Доктор сказал, что его нужно отвезти в больницу, но я думаю, что ему будет лучше дома. Тем более что все наконец в сборе... Скажи ему что-нибудь, а? Он не спит, он все слышит. Когда я сказала ему, что ты придешь, у него задергались веки. Он все понимает.

Уихара не слушал ее — он вглядывался в лицо лежащего человека, ожидая, что из ноздри вот-вот покажется светло-серая ниточка. Впрочем, он сомневался, что у такого, как его отец, может быть червь. Это не человек, это раб, робот... В Мексике даже для публичной казни

отбирали самых смелых и отважных пленников. А этот... этот всего лишь жалкий трус, баран, у которого нет даже сил броситься со скалы.

В это время к собравшимся подошла кукла, держа в руках поднос с кофейными чашечками.

— Киё вернулся домой! — обратилась она к лежащему человеку.

При этих словах человек-робот открыл глаза и впился взглядом в Уихара.

— Давай поговори с отцом, — зашептала женщина в свитере.

«Почему она все время улыбается? — удивился Уихара. — Смех без причины...» Он наклонился вперед, приблизил свои губы к уху робота и начал говорить тихим голосом, чтобы не слышали остальные:

— Во время китайской кампании я потерял глаза и обе руки. Когда война вот-вот должна была закончиться, начались перебои с питанием. У нас не было ничего, кроме нескольких картофелин и гнилых помидоров. Если бы не китайцы, которые нам помогали, мы бы подошли с голоду. Я не люблю говорить о войне... Вернувшись домой, в Японию, я некоторое время жил в разрушенном бомбоубежище недалеко от военной базы в Сасебо. Ты понял меня? Я возвращаюсь в бомбоубежище, а ты можешь подышать!

В ответ отец посмотрел ему в глаза, но в его взгляде уже не было гнева. Уихара стал подниматься, и в этот момент на плечо ему легла рука желтоволосого.

— Ну-ка погоди!

Уихара повернул голову и увидел семейный алтарь — обычную этажерку, покрытую серебристой тканью. «Алтарь!» — мелькнуло у него в мозгу. Уихара несколько смутился. На алтаре помещалась фотография давно знакомого ему человека. Человек, почти уже старик, смеялся, показывая ровные белые зубы. «Дедушка!» — чуть не вскрикнул Уихара. Сейчас он был уверен, что у деда внутри тоже сидел червь.

Перед фотографией курилась благовонная палочка. На специальной подушечке покоился позолоченный колокольчик. Рядом с черной коробочкой были разложены жертвенные цветы и фрукты. В этом алтаре обитал дедушкин дух. Уихара немного успокоился. Но где же

тогда приговоренные к казни? Где вымазанные грязью старухи, увешанные побрякушками из человеческих зубов? Они определенно должны быть где-то здесь...

Истошно заверещал мобильный телефон брата.

— Да! — произнес желтоволосый (Уихара понял, что это и есть один из приговоренных). — Да все так же... При необходимости мы позвоним...

«С кем это он так вежливо разговаривает? — размышлял Уихара. — Такое впечатление, будто он не знает, к кому обращается, или же принимает его за идиота... Эдак мягко подкрадывается, чтобы потом вмазать как следует. Да он всегда был таким. Он родился, чтобы быть принесенным в жертву. Скоро верховный жрец вырвет у него сердце и поднесет его богу Солнца. И этим жрецом буду я! Жрец знает, что такое истина... знает, что есть откровение... Старуха приказала мне отправляться в бомбоубежище. О! Она и была воплощением верховного жреца! Она показала мне, что такое смерть и война. Реальность — ложь. Истинная реальность была на экране старухино аппарата, среди трупов и крови...»

Лежащий на футоне человек хотел что-то сказать. Он упирался локтями в пол и старался встать. След от веревки на его шее стал багровым. И этот преждевременно состарившийся человек пытался выговорить несколько слов. Лицо его исказила гримаса боли, но изо рта вырывались только нечленораздельные свистящие звуки.

— Ты что?! А ну ложись скорее! — закричала женщина в свитере. — Ты что-то хочешь сказать?

— Мы уже объявили вам наши расценки, — снова слышался голос желтоволосого. В одной руке он держал мобильный телефон, а другая лежала на плече Уихара. Телефон был очень маленький, и его почти не было видно. Казалось, будто желтоволосый просто придушивается.

— Отлично понимаю. Да. Нет, мы все пока еще нормальные люди...

Желтоволосый отключил телефон, посмотрел на младшего брата и объявил:

— Киё! С сегодняшнего дня ты будешь жить дома. Уихара рывком сбросил руку с плеча, подскочил к стойке

и схватил одну из бит. Телефон отлетел в сторону. Кто-то закричат, но Уихара уже ничего не слышал. В лицо ему брызнула кровь. С одной стороны Уихара видел распостертого на футоне человека, а с другой куклу-марионетку, которая заламывала руки и вопила. Схватившись за нижнюю челюсть, по полу катался желтоволосый. Женщина в свитере сидела вытаращив глаза. Зато она наконец прекратила улыбаться. Уихара внезапно потерял голос: он открывал рот, но оттуда не доносилось ни единого звука.

— А, так ты еще валяешься в постели, поросенок этакий?! — кричал он одними губами. — Вставай, маленькая дрянь! Хватит притворяться больным! Ты хуже всех! Ты хуже всех на этом свете, понял, вонючка?! Ну и подыхай, если хочешь! Слышишь, подыхай!!! Покажи мне, как ты подыхаешь!

Лежащему человеку удалось приподняться и схватить Уихара за штанину. На губах у него пузырилась пена. Уихара опустил битку ему на голову и почувствовал характерную вибрацию, которая бывает при удачном ударе.

Уходя, Уихара тщательно отмыл от крови лицо и руки. Никто из домашних не пытался его задержать. Кукла-марионетка лежала без чувств, а сестра ни с того ни с сего подошла и помогла ему умыться. Уихара заметил на ее глазах слезы. Его штаны и рубашка были густо заляпаны кровью, но переодеваться было некогда.

Его руки все еще ощущали вибрацию. Уихара вдруг понял, что только благодаря этому он мог мыслить и передвигаться. Он и ударил-то всего два раза и теперь начал сомневаться — а достаточно ли этого? Его тело била крупная дрожь. Ему случалось видеть сцены в боевиках, где голова жертвы превращалась в кровавое месиво... Уихара находился в том состоянии, когда трудно отличить явь от бреда. Его лихорадило. Временами он впадал в совершенную прострацию. Он уже не чувствовал присутствия той силы, которая недавно привела его к дому старухи. Но при этом он прекрасно понимал, что именно сейчас произошло, и явным

доказательством этого служила дрожь в его руках. «Изменился не я, а мое восприятие», — думал он.

Уихара толкнул дверь и ступил на порог. Ему почему-то казалось, что вместе с ним сейчас изменится и окружающий мир. Но все оставалось по-прежнему — дома, улица, люди... У Уихара закружилась голова. Психиатр как-то рассказал ему, что люди, ставшие свидетелями из ряда вон выходящих событий, особенно если они произошли у них дома, часто испытывают подобное. Ну, словно вы открываете дверь своей квартиры, а на пороге вас неожиданно встречает незнакомец...

Уихара ожидал совсем другого эффекта. Он надеялся увидеть обрушившиеся стены домов, искореженные трубы, полуразложившиеся тела на шоссе... Вместо этого ему явилась идиллическая картина: молочница толкала свою тележку, какой-то старик выгуливал пушистую собачку... Рокоча мотором, мимо проехал автобус, и в нос шибануло бензиновой гарью. На углу слышались голоса первоклашек. На его испачканную одежду никто не обратил ни малейшего внимания. Уихара пришла в голову парадоксальная мысль: люди не замечают именно того, что отличает их друг от друга.

Уихара прошел мимо здания школы. А ведь когда-то и он ходил сюда... Во дворе возились малыши — они что-то строили из песка. Замок или пещеру. А может, что-то другое... Из песка они создают Вселенную. «Если ребенок ничем не интересуется, — говорил его психиатр, — если он не трогает вещи руками, это ненормально. Потому что именно таким образом ребенок познает, что мир, в котором он живет, действительно существует». Значило ли это хоть что-нибудь для автора «Дыры», человека, который хотел навеки поселиться в пещере? Уихара помнил этот отрывок наизусть.

«...Если бы я знал, то никогда бы не покинул того места, где вода стекала по обнаженным корням и по вкусу напоминала нектар. Когда Япония оказалась на грани поражения, военные заводы, где вырабатывали отравляющие вещества — иприт, люизит и тому подобное, — закрыли, а готовую продукцию укрыли в многочисленных подземных хранилищах и бомбоубежищах по всему Канто. Говорили, что

при контакте этих веществ с телом у человека моментально сходит кожа и останавливается дыхание. Как следствие — немедленная смерть. Я отправился на поиски этих секретных хранилищ, но ничего не нашел. Я видел себя погребенным в какой-нибудь пещере, с облезшей кожей и разорванным животом...»

Иногда Уихара начинало казаться, что он представляет себе, как мог бы выглядеть тот иной мир, о котором писал автор. В этом мире и тело и душа человека постоянно находились в контакте с чем-то... но вот с чем именно, Уихара не знал. Его приближал к этому миру червь хослокатерия. Старуха оказалась не жертвой, а вдохновительницей. Она показала ему, что реальность — это смерть и насилие. Она оказалась первым человеком в его жизни, который открыл ему глаза. Она показала ему этот мир таким, каков он есть. Доказательства? С помощью этой женщины ему удалось совершить свое первое жертвоприношение. Он ощущал эту реальность ладонью правой руки...

Господин Ватанаби, это Уихара. Я с удовольствием прочитал все, что вы любезно мне предложили. Watanabe wrote:

- Не испытывали ли вы
- желания убить кого-нибудь,
- не случались ли с вами припадки немотивированной
- ярости? Нашу организацию весьма
- заинтересовало ваше письмо.

Не знаю, случались ли у меня подобные припадки или нет, но дело в том, что я прочитал все тексты, которые вы советовали. Кроме того, я познакомился с женщиной, оказавшей мне неоценимую помощь. Сначала я хотел ее убить и даже прихватил с собой нож. Но она перевязала мне рану на руке, а потом показала фильм. Речь шла о войне, было много убитых, а одного японского солдата даже сожгли заживо. Все это я смотрел на очень маленьком экране, не больше почтовой открытки. Фильм меня заинтересовал, и мне захотелось увидеть одно место. Сейчас я как раз направляюсь туда, и у меня нет времени, чтобы как следует выправить этот текст. Я не могу сообщить вам его местонахождение — я и сам его толком не знаю. Но я возьму с собой ноутбук и свяжусь с вами,

как только представится такая возможность. Только что я избил двух близких мне людей бейсбольной битой. Я написал «близких», но на самом деле они оказались не так уж мне близки. Наверное, я убил их обоих. Не знаю, повлиял ли на то, что произошло, червь хослокатерия, но полагаю, что какая-то связь тут есть. Это еще одна причина, по которой я обязательно должен найти то место, о котором уже говорил. Итак, я почти закончил... Я был бы очень рад получить письмо от Йосико Сакагами, хотя и понимаю, насколько это трудно. Передайте от меня привет всем членам «Интер-Био». Я действительно прочитал все, что вы рекомендовали, но это оказалось непростой задачей. Я чуть мозги себе не свихнул... хотя все было очень интересно.

Закончив письмо, Уихара открыл блокнот и принялся срисовывать план Южного Нояма и Мицукубо. Продавец в магазине заметил пятна крови на его одежде, но в ту же секунду отвел взгляд и ничего не сказал, и Уихара понял, что тот его боится.

Зазвонил телефон. Уихара снял трубку и услышал голос куклы-марионетки:

— Немедленно обратись в полицию. Если придешь сам, тебе смягчат наказание!

Но Уихара не собирался обращаться в полицию, ему нужно было идти искать бомбоубежище. Он сунул в рюкзак свою пижаму и сверху положил ноутбук. Из холодильника достал бутылку «Оолонг Ти», пару мандаринов и упаковку шоколадных бисквитов. Карманный фонарь и свечи он решил купить по дороге.

До станции «Мицукубо» нужно было ехать на автобусе. Там, на станции, Уихара думал обналичить имевшиеся у него деньги. Немного севернее располагался вход в парк, территория которого по площади превосходила его родной город Хигасияма. Местности Мотоири и Хинода лежали к юго-западу от входа, там же, где и деревообрабатывающая мастерская. Судя по всему, эта мастерская занималась очисткой спиленного леса от сучков и коры, а потом вывозила за пределы зеленой

зоны. Помещалась мастерская в довольно скучном одноэтажном строении...

На автобусной остановке висело расписание, но оно было до того забрызгано грязью, что прочитав что-либо оказалось решительно невозможным. Впрочем, женщина в очках и с бумажным пакетом, в котором, как заметил Уихара, лежали груши, сказала ему, что автобус должен прийти с минуты на минуту. В ответ Уихара вежливо поклонился. Его немного успокоило, что кроме него на остановке было всего двое — эта женщина да какой-то юнец. Молодой человек был наряжен в светло-коричневый костюм, в одной руке он держал сумку из черной кожи, а другой вертел мобильный телефон. Небо затянуло тучами, задул холодный ветер. Видно было, что парень совсем замерз — он то и дело втягивал голову в плечи и с нетерпением поглядывал на дорогу.

Полицейский показался внезапно, словно из-под земли. Уихара услышал звонок его велосипеда и чуть не вскрикнул от ужаса. Но голубой мундир медленно проследовал мимо, не обратив на него ни малейшего внимания. На всякий случай Уихара поднял повыше воротник и запахнулся, чтобы скрыть пятна на рубаше. Лихорадки его как не бывало. Заодно прекратилось и бесконечное мерцание, утомлявшее его глаза. Уихара ощутил биение своего сердца и почувствовал, как все тело пронизывает холод. Голубой мундир полицейского вывел его из сомнамбулического состояния. Уихара усилием воли заставил себя убедиться в реальности произошедшего с ним. Он наконец поверил в то, что те двое действительно были его братом и отцом. Осознание этого факта медленно проникало в него вместе с ощущением холода. «Получается, что я убил своего отца?» — в ужасе спрашивал он себя. Мысль об отце, воспоминания о нем и удар битой по его окровавленному лицу соединились и составили единое целое. Теперь все встало на свои места. Кошмар, такой же тяжелый, как металлическая бита, навалился на него... Уихара явственно услышал, как хрустнули под ударом кости черепа. На его брюках запеклась не кровь — это был ошметок мозга отца.

Он уже и забыл, когда последний раз ездил на автобусе. Уихара устроился у окна и снова задумался. Кошмар упорно наваливался на него, подминая под себя сознание. Такое уже случилось с ним после того, как он отказался ходить в школу. Сопротивляться было бесполезно — само тело уже не повиновалось ему. Ничего не оставалось, как только раз за разом складывать детали этой головоломки: мысль об отце, воспоминание о нем и удары битой...

За окном проплывали вывески магазинов, неоновые огни заведений для игры в панчико (Игра, напоминающая китайский бильярд), реклама агентства недвижимости. Мелькнул манекен, изображавший толстого американца в белом костюме с розовым галстуком-бабочкой... Афиши видеосалона... Герои мультфильмов в аптечной витрине... Светящиеся гирлянды развлекательного центра... У телефона-автомата жались хихикающие школьницы. Какой-то прохожий читал на ходу газету — он пропал из виду раньше, чем Уихара осознал это.

В салон вошел новый пассажир. Он был до того худ, что Уихара принял его за отца и вытаращил глаза. Какое-то время мужчина стоял, держась за поручень, а потом шагнул к свободному креслу, выгнувшись всем телом, чтобы не упасть при повороте автобуса. Уихара скосил глаза. Нет, совсем не похож... Даром что тощ как глист. Хотя... если подумать, то все же что-то есть. Уихара тщетно пытался вспомнить лицо отца, его жесты, мимику. Все тонуло в каком-то тумане. Он вспомнил поездку в Диснейленд, еще куда-то... Кажется, они вместе ходили смотреть на большой висячий мост... а еще спускались на лодке по реке. И все же Уихара не мог припомнить ни лица, ни одежды, ни тембра его голоса. Его воспоминания никак не хотели складываться в цельную картину. Недоставало второй детали головоломки. Чем же отец отличался от всех остальных людей? Уихара понял, что он никогда не видел отца расслабленным, непринужденным... домашним. Даже когда отец говорил с ним, он говорил только о своей работе. Эти разговоры не вызывали ни блеска в детских глазах, ни смеха, ни веселья. Головоломка рассыпалась... Ну и что с того? Какое ему до всего этого

дело? Такое же, как и до этого пятнышка на штанах, то ли от запекшейся крови, то ли от расквашенных мозгов.

На станции «Мицукубо» Уихара снял со счета миллион иен и пошел прочь от здания вокзала, перепрыгивая через железнодорожные пути. Вдоль дороги протекала речка. Чуть погодя Уихара увидел указатель направления к парку.

VII

На станции Уихара зашел в спортивный магазин. Магазин был разделен на три секции и казался огромным. Уихара приобрел фонарик, часы-компас, бутылку воды, несколько коробок «Калори Мэйт», пару футболок и нижнее белье. Он подумал, что ему также пригодятся хороший рюкзак и одеяло, но продавец убедил его взять теплый и легкий спальный мешок. Вообще персонал магазина был очень любезен с ним. «Что, приехали послушать птичье пение?» — поинтересовался кто-то из сотрудников. Уихара в это время упаковывал инфракрасный бинокль в виде очков и треножник — предметы, совершенно бесполезные для такой цели, — но тем не менее утвердительно кивнул. Треножник стоил очень дорого, зато с ним Уихара не опасался возбудить чьих-нибудь подозрений.

Парковка возле станции была забита до отказа. Пейзаж здесь ничуть не отличался от того, что Уихара видел у себя: все те же ровные ряды домов, образующих прямые углы. Стены были выкрашены либо в серый, либо в светло-коричневый цвета. Погода особенно не изменилась — та же температура, та же влажность воздуха. Да и люди были одеты одинаково. «Конечно, — подумал Уихара, — это потому, что они не знают, кем являются на самом деле. Никто из них ни за что не отважился бы нарушить границы, отделяющие его от внешнего мира. А я могу!»

Слева от дороги тихо журчала река. Она была пошире той, что текла перед домом Уихара, но иногда совершенно терялась из виду, сдавленная плотной городской застройкой. Какой же был день недели? Уихара обладал обостренным чувством времени. Ему случалось неделями не выходить из дому, но он мог с точностью сказать, который сейчас час

или день. Целыми сутками он просиживал у телевизора с игровой приставкой, поедая пирожные с кремом, печенье и консервированные фрукты. Уихара тяготила медлительность, с которой протекали послеполуденные часы, и он с нетерпением ждал наступления ночи. Антидепрессанты приводили его в состояние полного оцепенения, но чувство времени, несмотря ни на что, сохранялось.

Впрочем, часы было легко отслеживать и по телепрограммам: передачи шли по расписанию, в одно и то же время. Уихара иногда не понимал происходящего на экране, но всегда был готов ответить, какой вчера был день, какой недели и какого месяца. Он не мог сказать почему, он просто знал, и все.

Ближе к парку река вырывалась из объятий бетонного города и текла свободнее. По берегу стайками шныряли ребяташки, швыряя в воду палки. Глядя на эти деревяшки, можно было легко оценить скорость течения. «Время, должно быть, бежит точно так же», — подумалось Уихара. Да, время течет так же, и оно одинаково для всех. Оно одинаково как для тех избранных, кто носит в себе червя хослокатерию, так и для всех остальных. Время одинаково шло и для того, кто лежал сейчас с проломленной бейсбольной битой головой, и для того, кто шагал по набережной в поисках таинственного бомбоубежища. Оно пронизывало и тех, кто уставился в экраны своих телевизоров, и тех, кто валялся на кровати... Время было подобно речному потоку. Оно было одновременно и течением, и уносимыми им деревяшками — вот что понял Уихара, стоя на берегу чужой реки.

Площадка у входа в парк также была заставлена машинами. «Праздник, что ли, какой?.. Или воскресенье?» — удивился Уихара. В большинстве своем это были внедорожники повышенной проходимости с широченными колесами. Солнце играло на их никелированных частях и гладких поверхностях. Кое-где около машин суетились отъезжающие. Кто-то укреплял на багажнике велосипед, кто-то снимал голубой полиэтиленовый чехол...

На входе красовался огромный плакат с планом парка. Уихара заглянул в свои каракули и определил местонахождение деревообрабатывающей мастерской. На плане были обозначены уже благоустроенные зоны и зоны, еще закрытые для посещения. Ниже на картинках были представлены всевозможные хорьки, нутрии и обезьяны, обитающие здесь. Бросились в глаза краткие инструкции: «Добро пожаловать в страну отдохновения! Пожалуйста, соблюдайте правила пользования парком и веселитесь вволю! Животные и деревья — наши друзья. Не забывайте, что они тоже живые! Берегите природу — этот парк принадлежит всем. Приближаться к опасным зонам категорически запрещается!»

Уихара вскарабкался по склону, который начинался сразу же за плакатом. Когда он наконец достиг вершины холма, его взору открылась потрясающая картина. Парк лежал перед ним как на ладони. Лучи заходящего солнца золотили верхушки деревьев. Уихара это казалось настоящим чудом. Он ощутил легкое головокружение. Ему показалось, что он слышит музыку — такая обычно звучит в фильме с хорошим концом. Никогда еще его взор не охватывал такого пространства. По берегам проток, на склонах холмов повсюду виднелись многочисленные туристы и просто гуляющие. То тут, то там пестрели накидки, плащи, покрывала, скатерти... На сочной зелени газонов живописно выделялись красные, желтые и голубые палатки. Развернувшись, Уихара увидел опушку леса, который тянулся вдаль, насколько хватало глаз. Судя по всему, там и располагалось здание деревообрабатывающей мастерской.

Уихара двинулся в том направлении и скоро пропал среди разноцветных покрывал и палаток. Какой-то мужчина бросал своему сыну лет семи-восьми летающую тарелку. Рядом сидела женщина и собирала в пучок волосы на затылке. Даже издали было видно, как по ее лицу стекают капельки пота. Ребенок был одет в джинсовый костюмчик. Он отчаянно пытался схватить брошенную отцом тарелку, но каждый раз промахивался.

На красном покрывале чинно сидело целое семейство — отец, мать и сынок, — они по очереди гладили крупную длинношерстную собаку.

Собака повизгивала и бросалась то к одному, то к другому. Когда она опускала голову, становился виден ее светящийся ошейник.

Напротив отдыхала другая компания. Несколько человек сидели кружком на голубом покрывале и, судя по всему, играли в слова. В середине круга помещался ведущий с покрасневшим от напряжения лицом. Размахивая жестянкой с пивом, он громким голосом выкрикивал названия растений и цветов. Но иногда он ошибался и называл какую-нибудь рыбу, и тогда вся компания разражалась громоподобным хохотом. При взгляде на этих весельчаков создавалось впечатление, что они делают это специально, чтобы привлечь к себе внимание. Уихара как раз проходил мимо, и очередной взрыв смеха заставил его подпрыгнуть от неожиданности. Ему показалось, что эта шумная компания увеличивается в объеме, словно воздушный шар. Во всяком случае, эти ребята были единственными, кто выбивался из общей гармонии.

Чуть поодаль гоняли мяч отец и сын. На мужчине была серая спортивная куртка, а мальчишка облачился в короткие штаны и ярко-красный пуловер. На мяче красовалась какая-то надпись по-английски. Когда мяч катился, она превращалась в круг, и прочитать что-нибудь было невозможно. Игроки так увлеклись, что не заметили, как мячик попал прямо в группу девушек, сидевших друг напротив друга. Барышни слушали музыку — у каждой из них был плеер с наушниками — и чуть заметно подергивались в такт мелодии. Четыре девицы были одеты в одинаковые джинсы, но в руках держали четыре разные банки с газировкой.

Мяч докатился до женщины с собачкой. Английские буквы на нем, казалось, налезали одна на другую. Женщина взяла собачку на руки и почесала ее за ушком. Сзади раздавался хохот веселой компании.

Солнце стояло уже довольно низко, и его косые лучи окрашивали траву и людей в оранжевый цвет. Уихара заметил, что в парке много собак. Их хозяева собирались в центральной его части и сбивались в небольшие группки. Среди них выделялся человек в голубой блузе — вероятно, профессиональный дрессировщик. Поверх одежды он натянул

что-то типа халата из какого-то пористого материала. Дрессировщик повернулся к Уихара в профиль и что-то сказал — во рту сверкнул частокол золотых зубов.

Там и сям носились дети с палками и отломанными ветками. Они так орала и визжали, что начинало казаться, будто парк ходит ходуном. Уихара едва успел увернуться от одного из этих маленьких бандитов, как в тот же момент у него в рюкзаке зазвонил мобильник. «Киё!» — услышал он голос матери и тотчас же отключил телефон. «Значит, в парке мобильник ловит, — подумал он. — Это хорошо, ведь все равно придется связываться с „Интер-Био"». Конечно, аккумуляторы подсядут, но это ничего—в Токио полно мест, где можно зарядиться. Однажды в общественном туалете парка Дзито, что в квартале Сибуйя, он видел бомжа, который брился электрической бритвой. Так что это не проблема...

Хохот и крики за спиной становились все тише и тише. Веселая компания превратилась в маленькое пестрое пятнышко. Уихара миновал детскую площадку и устремился в глубь парка. Кое-где еще слышалась человеческая речь, резвились собаки. Казалось, что парк разделен невидимыми глазу линиями на клеточки, на которых в определенном порядке были расставлены фигурки людей. Даже животные выглядели как-то безвольно. Их движения казались механическими, как у радиоуправляемых роботов. На лицах гуляющих застыло одно и то же выражение, улыбки были будто нарисованными.

У самого леса Уихара увидел ряды скамеек и сцену, представлявшую собой грубо сколоченный помост. У него возникло ощущение, будто она излучает какое-то мощное поле, на манер магнитного. На краю сцены в полном одиночестве сидел юноша с длинными волосами и пел, аккомпанируя себе на гитаре. Его голос то резал слух, то пропадал совсем. Как Уихара ни напрягался, он не различил ничего, кроме слов «ты» и «я». Неподалеку от гитариста расположилась компания. Ревел примус, и к небу поднималась тонкая струйка дыма. Из рта одной девицы торчала сосиска — при этом барышня умудрялась поддерживать светскую беседу. Ей равнодушно

внимали, лениво жуя сосиски и запивая пивом. Разговор шел о работе, сотрудниках и тому подобном.

Поодаль отец с сыном развлекались, бросая бейсбольный мячик. Мальчик был совсем еще маленький, и ему никак не удавалось правильно бросить мяч. Отец говорил, что при броске следует немного округлить руку, но мяч все равно не летел дальше чем на несколько метров... Потом к ним подошла мать и начала морочить голову ребенку, как ему должно быть весело играть с папочкой. Со сцены доносилось: «И нужно жи-и-и-ить и ува-жа-а-а-а-ать!..» Тут голос певца оборвался, и Уихара так и не понял, что или кого ему следует уважать. Вероятно, всех собравшихся в парке... Мужчина и женщина, оба в белых спортивных костюмах с вышитыми диснеевскими героями, играли на лужайке в бадминтон. Перед тем как ударить по волану, они зачем-то подскакивали. Ракетки мелькали с нарастающей частотой, и Уихара почудилось, будто они оставляют в воздухе видимые следы — совсем как слова песни, что неслись со сцены.

В центральной зоне парка, в низине, были установлены горки со специальными держателями для скользящих страховочных концов. Около одной из горок возился обвязанный веревкой мужчина, помогавший съехать вниз маленькой девочке, по-видимому своей дочери. На ее личике Уихара заметил следы от ожогов. Мужчина бегал вокруг, суетился, и его металлический пояс ритмично позвякивал.

Уихара с удовольствием ступал по свежескошенной траве. У него было такое ощущение, словно он шел по ковру из пористой резины.

Парень и девушка, обняв друг друга за плечи, любовались закатом. Но на самом деле закат их нисколько не интересовал — просто кто-то отдал им приказ созерцать заход солнца, и они ревностно его исполняли. Проходя мимо, Уихара расслышал обрывки разговора:

— Не думаю, что это могло послужить причиной... — сказал парень.

— А тебе разве не жаль? — откликнулась девушка.

Парень нервно крутил на указательном пальце связку ключей от машины. Девушка же с механической точностью по одной вырывала травинки, что росли подле нее. На ней была короткая голубая юбочка и

колготки персикового цвета, плотно обтягивавшие бедра. В косых лучах солнца они отливали золотом. Рядом валялся недоеденный гамбургер с клоуном на смятой упаковке. Уихара показалось, что клоун отвратительно гримасничает.

В воздух то и дело взмывали тарелки для игры во фрисби. Они парили по одной и той же траектории и были окрашены в одни и те же цвета. Все собаки были одной масти и одной породы. Вероятно, это было необходимое условие для допуска в парк, равно как джип-внедорожник, джинсы, сосиски-гриль и гамбургер в упаковке с клоуном. Гитарист обязательно должен был быть длинноволосым, а колготки у девушки — персикового цвета. И каждый должен был находиться в строго определенном месте, в квадрате, образуемом воображаемыми линиями. Все были обязаны смеяться через равные промежутки времени, а собаки — смотреть на солнечный закат. Бегунам предписывалось носить синюю форму. «Терпеть не могу это дерьмо, — в сердцах подумал Уихара. — Лучше уж сидеть дома!» И в каждой голове обязательно должен был находиться мозг, который следовало вышибить наружу ударом бейсбольной биты.

Несмотря на то что рубаша Уихара была забрызгана кровью, на него никто не обращал внимания. От пятнышка на штанах распространялся запах соленой рыбы — это был кусочек мозга его отца. Но всем было наплевать, они видели только то, что лежало на поверхности. Это было всего лишь сборище гнусных хлыщей, толпа дегенератов, аккуратно расставленных на поляне как шахматные фигурки. Они могли лишь исполнять неизвестно чьи приказы и не видели настоящей реальности, которая для них заключалась в ударе битой по черепу.

За раскладным столиком сидели двое, играли в гляделки и улыбались. Вдруг мужчина заметил большую гусеницу, которая ползла по гладкой полированной поверхности, и указал на нее пальцем. Взгляды стали чередоваться: взгляд на гусеницу — взгляд в глаза друг другу...

Наконец Уихара вошел под своды леса, и его сразу же охватило ощущение неизъяснимого блаженства. Где-то шелкали и переливались голосами невидимые птицы. Людей становилось все меньше и меньше. Какое-то время Уихара шел не разбирая дороги, пока не наткнулся на узенькую тропинку. Здесь было уже темно — ветви так густо переплелись, что образовывали настоящий туннель. Изредка налетал порыв ветра, и лес будто вздыхал... Под ногами аппетитно хрустели сухие листья.

Уихара неспешно брел по тропинке, размышляя о том, успеет ли он добраться до бомбоубежища засветло. Как говорилось в описании, там непременно должно быть вывешено предупреждение, а все вокруг затянута проволочной сеткой. Убежище окажется, как полагал Уихара, непосредственно за ограждением.

Чем дальше он шел, тем плотнее становился ковер из палой листвы. Неожиданно Уихара увидел раздвинутые женские ноги и едва не налетел на парочку, что предавалась любви прямо на тропинке. Заметив незнакомца, женщина закрыла лицо и стала вырываться из цепких объятий любовника. Последний только скользнул по Уихара взглядом, затем опустил голову и принялся лизать женщине груди. Из-за темноты Уихара не удалось как следует разглядеть их — он запомнил лишь белизну женского лица и ее выдающийся вперед подбородок. Это напоминало мордочку какого-то зверька, название которого он забыл. «Ну, все его знают... у нас, в Японии, не водится... А, черт с ним!»

Где-то вдалеке прозвучал предупредительный сигнал — парк закрывался на ночь. Хотя Уихара прошагал достаточно, он совсем не чувствовал усталости. Он бегом пересек широкую поляну и снова углубился в лес. Склон холма стал круче, но Уихара даже не запыхался. Он чувствовал в себе присутствие червя хослокатерии. Этот белесый паразит, невообразимо длинный и тонкий, уже завладел всем его телом. Уихара ощущал его под самой кожей. Прочитав о черве больше сотни страниц в Интернете, он теперь полагал, что понял его взаимосвязь с человеческим мозгом. Червь проникал в организм через кровеносную систему и таким образом мог достигнуть любой его части.

Человеческий мозг способен вырабатывать огромное число высокоактивных химических веществ, которые вызывают у человека приступы возбуждения или, наоборот, торможения. Если в процессе биохимической деятельности организма преобладают первые, то человек трясется от непонятного страха. Если же преобладают вторые, то индивидуум становится вальяжным и добрым. Все происходит на молекулярном уровне.

Мозг представляет собой гигантский комплекс, в который входят нейроны, соединенные в определенную систему. Иными словами, нервная система уподобляется сети, чем-то напоминающей Всемирную Паутину. К тому же нейроны передают информацию друг другу посредством электрических импульсов, что делает сравнение с Интернетом еще более уместным. Прохождению этих сигналов способствуют или препятствуют те или иные химические соединения, которые, по сути, оказывают решающее влияние на функционирование системы в целом. Обмен информацией происходит непрерывно, причем тот или иной информационный поток может усиливаться, изменяться или вообще сводиться на нет.

Вещества, содержащиеся в выделениях червя, имеют почти тот же состав, что и те, что имеются в человеческом мозгу. Иначе говоря, говно какого-то червяка способно усиливать или подавлять определенные потоки информации в нервной системе, даже если, как пишет distinguished VX-gaz, вероятность этого рассчитывается как один к двум. Вот почему носители этого червя часто склонны совершать дикие и противоречивые поступки. И тогда можно наблюдать бросающихся с обрыва баранов, от души веселящихся ацтекских узников или стариков, что безропотно ждут мучительной смерти. И единственное, что объединяет все эти существа, — это то, что все они приговорены.

Где-то раздавались человеческие голоса, но из-за густой листвы слов нельзя было различить. Ясно было одно: голоса приближались. Уихара свернул с тропки и, стараясь не наступать на сухие сучья, скрылся в подлеске. Из предосторожности он согнулся в три погибели и в таком виде проковылял еще несколько метров, пока не споткнулся о

корни огромного дерева. На стволе он разглядел металлическую табличку, на которой было выгравировано одно слово: «Целкова». Уихара решил переждать и притаился в тени. Было довольно свежо. Над головой роились целые тучи насекомых. К лицу липла паутина, по рукам что-то бегало и щекоталось, но это можно было и перетерпеть. Голоса раздавались уже совсем близко. Уихара увидел чьи-то ноги, обутые в кроссовки. Он замер под деревом и даже перестал дышать. Перед глазами маячила табличка с непонятной надписью. Но шаги скоро удалились, и Уихара смог перевести дух.

Тропинка становилась все уже и уже. Навстречу стали попа даваться щиты с предупреждениями об опасности. Через некоторое время тропинка вывела Уихара на гравиевую дорогу, по которой вполне мог проехать грузовик. Она оканчивалась не большой полянкой, где стояли щитовой дом в два этажа и телефонная будка. Неоновая лампа освещала надпись: «Деревообрабатывающая мастерская». Дом оказался небольшим — по площади как два школьных класса. В окнах отражался бледный неоновый свет. Внутри царил тьма — людей тут точно не было. Крыша представляла собой кое-как скрепленные листы шифера. Все строение напоминало скорее увеличенную садовую беседку, нежели рабочее помещение. Имелось два входа — один нормальный, а другой служил для погрузки стволов. На первом этаже помещались различные агрегаты и станки для работы по дереву. Почтовый ящик был до отказа забит деловой корреспонденцией, вероятно какими-то циркулярами и распоряжениями. Замок был покрыт толстым слоем паутины и пыли. На дверях кто-то укрепил кусок картона, на котором нацарапал черным маркером сообщение о том, что по всем вопросам посетителям следует обращаться в администрацию парка. Судя по всему, работы здесь не велись несколько месяцев. Уихара сверил расположение здания относительно дороги и лесного массива. Он так же зарисовал на плане все окрестные деревья. Выходило неплохо, тем более что укрепленная на крыше дома антенна могла послужить в случае надобности прекрасным ориентиром.

Уихара юркнул в лес и нашел свою тропинку. Вскоре ему встретился большой щит: «Проход запрещен». Тропинка терялась в пышной растительности. Он сделал еще несколько шагов и ткнулся в сетку. Здесь тоже был вывешен запрещающий знак. Ниже Уихара разглядел замызанную табличку, на которой едва виднелись буквы: «Хинода». Он огляделся — самая глушь, ни зги не видать! Было тихо, только стрекотали насекомые да перекрикивались, отходя ко сну, птицы. Уихара выдохнул изо рта вылетело облачко белого пара. Но особого холода не ощущалось, и он решил идти дальше, насколько будет возможно. Нужно во что бы то ни стало разыскать это бомбоубежище.

Презрев запрещающую надпись, Уихара вскарабкался на проволочную изгородь. «Придется идти так», — решил он. Но ветви смыкались все плотнее, и скоро он окончательно сбился с пути. Сделал еще несколько шагов и понял, что заблудился. Вокруг было темно, хоть глаз коли. Теперь Уихара продвигался, выставив руки вперед и хватаясь за стволы и сучья. Из рта у него вырывались облачка белого пара и тотчас же рассеивались в ночном воздухе. Вдруг он увидел во тьме две красные точки. Они мерцали среди листвы, то пропадая, то возникая снова. Скорее всего это были глаза какого-то мелкого зверька, который пристально следил за непрошеным гостем. Светящиеся точки чем-то напоминали сигнальные огни, что обычно зажигаются на крышах небоскребов.

Взошла луна и посеребрила траву. На землю пали короткие тени. Уихара немало подивился устройству человеческого глаза: чуть-чуть неяркого отраженного лунного света — и мрака как не бывало. Предметы медленно выплывали из темноты, словно на экране компьютера, правда, для этого ему приходилось задерживать на них свой взгляд. Зрительный нерв слишком долго адаптировался к необычным для него условиям, и Уихара понял, что каждый его шаг будет занимать несколько минут. Зато его руки, ноги и плечи сделались невероятно чувствительными — он мог на ощупь определить любой предмет, будь то дерево или камень, поэтому спокойно обходил коряги и торчавшие из земли узловатые корни. Темнота, казалось, усилила его

способность ориентироваться в пространстве. Слух его обострился, и Уихара с легкостью мог отличить шелест зеленых листьев от шороха увядших. Иногда под ногой с треском ломалась сухая палка, но эхо мгновенно тонуло в лесных дебрях.

По мере того как он все дальше заходил в чащу, все явственнее становилось ощущение нереальности всего происходящего. Пальцы его касались ветвей, под ногами шуршал палый лист, лямки рюкзака врезались в плечи. И все же Уихара не терял контроля над собой и отлично понимал, где находится. Он тщательно ощупывал каждое препятствие, а перед тем как схватиться за ствол или ветку, проверял надежность опоры. Между тем восхождение становилось все более трудным. Нужно было постоянно следить за тем, чтобы не поскользнуться на камнях или не зацепиться за корень. Останавливаться было нельзя. Некоторые ветки были унизаны шипами и колючками, и нужно было быть очень осторожным, чтобы не пораниться. Иногда Уихара начинало казаться, что он идет по темному бесконечному коридору, где с потолка свешиваются провода.

Его ощущениям способствовало еще одно обстоятельство — Уихара шел, ни о чем не думая. Мысли его разбегались, не давая возможности сконцентрироваться. Став добровольным затворником, он перестал видеть сны. Да и раньше никогда не видел в своих снах того, чего ему хотелось. Его сновидения не были плодами фантазии, они вообще не имели ничего общего ни с его мыслями, ни с волей. Уихара понял это только здесь, в лесу. Сидя дома, он целые дни проводил перед телевизором, не выпуская из рук игровой приставки. Антидепрессанты, которыми его пичкали, избавляли от головных болей и тревоги, а заодно сводили на нет аппетит и всякий интерес к девушкам. А кроме того, считал Уихара, таблетки лишили его возможности видеть сны.

Проводя рукой по стволу дерева, он различал малейшие шероховатости коры. Под ногами трещали и ломались сучья, листья щекотали ладони, колючки впивались в него. Кончики пальцев превратились в самостоятельные органы зрения. Он буквально видел своими пальцами, словно в них переместилась часть его сознания...

Уихара вспомнил свой детский сон, как раз связанный с пальцами рук. Однажды, когда он был еще совсем маленьким, ему приснилось, что у него начали расти ногти. Они удлинялись и удлинялись, и казалось, их рост будет продолжаться бесконечно. Уихара решил обрезать их под корень и бросился искать ножницы. Он открывал дверцы шкафов и в каждом из них находил ножницы различной формы. Одни были похожи на точилку для карандашей, другие напоминали очки, третьи — клетку для сверчков. Были и такие, которые легко можно было спутать с пультом от телевизора... Некоторые показались Уихара живыми, и он не ошибся. Они действительно были живые! Желтый цыпленок-ножницы махал крылышками, гусеница-ножницы превращалась в бабочку, собачка-ножницы тяжело дышала и показывала язык. Уихара встревожился — как же ему подстричь ногти такими ножницами? Но пока он раздумывал, ногти достигли непомерной величины...

По его рукам ползали бесчисленные насекомые. Некоторых из них он видел впервые. Уихара поднес руку к свету и долго разглядывал диковинных существ.

Самые маленькие были не больше капельки росы. Они шевелили микроскопическими лапками с сумасшедшей скоростью. Зуд от насекомых напомнил Уихара еще один сон, в котором его руки превращались в две морские звезды. Уихара только-только начал ходить в начальную школу. Это был нехороший сон, настоящий кошмар. Ему приснилось, что его ужалила какая-то мушка. В природе таких не существует, зато в детской литературе встречается сколько угодно. От укуса рука начала чесаться, но это было не так уж страшно. Потом зуд перешел в боль, и руки стали опухать. Уихара постеснялся рассказать об этом родителям. В школе он тоже молчал и прятал руки в карманах. Но мушка не просто укусила его, а еще отложила яйца прямо под кожу. Мало-помалу кожа становилась прозрачной, и они стали видны невооруженным глазом, чем-то напоминая лягушачьи в студенистых мешках. Потом яйца стали увеличиваться в объеме, и скоро внутри каждого из них можно было различить эмбрион. По мере того как яйца становились все больше и больше, руки Уихара стали изменять свою

форму. Кожа на них огрубела, а фаланги пальцев раздулись. Одноклассники стали посмеиваться и дразнить его инопланетянином. А когда из яиц вот-вот должны были вылупиться личинки, кисти рук превратились в две морские звезды. Проснувшись поутру, он долго разглядывал свои руки, пока не убедился, что они совершенно нормальные и не собираются менять форму.

Уихара стало казаться, что отдельные части его тела уже не принадлежат ему. Такое он уже испытывал, когда сидел в хижине сумасшедшей старухи и смотрел военную хронику.

К лицу липла паутина, колючки и репейник цеплялись за его одежду. Стоило налететь даже слабенькому ветерку, как на голову начинали сыпаться созревшие плоды и всякая дрянь. В зависимости от силы ветра лес шумел по-разному: шелест листьев напоминал то океанский прибой, то задушевный шепот. Каждый раз Уихара вздрагивал от неожиданности, но продолжал упорно карабкаться вверх, пока не достиг вершины холма.

Uehara wrote:

- Наверное, я убил их обоих.
- Не знаю, повлиял ли на то,
- что произошло, червь хослокатерия,
- но полагаю, что какая-то связь тут есть.
- Это еще одна причина, по которой я обязательно
- должен найти то место, о котором уже говорил.
- Итак, я почти закончил... Я был бы
- очень рад получить письмо от Йосико Сакагами,
- хотя и понимаю, насколько это трудно. Передайте от
- меня привет всем членам «Интер-Био».
- Я действительно прочитал все, что вы рекомендовали,
- но это оказалось непростой задачей. Я чуть мозги себе
- не свихнул... хотя все было очень интересно.

Приветствую вас, господин Уихара! Меня зовут Итагаки. Сугуру Итагаки. Работаю зубным врачом в Маэбаси. Надеюсь, что вы прочитаете мое сообщение.

Йосико Сакагами никогда вам не напишет. Все эти idiotские сообщения, письма, рассказы про какого-то червя хослокатерию суть вздор. Это неудобоваримое месиво наглядно показывает, как много в Интернете скопилось всякого дерьма. Ребята из «Интер-Био» сливали вам эти выдумки лишь для того, чтобы напакостить. Я знаю это, поскольку сам когда-то состоял членом «Интер-Био». И я не понаслышке знаю об опасностях, которые таит в себе Интернет. Долгое время я наивно полагал, что взламывать чужие сайты — это круто, и даже написал для этой цели несколько программ.

Дело в том, что Йосико Сакагами сама является жертвой этих мошенников. Она любит окружать себя разного рода специалистами — она ведь телезвезда и, кроме того, хочет показать себя знатоком в области высоких технологий. Среди этих спецов попадаются весьма разносторонне одаренные личности. Им удалось проникнуть на ее официальную страничку, и теперь они творят там, что только в голову взбредет. Сама-то Йосико Сакагами об этом не догадывается... она вообще мало о чем способна догадаться. Тут уж ничего не поделаешь.

Я написал, что был членом их шайки... хотя меня оттуда никто официально не увольнял. Вы хотите знать, как я смог выйти на вас? Это несложно — я до сих пор имею доступ к их списку рассылки, где есть и ваш адрес. Никто не знает, что с ним будет, если он захочет покинуть организацию. Им известно все — мое настоящее имя, телефонный номер, мой домашний адрес, место моей работы... в общем, все, что нужно. Господин Уихара, подумайте, как же это получается: они знают о вас все, а вы — только их имейл? Я не особо разбираюсь в таких вещах, но, по-моему, в Сети достаточно провайдерских фирм, которые смогут предоставить подобные услуги. А «Интер-Био» нужно только одно — собрать о пользователях как можно больше информации. Бессовестные и безжалостные типы! Поклонники пишут Йосико Сакагами. Им очень вежливо отвечают, вызывают на откровенность, а потом публикуют их послания в Сети! Конечно, это свинство. Провайдеры пытаются с этим бороться, несмотря на то что некоторые их работники также состоят членами «Интер-Био». Своими жертвами они в первую очередь

выбирают людей благородных и принципиальных. Мало того, теперь эти бандиты перешли от простого хулиганства к более изысканным вещам. Их главная цель — подчинить себе человека, сделать его послушным орудием. Для начала «чайнику» отправляется сообщение, что якобы Йосико Сакагами изъявила желание познакомиться с ним поближе. Назначаются место и время... но на встречу никто, разумеется, не приходит. Впрочем, это еще цветочки. С недавних пор эти подонки затеяли одну новую игру: тем или иным способом они стараются принудить человека совершить преступление. Вы у них далеко не первая жертва. Сейчас они обрабатывают еще одного несчастного. Если мне не изменяет память, он помешан на теме защиты окружающей среды.

Сангвиник, очень нервный тип. Вообще мне кажется, что большинство из тех, кто участвует в различных форумах и интернет-тусовках, — люди одинокие. Их жизнь скудна. Они мечтают с кем-нибудь познакомиться, найти себе собеседника по душе. Среди них «Интер-Био» выбирает психически неустойчивых, ранимых и, как следствие, легко внушаемых. Тот человек, о котором я упоминал, был возмущен уничтожением какого-то парка в заштатном городишке. То ли его не устраивал проект, то ли еще что-то, короче, темная история. Чувствительный и одинокий — идеальная мишень для «Интер-Био»! Парни развлекались как могли — писали ему проникновенные письма, сочувствовали и даже опубликовали его гневные воззвания. Кончилось тем, что этот мужчина, по его собственному признанию, не мог удержаться от слез каждый раз, когда отправлял им новое сообщение. «Я пытаюсь писать, но слезы застилают глаза мои...» — и далее в том же духе. С этой фразы он начинал все свои послания, и вчерашнее тоже. И, мне кажется, тут «Интер-Био» превзошло самое себя.

— Слышь, дерьмо! Что, не въехал?

— Ты самое настоящее дерьмо! Ты даже хуже,

— ты дерьмо в квадрате!

— Ты пишешь о своей любви к деревьям,

— но ты даже не догадываешься о том,

- что происходит на самом деле.
- Поэтому таких, как ты, мы называем дерьмом.
- Ты хоть раз задумывался, сколько ежедневно
- во всем мире вырубается деревьев?
- Или же у тебя недостает ума?
- А знаешь ли ты,
- как японские предприятия, предав забвению
- элементарные принципы морали, варварски
- уничтожают девственные леса в Таиланде и Индонезии?
- Ну, ясное дело, у тебя же кишка тонка
- даже вякнуть про это. И ты хочешь
- спасти какой-то жалкий садик? Да ты
- хоть знаешь, как это делается, ты, дерьмо?!

А теперь представьте себе реакцию ранимого и нервного человека, который получит подобное письмо? И вот результат — этот попытался покончить с собой в том самом парке в знак протеста. Чем не доведение до самоубийства? А Йосико Сакагами и знать не знает об этой истории, так как «Интер-Био» контролирует список рассылки сообщений. Больше всего их веселят телерепортажи о несчастных случаях, произошедших с их жертвами. Весь компрометирующий материал немедленно удаляется, и таким образом не остается никаких доказательств. Потерпевшему ничего не остается, он даже пожаловаться не в состоянии. Я могу назвать еще одного — это молодой человек, который работает в службе помощи престарелым. Ему было велено выступить с протестом против незаконной торговли человеческими органами. Большая часть подпольного рынка находится в руках мексиканской мафии. Недавно я узнал, что этого человека арестовали за покушение на убийство мексиканской проститутки, которая жила в районе Хигаси-Окубо.

Господин Уихара, знайте, что вы — седьмой в их списке. Никакого червя хослокатерии не существует. Вы пишете, что отправились в какое-то потайное убежище. Объясните мне, где вы сейчас находитесь? Я являюсь вашим единственным другом. В моем письме вы найдете адрес моей почты — напишите мне, пожалуйста. Вас хотят сделать навеки

несчастливым! Однако вы быстро переходите от слов к делу. Вам удалось сбить с толку «Интер-Био», но уверяю, что ненадолго. Я прошу вас, не слушайте, что вам будут говорить другие! Я, и только я могу сейчас вам чем-то помочь!

На вершине холма Уихара нашел место для ночлега. Он нагреб сухих листьев под раскидистый кустарник, разостлал непромокаемое покрывало и развернул спальный мешок. Перед тем как включить компьютер, он умылся и попытался отскрести грязь с ладоней. Потом он подсоединил ноутбук к мобильному телефону. Экран мигнул и осветил все вокруг бледным светом. Уихара ждало сообщение от Итагаки.

VIII

Прочитав послание Сугуру Итагаки, Уихара надолго задумался. Батареи нужно было экономить, и он сразу же выключил ноутбук. Сначала он хотел подзарядить их в здании, где размещалась деревообрабатывающая мастерская, но там его могли заметить. Уихара положил компьютер обратно в сумку, скинул обувь и забрался в спальник. Мешок оказался довольно вместительным и в придачу был снабжен капюшоном, который полностью закрывал голову. Капюшон был сшит из мягкой ткани, ласкавшей кожу. Уихара почувствовав, что начинает согреваться. Дыхание его стало ровнее, мышцы расслабились. Сквозь ветви сияла голубая луна, листья слегка трепетали на ветру. Где-то вдали глухо лаяли собаки. Слушая шелест листьев, Уихара опять вспомнил океанский прибой... «Что, интересно, имел в виду этот Сугуру Итагаки, когда писал, чтобы я был осторожен? — размышлял он, засыпая. — Он пишет, что „Интер-Био" используют Йосико Сакагами в своих целях, чтобы манипулировать людьми. Он хотел знать, где я нахожусь... И как же я ему сообщу об этом, если и сам того не знаю? И что он будет делать, если я все-таки скажу? Он ведь тоже из их компании. Они даже друг друга не знают... Что они подумают, когда узнают, что я уколошил своего папашу бейсбольной битой? Поздравят, что ли?» Уихара попробовал представить, что к нему в лес приезжает сама Йосико Сакагами. «Вы что же, прямо тут и живете?» — спросит она

первым делом. Она будет разговаривать с ним очень почтительно, особенно когда узнает, что он сделал с отцом и братом. Уихара был уверен, что она обязательно поинтересовалась бы, что он чувствовал, когда бил человека битой по голове и рассматривал разлетевшиеся мозги. Йосико Сакагами появится, разумеется, в короткой юбке, а когда будет присаживаться напротив него, раздвинет ноги. И тогда он увидит обтянутые колготками бедра известной телеведущей.

Проснулся Уихара рано. Все тело его нещадно ломило, в мешке было жарко. Трава посеребрилась росой, но его спасла непромокаемая ткань. Солнце еще не взошло, хотя небо уже розовело. Сквозь листву виднелись темные очертания окрестных холмов. Воздух дрожал от птичьего гомона. Рядом с ним что-то зашевелилось — он повернул голову и увидел птичку чуть побольше обычного голубя, но с длинным хвостом. Птичка то и дело зарывалась клювом в толстый ковер из опавшей листвы, вылавливая там насекомых. Она подпрыгивала и издавала звуки, похожие на те, что получают, если подуть в бутылочное горлышко. Птичка совсем не боялась Уихара и скоро оказалась у самого его лица.

Наконец рассвело окончательно, и Уихара заметил, что вокруг каждого покрытого росой листочка образовалось розоватое сияние. Вершина холма поросла густым кустарником. Он свернул спальник и собрал рюкзак. Потом выпил воды, протер лицо гигиенической салфеткой и наскоро почистил зубы. Спустившись на несколько метров вниз по склону, снова увидел проволочную сетку. Вчера вечером ему казалось, что эта дорога заняла у него вечность, но при свете ему хватило одной минуты. Тропинка, по которой он пришел сюда, изобиловала извилинами и неожиданными поворотами.

Уихара почувствовал голод и стал искать солнечное местечко, чтобы позавтракать. Он пошел по знакомой тропинке в обратную сторону и в месте, где она расширялась, едва не налетел на старика в шерстяной шапке, сидевшего на складном стульчике. Старик был мал

ростом, а на коленях держал раскрытый блокнот. Он посмотрел на Уихара и сказал ему: «Здравствуйте!» Голос у старца был хриплый — Уихара с трудом разбирал слова. «Может, он смотрел вчерашние новости или читал утреннюю газету? Отец, по всей вероятности, мертв, а меня разыскивает полиция», — мелькнуло у него в мозгу. Но он тем не менее постарался не выдать волнения и вежливо ответил на приветствие. Вчера мать сказала, чтобы он явился с повинной. Это, наверное, ей следователь подсказал... Уихара слышал, что теперь можно установить местонахождение человека по сигналу его мобильного телефона. Никто, кроме матери, не знал, что у него есть мобильник. А если она обратилась в полицию?.. Или же полицейские сами как-то пронюхали об этом. Если им известен номер, то найти его — дело техники.

Старик улыбнулся Уихара и склонился над своим блокнотом. Уихара стоял и соображал: если этот тип из полиции, то его нужно немедленно убить. «Но, черт возьми, у меня ничего нет, кроме треножника. И времени мало... Да к тому же если я тресну его по башке этой штуковиной, то наверняка испачкаю в крови. Он обошелся мне в сто сорок тысяч... Тогда я вряд ли сойду за любителя птичек».

Пока Уихара размышлял, старик закончил работу и показал ему блокнот. Он увидел изображение Будды, покрытого с ног до головы кровью. В лучах восходящего солнца особенно отчетливо выделялся окровавленный лоб. В правой руке Будда держал меч, которым убивал лань и обезьяну. У обезьяны был распорот живот, из которого свешивались кишки. Уихара даже вскрикнул от удивления. Затем старикан показал ему другие рисунки. Какие-то из них были уже окончены, а какие-то представляли собой только наброски. Старик рисовал пастелью. Все эти творения объединяло одно: везде был изображен Будда, который в лучах восходящего солнца казнил зверей. Иногда на рисунке были запечатлены только его бесстрастное лицо и скрещенные руки, на манер Христа. С пальцев Будды стекала кровь.

— Ад! — объявил дед.

Звуки с трудом вылетали из его горла — казалось, что у старика удалены связки. Голос у него был точь-в-точь такой же, как у одного

знакового Уихара, у которого был рак горла. «Его настоящий голос должен был быть гораздо звонче, — подумал он. — Допускают ли к работе в полиции людей с такими недостатками? И какого черта ему понадобилось рисовать Будду именно здесь?»

— Девятую знаешь? — спросил вдруг старик.

— Чего — девятую?

— Девятую симфонию Бетховена.

— А-а. Ну, знаю.

— Я вышел на пенсию, жена умерла... Вот и поступил в любительский ансамбль, который поет Девятую... Но потом я заболел и стал терять голос. Однако не сдаюсь и продолжаю петь.

Старик говорил, спотыкаясь на каждом слогe, и, пока он закончил фразу, прошло несколько минут. Девятую симфонию он любил больше всего. Особенно ему нравилось репетировать немецкий текст, когда он поливал комнатные цветы или убирался в квартире. Когда болезнь лишила его способности петь, он хотел покончить с собой, но друзья не дали ему пасть духом. Кто-то посоветовал заняться рисованием. Почему он рисует ад? Просто это ему доставляет удовольствие. Те, кто видел его рисунки, говорили, что лучше было бы избрать тему повеселее, но от другого он впадает в тоску.

Солнечный луч коснулся щеки старика. На его шапке Уихара заметил какую-то эмблему, похожую на изображение тюльпана. На старике была надета серая ветровка, голубой свитер с высоким воротом и брюки светло-коричневого цвета. Шнурок на одном кроссовке развязался. Старик сидел на легком походном стуле о трех ногах, между которыми был натянут кусок материи. На коленях кроме блокнота он держал металлическую коробку из-под конфет или шоколада, где хранил пастельные карандаши. Уихара заглянул внутрь — все карандаши были распечатаны. Художник пользовался всеми цветами. Между большим и указательным пальцами старик держал маленький обломок карандаша и дорисовывал лань, не переставая разглагольствовать.

— Вообще мужчины должны гордиться собой. Им недостаточно только еды и питья. Гордость — необходимая вещь, но это не значит, что ее нужно выставлять перед другими. Это очень личное чувство, и выносить его на люди не стоит. Гордость нужно развернуть внутрь себя. Наше поколение много работало, и мы можем оставить в наследство нашим потомкам огромное количество вещей, которыми можно гордиться. Нет, конечно, много приходится оставлять всякой дряни, но все же, все же...

Старик не был похож на полицейского. Уихара немного успокоился. Старик стал собираться и, уходя, предупредил Уихара, чтобы тот соблюдал осторожность в лесу. Мол, в бомбоубежищах после войны осталось много емкостей с отравляющими веществами.

Уихара тепло с ним попрощался, и через минуту фигура старика исчезла за поворотом. Впечатление было такое, будто дед растаял в воздухе. Уихара было подумал, что старик ему просто-напросто привиделся.

Лес звенел от птичьего пения. Птицы всех видов и расцветок перепархивали с ветки на ветку, шуршали в сухих листьях, вылетали прямо из-под ног Уихара, испуская тревожные крики. Какое-то время Уихара стоял неподвижно, а потом вдруг бросился через подлесок наперерез старику. Несмотря на то что старик не мог уйти далеко, на тропинке никого не было. Уихара до боли захотелось найти чудного деда, даже если бы для этого потребовалось прочесать весь лес. В душу его закралась печаль: жизнь проходит, а он только теряет дорогих ему людей. Уихара с удивлением понял, что плачет. В то же самое мгновение его поразила мысль о том, что этот старик, по всей вероятности, должен жить где-то неподалеку... может, даже в каком-нибудь из бомбоубежищ. Образы старика и той женщины, что показывала ему фильм о войне, смешались в его голове. Точно! Это же тот самый человек, с которым разговаривала старуха!

Уихара направился в сторону здания деревообрабатывающей мастерской, размышляя по дороге, можно ли поселиться у старика в бомбоубежище. «Эх, надо было попросить его! Может, он еще придет

сюда рисовать?.. А в каком из бомбоубежищ он мог бы жить? Как он познакомился с той старухой? Участвовал ли он в той войне? Я должен был спросить его об этом! Он мог бы оказаться мне полезным... И почему это не дошло до меня, пока мы разговаривали? Дурак! Ну почему я крепок только задним умом?»

Разыскивать старика уже не было времени. Да, такое с ним часто случалось: говоришь-говоришь с человеком, а потом понимаешь, что самого важного так и не спросил. А человека уже нет. Уихара сел на скамейку перед входом в здание деревообрабатывающей мастерской и горько зарыдал. Утирая слезы, он проглотил несколько бисквитов, мандарин и плитку «Калори Мэйт».

Задняя часть здания вплотную примыкала к лесу. От дома тянулась узенькая тропка к соседнему холму. Стволы спиленных деревьев были аккуратно сложены в штабеля. Поскольку место было влажное и тенистое, все было покрыто плесенью и грибами самых разнообразных форм и размеров. В воздухе пахло гнилью. Вокруг печи для сжигания мусора были разбросаны кипы старых газет и мешки с отходами. Печь сверкала от росы, и когда Уихара дотронулся до нее, то его пальцы сразу покрылись ржавым налетом. Неподалеку оказался еще один дом, поменьше, который использовался под склад. Дверь была раскрыта, замок сорван. Уихара заглянул внутрь — пусто. На земле у входа валялась какая-то железка. Он поднял ее — это оказался заостренный штырь длиной в пять-шесть сантиметров. Уихара кинул его в свой рюкзак.

В лесу тропинка неожиданно обрывалась. Растительность здесь была еще гуще, на земле толстым слоем лежали гниющие листья. Идти было трудно. Уихара взглянул на часы — еще не было семи. Он решил подняться на самую вершину холма, но едва сделал несколько шагов, как почувствовал, что ему не хватает воздуха. Это, впрочем, его не остановило, но, пройдя еще с десятков метров, он ощутил сильную боль в руках и икроножных мышцах. Кроме того, его беспокоило то, что обе штанины были забрызганы грязью. В таком виде в магазин не пойдешь, а Уихара нужно было пополнить запасы продовольствия.

Склон стал круче, и теперь, чтобы не упасть, ему приходилось хвататься за ветви и стволы деревьев. Ковер из гнилой листвы кишел насекомыми. Они разбегались прямо из-под ног Уихара, оставляя свои гнезда. Подошвы кроссовок были покрыты липкой слизью от раздавленных личинок. Он с любопытством приглядывался к древесным стволам, по которым сновали десятки и сотни доселе невиданных тварей. Какое-то время Уихара развлекался, давя их пальцами, пока те не покрылись какой-то зеленоватой мерзостью.

Он решил сделать привал и вытянулся на земле. Ветви сплетались над его головой так, что неба не было видно. Дорога оказалась куда более тяжелой, чем он предполагал вначале, и на подъем пришлось затратить немало сил. От усталости Уихара перестал чувствовать свое тело, словно в него влили небольшой тазик новокаина. Но все же он стал сильнее — он был счастлив. Отказавшись ходить в школу, он временами не мог заставить себя подняться с постели. Тогда всерьез считал, что ослаб из-за того, что родители и брат по ночам высасывали из его тела всю кровь. А вчера вечером так увлекся, что даже не осознал, что тело обрело способность подчиняться его воле. Он упал и ободрал о камни кожу на коленях, его ладони были исцарапаны о колючки, в волосах было полно паутины, ветки хлестали его по лицу, но все же он смог добраться до самого верха. Да, Уихара был счастлив по-настоящему. На преодоление каких-то десяти метров он потратил не меньше часа, но ни разу не присел отдохнуть.

Вдруг он вспомнил о Сугуру Итагаки. Кажется, этот Сугуру хотел встретиться с ним... «Но как он нашел бы меня? Здесь же нет ни улиц, ни номеров домов!» — подумал Уихара и неожиданно расхохотался. От смеха потерял равновесие и упал. Падая, схватился за какую-то ветку и до крови расцарапал себе руку. Он и понятия не имел, что смех действительно расслабляет и рассеивает внимание. Его родители сами смеялись очень редко и не давали повода посмеяться детям. Но стоило всем отправиться пообедать в китайский ресторан, как вокруг старшего брата тотчас же собиралась веселая компания. Брат умел рассказывать забавные истории, которые с ним приключались в школе. Не то чтобы

они были так уж забавны, но многие смеялись — это он помнил точно. Сам же Уихара никогда не понимал юмора и смеяться не умел. Но, как бы то ни было, сейчас он решил воздержаться от смеха, пока не достигнет вершины холма.

Дорога становилась все более и более тернистой. Как только Уихара преодолевал одно препятствие, перед ним сразу же возникало новое. Больше всего ему досаждали огромные валуны, которые приходилось огибать, чтобы продолжить путь. Наконец он уткнулся в почти отвесную плиту. Неподалеку в ложбинке журчал ручеек. Уихара пошел вдоль обрыва.

Он дышал часто-часто, как собака в жаркую погоду. Его рубашка прилипла к телу, пот стекал даже в кроссовки. Уихара посмотрел на ноги — они были покрыты толстым слоем грязи. Но все это теперь не имело значения. На каждом шагу он открывал и жадно впитывал новое. Его душа ликовала. Он чувствовал себя одним целым с лесом. Ступив под его своды, Уихара подумал, что в такой же ситуации оказывается и червь хослока-терия, когда попадает в человеческий организм. Сердце его бешено колотилось, в горле пересохло, и при каждом выдохе оттуда вырывался свист, похожий на тот, который издает воздушный шарик, когда из него выходит воздух. При всем при том он не ощущал ни малейшего дискомфорта...

В ручейке можно было выстирать одежду и вымыться самому. В таком виде, как сейчас, он не мог показаться на людях. Нет, Уихара вовсе не стеснялся. Просто ему не хотелось привлекать к своей персоне пристальное внимание окружающих.

В ложбинке царил полумрак. Самого ручья не было видно, но по шуму воды Уихара определил, что ее с избытком должно хватить на стирку и туалет. Правда, пока одежда не просохнет, придется посидеть в спальном мешке... Кроссовки же высохнут быстрее, если их сразу надеть на ноги, — это Уихара вычитал в каком-то журнале.

Поднимаясь сюда, он все время оглядывался в надежде увидеть среди зарослей фигуру старика с блокнотом. Все это время он

размышлял над его словами: почему старик советовал не соваться в лес? Может, старик ему не доверял? Или просто не ожидал, что они встретятся? «Ведь дед же не знал, что я знаком с той женщиной... Так откуда же ему знать, что мне нужно как раз то самое бомбоубежище? Может, надо было прямо сказать ему об этом? Наверное, мне следовало дать ему понять, что я тоже хочу поселиться в убежище...»

Уихара понял, что у него опять поднялась температура. В висках застучала кровь, и в такт ее биению перед внутренним взором Уихара стали возникать чудные картины. Он почти бредил. Мысли его смешались. Автор «Дыры» превратился в старичка художника, а Сугуру Итагаки оказался не кем иным, как Ватанаби из «Интер-Био». Различия между людьми и вещами исчезли, все двигалось в одну сторону, параллельными путями. Йосико Сакагами стала древней индейской жрицей (правда, оставшись красавицей). «Интер-Био» было всего лишь набором букв, последовательностью электрических импульсов. Все остальное не имело никакого значения. Уихара думал, что, как только он достигнет бомбоубежища, все станет на свои места, все станет возможным для него. Войти в бомбоубежище — значит окончательно слиться с червем хослокатерией, превратиться в него и проникать в тела обреченных на смерть. С тех пор как Уихара стал входить в Интернет и познакомился с Йосико Сакагами, для него весь мир окрасился в цвета смерти и разложения. «Убежище будет моим дворцом, — мечтал он. — Там, во тьме, среди баллонов с отравляющим газом, я стану единственным владыкой... Я буду принимать всех, кроме полицейских и членов моей семейки. Там я буду долго разговаривать с самой Йосико Сакагами... она обязательно приедет ко мне. Сначала я расскажу ей о том, как разбил бейсбольной битой голову своему папаше. Я знаю, ей это понравится. Она явно без ума от всяких жестоких историй. Я расскажу ей, какой получается звук, когда раскалывается череп, как разлетается в стороны мозг и чем все это пахнет. А она будет внимательно слушать, сидя напротив меня и слегка раздвинув ноги. Я ей много чего расскажу. Обязательно расскажу ей про ту женщину, что приготовила для меня горячий шоколад, а потом показала фильм...

Интересно, а видела ли Йосико Сакагами, как заживо сжигают солдат на южных островах? Конечно, ей это должно быть знакомо: полузасыпанные песком тела на пляже среди пальм; женщины, бросающиеся с утеса; моряк в белом кителе, медсестра на палубе корабля... Я хочу порасспросить ее кое о чем. Непременно надо будет спросить про старика, который рисует ад. Она, наверное, знает, что любые другие рисунки только нагоняют тоску и вызывают чувство тревоги. А гордость — самая важная вещь на свете, только ее нельзя проявлять перед другими. Йосико Сакагами все это знает», — мечтал Уихара, карабкаясь по склону холма. В его воображении то и дело возникали разнообразные сцены разговора с Йосико Сакагами в бомбоубежище.

До вершины оставалось метров двадцать. Кое-где приходилось пробираться буквально ползком. Мало того, путь преграждал ствол упавшего дерева. Уихара еще никогда не видел такую громадину: в окружности этот ствол не уступал хорошей бочке. Больше всего его поразили корни великана — их форма показалась Уихара странной, хотя он сам не смог бы сказать почему. Чтобы не терять времени, он перелез через дерево, цепляясь за торчавшие корни, и только тогда догадался, в чем дело, — корни были очень короткие и чем-то напоминали растения бонсай. Такой тип корневой системы присущ деревьям тропической зоны. Уихара взгромоздился на ствол и оглядел себя — он весь был щедро посыпан землей и вымазан грязью. Стараясь не поскользнуться, выпрямился и ухватился за один из корешков. Судя по всему, дерево упало не так давно. Когда он был маленьким, в сосну, что росла во дворе их дома, попала молния, отчего ствол дерева раскололся пополам. Правда, этот был целехонек. В школе учитель рассказывал, что общий вес лиственной массы дерева должен соответствовать общему весу корневой системы. А у этого корни были совсем карликовые...

Уихара пошел дальше и вдруг радостно вскрикнул: он находился почти на самой вершине этой небольшой цепочки холмов. Он стоял на каменной плите. Дерево, должно быть, упало именно отсюда — этим и объяснялась странная форма его корней. Плита была расколота во

многих местах, словно плитка шоколада, и деревья попросту вываливались из нее.

Уихара снял рюкзак и присел на камень. Ему хотелось пить. Мелкой дрожью тряслись руки, ходили ходуном колени, перед глазами плыл туман. Он попытался достать из рюкзака бутылку воды, но не смог. Ощущение было такое, будто камень высасывает из него последние силы. Сердце билось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Кончики пальцев онемели, мышцы свела судорога. Уихара не на шутку перепугался: он вспомнил, как его психиатр рассказывал о кароси. От чрезмерного переутомления, объяснял доктор, у человека может случиться внезапная остановка сердца. В ту же секунду Уихара почувствовал спазмы в груди. Он сбил себе дыхание, когда лез в гору, но в спешке не заметил этого. Попытался глубоко вдохнуть, но тело отказывалось повиноваться ему — он даже не смог открыть рот. Прежде всего нужно было успокоить нервы, вдохнуть немного воздуха и выпить воды, чтобы унять дрожь в руках. Но стоило ему прикрыть глаза, как сразу же начинались конвульсии. Уихара показалось, что земля под ним тоже начала дрожать. Он не знал, нужно ли ему закрыть глаза или же лучше будет, если распахнуть их пошире. Он попытался вспомнить, что еще слышал о кароси. Кажется, врач говорил, что нужно выпить воды и крикнуть... Хорошо сказать, а если даже до сумки не дотянуться? Руки отчаянно тряслись. Уихара чувствовал, что его грудь приклеилась к спине и все тело сделалось не толще листа бумаги. Он еще раз попробовал вдохнуть, но губы слиплись так, словно их намазали клеем. Тогда попытался сделать вдох через нос, но его тут же пронзила страшная боль в висках. Он начал дышать очень аккуратно, осторожно, словно втягивал в себя жидкость. Воздух медленно потек в носоглотку. В этот момент Уихара действительно воспринимал его как жидкость. Наконец ритм сердца стал успокаиваться. Теперь следовало выдохнуть как можно сильнее. Уихара стал потихоньку раскрывать пересохший рот. Языка он не ощущал совсем, будто его не было. Потом боль... сильнейшая боль — нет, язык все же был. Уихара разинул рот и выдохнул что было мочи. В тот же момент черная пелена спала с его

глаз, и он увидел свои трясущиеся руки. В мгновение ока Уихара выхватил из рюкзака бутылку с водой, отвинтил пробку и поднес горлышко к губам. Вода текла по подбородку, по шее. У него не было сил глотать...

Немного воды попало на камень, на котором сидел Уихара. Она смыла грязь и листья, и он понял, что сидит не на камне, а на бетонной плите. Это был самый настоящий бетон. Где-то рядом должен был находиться вход. Быстро очистив плиту, Уихара вооружился штырем, который прихватил на складе, и стал ковырять им то тут, то там. Вход оказался прямо под его ногами. Внутри было темно, как в пещере, и все было перегорожено стальными прутьями. Чтобы освободить проход, нужны были инструменты посерьезнее штыря.

Uehara wrote:

- Наверное, я убил их обоих.
- Не знаю, повлиял ли на то, что
- произошло, червь хослокатерия,
- но полагаю, что какая-то связь тут есть.
- Это еще одна причина, по которой я обязательно
- должен найти то место, о котором уже говорил.
- Итак, я почти закончил... Я был бы
- очень рад получить письмо от Йосико Сакагами,
- хотя и понимаю, насколько это трудно. Передайте от
- меня привет всем членам «Интер-Био».
- Я действительно прочитал все, что вы рекомендовали,
- но это оказалось непростой задачей. Я чуть мозги себе
- не свихнул... хотя все было очень интересно.

Уихара, твою мать, можешь ты, наконец, ответить на письмо? Мы прекрасно знаем, где ты сейчас находишься. Ты выходил в Интернет через мобильник, а его легко вычислить. Или ты этого не знаешь? Хотя мало ли чего ты не знаешь... (Ха-ха.) Ты получил сообщение от этого мудака Итагаки (ха-ха-ха). Но ты же знаешь, что от «Интер-Био» ничего скрыть нельзя! Мы знаем все, даже то, что тебя зовут вовсе не Уихара! Улавливаешь? Ты сдохнешь, Уихара... Впрочем, тебе ничего другого и не

остается. Или ты поверил, что Итагаки собирается тебе помочь? А? Этот козел действительно решил, что он умнее всех в нашей конторе! Ну чем не прикол? «Я могу вам помочь» — так, кажется, выразился этот кретин? Клевая шуточка! Но все это ерунда. Знаешь, кто он такой? Мы по сравнению с ним просто щенки. Он может связать голую девицу, посадить ее в свой «порше» и не уймется до тех пор, пока ее не увидят все сборщики дорожной пошлины на трассе! А знаешь, чем он еще занимается? Он надевает на девушек ошейники и держит их в клетках. И представляешь, им это нравится! Но конечно, обо всем этом такой специалист-онанист, как ты, догадаться не может! Что скажешь? Двадцать третьего числа ты ведь дрочил... И у нас, представляешь, есть твои фотографии! У нас есть люди, которые могут и не такое провернуть. Тебя прекрасно видно, и даже твой член видать! Так что мы развесим эту прелесть по всей Сети... ты не против? Собственно говоря, мы уже готовы это сделать. Короче, ты должен как можно быстрее выйти с нами на связь! Ты расскажешь, где ты находишься, — поверь, это в твоих интересах, если хочешь, чтобы мы удалили твои фотки. Догоняешь? Мы все тебя любим, Уихара! (Ха-ха.) Ты наш общий любимец, с тобой не соскучишься. Все хотят подружиться с тобой. Кстати, ведь именно мы указали тебе адреса, по которым ты нашел информацию о черве. Так где ты находишься? Давай скажи нам, и без фокусов! Тебя по-человечески просят. Ты же в горах, так? У нас везде есть свои люди, и тебе не ускользнуть, ни-ни, даже не думай! Ты уже грохнул кого-нибудь в этих горах? Убивать — это теперь твой удел. Эдакая машина для убийства... Мы тебя немного задолбали, но ведь это только из уважения к твоим способностям. Честное слово! Так что покажи нам, как у тебя это получается. Ты убьешь каждого, кого только встретишь там, в горах. Не важно кого. Даже старичков и старушек, понял? А, ну ты же, верно, не в курсе, что лет через десять-двадцать вся поверхность нашей планеты будет переполнена старыми пердунами и пердуньями. Ты представляешь, какой тогда настанет пиздец? Так что убивай или сдохни сам! Такая полуобезьяна, как ты, Уихара, не может знать о существовании избранных. Они убивают смеясь. Это парни что надо,

настоящие ребята! А ты знаешь, что есть такие компании, которые для желающих устраивают охоту на человека? Можно в Албании, в Анголе или в Литве. Миллион иен за душу! Нет, это не кино, мой милый Уихара. Ты — один из избранных. Ты станешь легендой, так что, будь добр, расчлени свою первую жертву. А мы это снимем на камеру. Тебе осталось сорок восемь часов. Свяжись с нами, не будь дураком! И следи за временем. Хотя о чем разговор, ты же у нас пунктуальный мальчик! Но если ты не сдержишь слова, мы вычислим тебя (это легко сделать, ведь ты же пользуешься мобильником). А потом мы пригласим Йосико Сакагами и вместе навестим тебя. А потом к твоему члену присоединят пару электродов, и ты станцуешь нам что-нибудь веселенькое, а? Так делали французские десантники во время войны в Алжире. Надо было послать тебе пару фотографий того времени для наглядности... Короче, в течение двух суток ты должен найти свою первую жертву. Иначе подохнешь ты сам. И свяжись с нами, последний раз говорю! Немедленно! Все.

Уихара отметил вход в убежище веточками и спустился к ручью. Он вымылся и выстирал свою одежду, а после отправился напрямик на станцию «Мицукубо». Первым делом он купил вечернюю газету и просмотрел ее всю. Ничего. Потом в магазине «Домашний умелец» он приобрел ножовку по металлу и несколько запасных лезвий к ней. Кроме того, в его рюкзаке лежали новенькая зажигалка, штаны и рубашка, бутылки с водой, американская малая саперная лопатка, альпинистская веревка и запас еды на несколько дней.

В кафе он выбрал самое людное место и там прочитал сообщение от «Интер-Био».

IX

В заголовке стояло имя отправителя: kkk. «Есть же люди, которые меня так ненавидят», — вздохнул Уихара. Первое письмо написал ему RNA, потом был некий Ватанаби, который объяснил ему, как попасть на закрытые сайты «Интер-Био». Статьи, посвященные хослокатерии, были подписаны Лангельхаансом, VX-gaz'oM и Сальваторе Атама. А вчера

вечером Уихара пришло сообщение, где говорилось, что «Интер-Био» — опасная организация, от которой лучше держаться подальше. Это было письмо Сугуру Итагаки. Притом все полученные письма приходили с одного и того же сервера. Различались только имена: rna, t-nabe, I-suguru, kkk-love, а далее следовало название сервера: interbio.ne.jp. На сообщение, что Уихара отправил RNA, ответ пришел от Ватанаби. Потом, кроме Сугуру Итагаки, ему никто не писал. А объявился он после того, как Уихара бейсбольной битой проломил голову отцу и скрылся в лесу Южного Нояма. Уихара не стал отвечать, и вот — сообщение от kkk.

Несмотря на позднюю осень, солнце еще пригревало. Все столики на террасе были заняты. Кафе носило имя «Мадемуазель» — название было выведено аршинными розовыми буквами по всей ширине козырька, нависавшего над террасой. Повсюду виднелись растения в терракотовых горшках. Официантка щеголяла в белой униформе с красным шарфом на шее. Уихара заказал чашку кофе с молоком и сэндвич с яйцом вкрутую. Меню было составлено на японском и французском, с иллюстрациями, изображавшими Эйфелеву башню и Триумфальную арку. Внешний край террасы был уставлен ящичками с хризантемами. Глядя вверх цветов, Уихара наблюдал, как из здания вокзала вывалилась толпа туристов.

Овальная площадка перед южным выходом из вокзала занимала как раз самый центр пространства в форме веера, на краю которого и находилось кафе «Мадемуазель». Неподалеку располагались торговые ряды, а ближе к вокзалу высилось недавно возведенное здание. Напротив гремела электронная музыка, доносившаяся из заведения пачинко. Персонал соседней забегаловки выстроился у входа и, зазывая клиентов, хором скандировал названия новых блюд: «Пиро-о-оги с земляни-и-и-икой! С черни-и-и-икой! И с ки-и-и-и-иви-и-и-и!!!» Тут же, устроившись на дорожном ограждении, отдыхала компания школьников. Школьники пили кофе из банок и покуривали. Какая-то девица без умолку трещала по телефону.

Уихара сидел за последним столиком на краю террасы и читал сообщение от kkk. Временами ему начинало казаться, будто он растворяется в окружающем пейзаже. Он сравнивал свое теперешнее

состояние с тем, когда жил в одиночестве, оторванный от всего остального мира. Но, только будучи на свободе, он мог грезить наяву. На столе дымилась чашка с кофе, на тарелке лежал распотрошенный сэндвич. На чашке тоже значилось название этого кафе, только иероглифы были уже красные. Издали они походили на нарисованный миниатюрный лес. За соседним столиком супружеская чета поглощала спагетти. Расплавленный сыр напоминал лишайники, которые Уихара видел на стволах деревьев. Женщина заглянула через плечо Уихара в его ноутбук и шепнула мужу:

— У молодежи сейчас самая современная техника!

Тот ничего не ответил и продолжал жевать.

Вся терраса была пронизана светом, отражавшимся от полированной поверхности столиков и от посуды. На лицах посетителей играли причудливые тени. От цветочных горшков исходил запах влажной земли и листьев. «Прямо как в лесу», — подумал Уихара. Он был очень доволен, что выстирал свою одежду в ручье: высохнув, она вся пропиталась лесными ароматами. Там, у ручья, он сидел, завернувшись в спальный мешок, смотрел на птичек, что прилетели напиться воды, и чувствовал, как по его телу медленно разливается тепло...

Здание вокзала было выкрашено в кремовый цвет. Расположенное рядом здание банка — в серый. Издали оба строения чем-то напоминали храм Тодайдзи. По улице сновали туда-сюда желтые и оранжевые автобусы, то тут, то там можно было заметить серебристый кузов такси. Огоньки пачинко мерцали синим и зеленым. Вход в бистро был выполнен в форме арки, автобусы походили на движущиеся параллелепипеды. На борту каждого такси был нарисован большой круг.

На овальной площадке перед вокзалом девушка раздавала прохожим упаковки бумажных платочков. Она балансировала на высоченных каблуках и жестикулировала так, будто приглашала славно повеселиться.

«А чего я, собственно, так испугался? — вдруг подумал Уихара. — Ради чего столько времени просидел взаперти?» Когда мать выводила

его на улицу, он сразу же начинал испытывать ощущение сжатия грудной клетки с каждым ударом сердца. И с каждой секундой ему становилось все труднее дышать. Стоило им зайти в закрытое помещение — кафе или магазин, — ему делалось невыносимо душно, словно на него накидывали плотное покрывало, и хотелось бежать без оглядки. То же самое он испытал, когда первый раз получил сообщение от «Интер-Био». Уихара охватило неприятное чувство, будто за ним следят, и несколько дней он не выходил в Сеть. Каждый раз, когда он нажимал на клавишу «зарегистрироваться» или «отправить письмо», у него начиналось жуткое сердцебиение и нервы натягивались словно струны.

Потом его мысли вновь обратились к последнему письму. Отчего этот kkk так его ненавидит? И все же не стоит верить всему, что нарасказывал ему этот Итагаки. В одном они были единодушны — обоим зачем-то обязательно нужно было знать, где сейчас он находится. Еще раньше Уихара написал Ватанаби, что разбил бейсбольной битой голову отцу. «И ведь все мои письма внимательно прочитываются... Может быть, эти четверо на самом деле одно лицо? Потом, kkk считает, что я нахожусь в горах. Неужели он действительно смог вычислить его по мобильнику? Но откуда же ему известен мой номер? Ладно, допустим, что вычислить местонахождение человека по его мобильному телефону и впрямь нетрудно, но ведь для этого все равно надо знать номер! Н-да, похоже, эти парни действительно знают все...»

kkk писал, что у него есть фотографии Уихара, мастурбирующего перед экраном компьютера. Квартира его была на первом этаже, но шторы на окнах всегда плотно задернуты. А на кухне вообще матовое стекло. Его невозможно сфотографировать с улицы. Если только никто не прятался у него дома... А скрытая камера? Ее-то установить проще простого! Мать... Мать вполне могла поставить камеру... но тогда она должна быть каким-то образом связана с «Интер-Био». Но как? Она и компьютером-то пользоваться не умеет. Хотя... «Она следила за мной с самого моего рождения! Кроме того, она сразу купила этот компьютер, стоило мне заикнуться, что хочу зайти на сайт Йосико Сакагами. Она

еще сказала, что, мол, как это замечательно, что я стал хоть чем-то интересоваться. Она уже тогда была их сообщницей!»

— Не хотите ли заказать что-нибудь еще?

Уихара очнулся от дум и увидел перед собой красный шарф официантки. Девушка тонкими, почти прозрачными пальцами взялась за чашку и вопросительно посмотрела на Уихара. Он успел разглядеть на ее руках золотистый детский пушок.

— Может, хотите что-нибудь выпить?

— Еще кофе, пожалуйста.

— Сию секунду.

Девушка обворожительно улыбнулась и убежала. «Какой нежный голос! Прямо как ручеек в лесу», — восхитился Уихара. Действительно, даже тон их разговора чем-то напоминал негромкое и мелодичное журчание лесного ручейка, змеящегося меж камней и играющего бликами солнечного света.

Незадолго до этого он уже имел приятную беседу в магазине. На этот раз у парня, что продал ему инфракрасные очки и треножник, был выходной, и Уихара обслуживала чрезвычайно обходительная барышня. Она была невысокого роста и круглолица. Волосы она зачесала назад и собрала на затылке в хвост. Барышня держалась с ним совершенно свободно, как будто перед нею стоял ее приятель. Хотя на одежде Уихара кое-где и были заметны следы грязи, но теперь от него хорошо пахло. Судя по жестам и мимике, девушка не испытывала к нему никакой неприязни.

— Ваш кофе, господин...

Перед Уихара появилась дымящаяся чашка. Пар поднимался колечками и сразу становился невидимым на свету. «Вот так же и этот мир опутан невидимыми глазу связями и путями, — размышлял Уихара. — Даже лесной ручей течет не просто так. Почва, фунты, рельеф местности, деревья — ручей течет в строго определенном месте и в другом течь никак не может. Он должен был течь именно там, где я его и нашел... То же самое и с людьми. Между человеком и человеком, между человеком и домом, между всеми объектами в этом мире есть связь...

или, лучше, Поток, который выходит на поверхность в определенном месте. А те, кто не в состоянии найти это место, или те, кто просто не знает об этом ничего, — разве все они не больны?» Только теперь Уихара понял, что все его проблемы проистекали из-за неспособности уловить течение этого Потока.

Справа от кассы на стене висели объявления о розыске преступников. Фотографии уже пойманных пересекала наискось полоска с надписью: «Спасибо за вашу помощь». Те же, кто пока находился на свободе, своим видом напоминали чертей из мультфильмов или персонажей рекламного ролика о средстве против кариеса. Рядом с фото перечислялись особые приметы злодеев. Шрам длиной в два-три сантиметра на подбородке... Родинка размером с горошину у основания носа... Правое ухо деформировано... Лицо покрыто оспинами... Волосистой покров густой, ноги кривые, рост выше среднего... Фигура дородная, нижняя челюсть чуть выдается вперед... Волосы вьющиеся... Хромой... Шрам, пересекающий правую бровь... Косоглазие... Использует вокодер... «Это они пустили газ на станции метро!» — ахнул про себя Уихара. Эти ребята смогли узреть лишь малую толику могучего Вселенского Потока.

Выйдя из кафе, Уихара некоторое время любовался фасадами зданий напротив вокзала. В его воображении это были не просто здания, а портал Великого Храма. Поток охватывал всех живых существ Вселенной. От человека к человеку тянулись недоступные глазу нити... Поток проник и в него, и Уихара чувствовал это всем сердцем. Нужно было лишь плыть по течению, и связующие нити становились видимыми. Но это удавалось немногим. «Та старуха из хижины, которая рассказала мне о человеке, прячущемся в бомбоубежище, была в самой середине Потока и, наверное, этим и привлекла меня. А сколько людей несчастны только потому, что ничего не знают ни о Потоке, ни о пронизывающей весь мир энергии? Если бы я случайно не набрел на тот ручей, то ничего бы и не понял... И по этому пути меня ведет червь хослокатерия».

Из автобуса вывалилась шумная толпа. «Это же пилигримы! Странники!» — догадался Уихара. Какой-то мужчина бросил свернутую трубочкой газету в урну, но та оказалась переполненной, и газета

выпала на тротуар. Шедшая следом старуха подобрала газету и попыталась все же затолкать ее в урну. Над толпой плыли облачка сигаретного дыма. Уихара они казались серыми голубями, летающими над площадью перед Великим Храмом. Странников было бесчисленное множество, они спешили, толкались, наступали друг другу на пятки, торопясь попасть в Гробницу. И никто, никто из них ничего не знал о Потоке. Никто и не пытался уловить Вселенское Течение.

— И эти деятели из «Интер-Био» тоже ничего не знают... И та женщина... то есть мать, когда устанавливала камеру в моей комнате, и она тоже не имеет ни малейшего представления о Потоке, — шептал Уихара.

Облака табачного дыма, поднимаясь вверх, светлели. «Голуби улетают к небесам», — думал Уихара. И в этом сером дыму Храм, возвышаясь над городскими зданиями, выглядел еще реальнее. Пилигримы толкались у храмовых врат, чтобы принести свое сердце в жертву богу. А внутри Храма жрицы уже точили ритуальные ножи... Они ни в чем не сомневались. «Парни из „Интер-Био“ хотят запугать меня. Но скоро они пожалеют, что дали мне возможность узнать про червя. RNA, Ватанаби, Сугуру Итагаки, kkk — возможно, это один и тот же человек, kkk считает, что я скрываюсь в горах. Но там нет никаких гор, только холмы. Значит, он блефует. А бомбоубежище вообще находится в лесу. Если бы ему это было известно, незачем было бы допытываться, где я нахожусь. Потом, он говорит, что разместит в Сети фотографии, на которых я занимаюсь онанизмом. Лжет! Что им всем надо от меня? Они еще не знают, что я уловил течение Потока... Возможно, они попытаются меня убить — я им чем-то мешаю», — напряженно размышлял Уихара.

Перед ним рядами проходили пилигримы. Некоторые из них в ожидании автобуса выстроились на остановке в очередь. И каждый терпеливо ждал.

— Не думайте, что возьмете меня голыми руками! — произнес Уихара вслух. — Я буду ждать.

Уихара решил написать ответ на письмо kkk.

Господа из «Интер-Био», это снова Уихара. Думаю, что скоро я смогу сообщить вам о своем местонахождении. Приходите все. Если возможно, пригласите с собой Йосико Сакагами. Уважаемый kkk, вы полагаете, что я прячусь в горах. Это заблуждение. Я вовсе не в горах. В настоящий момент я сижу во французском кафе. Только что я съел сэндвич с яйцом вкрутую и выпил чашку неплохого кофе. Буду рад видеть всех вас!

Но, закончив писать, Уихара подумал, что с его стороны не стоило бы сваливать всех членов «Интер-Био» в одну кучу. Чего доброго, еще напугаются. Поэтому он стер набранный текст и стал писать Ватанаби.

Здравствуйтесь, господин Ватанаби. Это Уихара. Недавно я получил два письма — от Сугуру Итагаки и от kkk. Вот они:

- Приветствую вас, господин Уихара!
 - Меня зовут Итагаки. Сугуру Итагаки. Работаю зубным врачом
 - в Маэбаси. Надеюсь, что вы прочитаете
 - мое сообщение. Йосико Сакагами никогда вам не напишет.
 - Все эти идиотские сообщения, письма, рассказы
 - про какого-то червя хослокатерию суть вздор.
 - Это неудобоваримое месиво наглядно показывает,
 - как много в Сети скопилось всякого дерьма.
 - Ребята из «Интер-Био» сливали вам эти выдумки
 - лишь для того, чтобы напакостить.
 - Уихара, твою мать, можешь ты, наконец, ответить на письмо?
 - Мы прекрасно знаем, где ты сейчас находишься. Ты выходил
 - в Интернет через мобильник, а его легко вычислить.
 - Или ты этого не знаешь? Хотя
 - мало ли чего ты не знаешь... Ты получил сообщение
 - от этого мудака Итагаки. Но ты же знаешь, что от «Интер-Био»
 - ничего скрыть нельзя! Мы знаем все, даже то, что тебя зовут
- вовсе не Уихара!
- Улавливаешь? Ты сдохнешь, Уихара... Впрочем,

- тебе ничего другого и не остается. Или ты поверил, что Итагаки
- собирается тебе помочь? А? Этот козел действительно
- решил, что он умнее всех в нашей конторе! (...)
- Но если ты не сдержишь слова,
- мы вычислим тебя (это легко сделать, ведь ты
- же пользуешься мобильником). А потом мы пригласим
- Йосико Сакагами и вместе навестим тебя. А потом
- к твоему члену присоединят пару электродов, и ты станцуешь
- нам что-нибудь веселенькое, а? Так делали
- французские десантники во время войны в Алжире.
- Надо было послать тебе пару фотографий
- того времени для наглядности... Короче, в течение двух
- суток ты должен найти свою первую жертву.
- Иначе подохнешь ты сам. И свяжись с нами,
- последний раз говорю! Немедленно! Все.

Честно говоря, я не совсем понял, что все это должно означать. Я получил эти сообщения сразу после того, как написал вам, что убил бейсбольной битой своих близких. Ясно, что в штате «Интер-Био» состоят люди различных специальностей, и письма, стало быть, они будут писать разные... Впрочем, это не так уж важно. Главное заключается в том, что письма эти крайне противоречивы. Есть, правда, один общий момент — оба автора, на мой взгляд, относятся ко мне враждебно и ищут случая навредить. Это меня удивляет, ибо я не имел намерений ссориться с кем бы то ни было.

Сейчас я нахожусь в Токио. Я не раскаиваюсь в том, что сделал, — эти люди давно заслужили такой конец. Конечно, когда я увидел море крови и размозженный череп, немного испугался, но не более того. Скорее всего меня уже ищет полиция, поэтому я не могу вернуться к себе домой. В своем предыдущем письме я сообщил вам, что отправляюсь на поиски одного места... которое теперь может определить мою дальнейшую судьбу. И именно в этот момент мне приходят эти два и-мейла... Скажу вам откровенно: у меня сердце разрывается от мысли, что я мог кого-то обидеть. Это не дает мне покоя. Я не знаю, кому из них

верить. Полное доверие у меня вызываете только вы, господин Ватанаби. Вы всегда были так вежливы со мной. Сначала я сомневался, посылать или не посылать вам отрывки из этих писем, но в конце концов все же решил послать. Письмо от kkk просто ужасно... я до сих пор не могу в себя прийти. Неужели это все правда? Что я могу сделать, чтобы он простил меня? Это очень серьезно. Господин Ватанаби, может быть, вы находитесь с кем-нибудь из них, Итагаки или kkk, в дружеских отношениях? Я долго размышлял и полагаю, что допустил в своих сообщениях какой-то оскорбительный выпад или намек в отношении компании «Интер-Био». Иного объяснения быть не может. Самое страшное в том, что я совсем не знаю, в чем меня обвиняют. Может, я слишком много трепался о черве и это вызвало раздражение у тех господ? Надеюсь, что у меня появится в скором времени возможность испросить у них прощения. Я хотел бы сделать это лично... по электронной почте это будет недостаточно уважительно.

В данный момент я собираюсь в горы. Там надеюсь найти свою жертву и убить ее. Сегодня как раз видел идеального кандидата. Это старик, художник. Он потрясающе рисует. Главной темой его работ является ад. Я познакомился с ним в отеле, ну, знаете, где вместо номеров капсулы, в которых можно только лежать. Он сказал, что хочет прогуляться по горам. Правда, где именно, мне не удалось узнать. Впрочем, я ему не очень-то верю. Какой-то он не такой... у меня сложилось впечатление, будто он совершенно не слушает собеседника. Конечно, в гостинице встретишь и не таких типов, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь разговаривал сам с собой. Хотя видел там одну старушку, которая постоянно что-то бормотала себе под нос. Она задавала вопросы и сама же отвечала на них. Сумасшедшая, наверное. Как вы полагаете, можно ли беседовать с человеком, который только и знает, что задавать самому себе вопросы?

Старика я встретил в парке недалеко от отеля ранним утром. Мне не спалось, и я вышел пройтись. У меня сложилось впечатление, что я уже видел этого старика в холле гостиницы. Я хотел поздороваться с ним, но побоялся, как бы мое поведение не показалось ему навязчивым.

Так что он поприветствовал меня первым. Я ответил, и разговор завязался. На шляпе у старика я заметил значок, который напоминал по форме тюльпан или что-то в этом духе. Старичок выглядел затрапезно. Он объяснил, что раз в месяц уходит в горы и рисует там оленей и обезьян. Не знаю, чем я ему приглянулся, — дед большой мизантроп, судя по всему. Может быть, его позабавила моя неловкость. Я обязательно сообщу вам день, когда мы вместе отправимся в горы. Думаю, мне удастся с ним справиться. У меня то же предчувствие, что и тогда, когда я убил своих родственников. Простит ли меня kkk, если мне удастся уюкошить старичка? Я постоянно ощущаю присутствие червя... Он бродит по моим венам.

Да, я бы очень просил вас сообщить обо мне Йосико Сакагами. Пусть она тоже приезжает, хотя я понимаю, что она очень занятой человек. Место укажу дней через пять. Убедительно прошу вас дождаться моего сообщения.

Уихара удостоверился, что в тексте нет ошибок и нечаянной грубости, и только тогда нажал на клавишу «отправить».

На закате он тронулся в обратный путь. Поток виделся ему повсюду — в лабиринте улочек, что выходили к реке, у здания перед вокзалом, на автостоянке... Сгусток вселенской энергии колыбался и растягивался у него над головой. Это была огромная бледно-оранжевая масса, расплывавшаяся, тающая, словно мороженое на солнце. «Как тот мультяшный поезд», — подумал Уихара. Давным-давно, в детстве, он видел такой поезд в каком-то мультфильме. Это был бесконечный состав с растягивавшимися вагонами, занимавший все небо наподобие радуги. Поезд пересекал Млечный Путь. Маленькому Уихара вдруг захотелось сесть в один из вагонов, но ему объяснили, что это невозможно. Это был не настоящий поезд, а всего лишь лучи света, отражавшиеся на белом полотне экрана. Тогда Уихара попробовал схватить эти лучи, и его руки на мгновение стали радужными.

«Этот Поток тоже, наверное, сделан из света, как тот поезд», — думал Уихара. Местами он был не толще человеческого туловища, а кое-где поглощал целый дом. Это была жизнь, настоящая жизнь. И никто, кроме Уихара, не видел ее. Люди проходили сквозь Поток, не обращая на него никакого внимания. Ни один из них не пробовал попасть внутрь Потока. Скорее наоборот, прохожие, как показалось Уихара, делали все возможное, чтобы избежать этой встречи. И еще он обратил внимание, что все они — мужчины и женщины, старики и дети — двигались, словно неживые. Как будто их поставила на ноги неведомая сила и дала строгий приказ: «Идите!» Каждый из них что-то нес: рюкзак, полиэтиленовый пакет, барсетку... Как только люди оказывались в непосредственной близости от бледного свечения, они тотчас же изменяли направление своего движения. Уихара видел, как один школьник вдруг ни с того ни с сего развернулся и побежал обратно. Он едва не налетел на Уихара, но даже не взглянул на него. У школяра был красный ранец, желтая шапка, нахлобученная на лоб, и очки с толстенными линзами. Несмотря на наличие брюк и хулиганского выражения лица, Уихара поначалу принял его за девочку. Парнишка оглянулся, зачем-то обежал круг и понесся дальше.

Рядом с Уихара шла девочка с крашеными волосами. Она несла пакет, из которого высывался пучок шпината. Девочка двигалась зигзагами — от одного края тротуара к другому. Движения были неравномерными, как у испорченной секундной стрелки. Кроме того, она даже не пыталась уклоняться от встречных прохожих, которые могли ее толкнуть или сбить с ног. Ею тоже управляла чья-то чужая воля... Девочку обогнал мужчина средних лет в плаще. Одной рукой он к уху прижимал телефон, а в другой нес темно-коричневый портфель. Разговаривая, он склонил голову и повторял одно и то же: «Да. Да. Да. Точно. Точно. Именно это я и говорил!» Скоро его голос потонул в уличном шуме. Полы плаща металась вокруг ног. Мужчина резко остановился посередине дороги. Может, он просто старался понять, что говорил ему собеседник? Такие, как он, никогда не смогут попасть в Поток...

Уихара миновал стоянку и вошел в парк. Здесь, вдали от суеты, Поток стал ярче. Он находился в беспрестанном движении и тек, казалось, по всем направлениям разом. Поток огибал препятствия и змеился меж деревьев. Он то устремлялся вперед, потом возвращался, метался то вправо, то влево, скользил над травой... Он становился все шире и шире, как северное сияние. Уихара как-то вычитал, что на Севере есть люди, умеющие подзывать к себе сияния свистом. Как собак. Войдя в лес, Уихара тоже попробовал свистнуть. Поток заскользил к нему, стелясь над землей.

В лесу Уихара чувствовал себя как дома. Под подошвами глухо поскрипывал гравий. Он был счастлив. В кронах деревьев щебетали птицы. Утром, пока сушилась его одежда, Уихара видел, как к ручью подлетело несколько птах. Хотя в лесу их было великое множество, он разделил их условно на две части: на тех, что похожи на воробьев, и на тех, что напоминают голубей. У некоторых на голове был оранжевый хохолок, относительно короткая шея и кургузое тельце. Их Уихара и называл голубями. Другие имели изогнутый желтый клюв и красную подводку у глаз. Были еще какие-то с длинными хвостами и чудными перьями на шее, которые блестели в лучах заходящего солнца.

Лес казался совершенно пустым, но Уихара все же старался не терять бдительности. Он научился передвигаться без шума и, прежде чем сделать шаг, смотрел себе под ноги. Лишние свидетели были ему ни к чему.

Посетители парка в это время уже собирались домой. Достаточно было этому стаду тронуться с места, как оно вовсе переставало замечать что-либо, и можно было проскользнуть незамеченным. Уихара обратил на это внимание, созерцая с террасы кафе бесконечный поток туристов и вечно спешащих пассажиров с ближайшего поезда. Как эти биороботы могли сосуществовать с нормальными людьми? Это было всего лишь стадо, однообразная масса глупцов и трепачей... И ни одной по-настоящему живой души! Жизнь? Смерть? Эти вопросы не имели для них никакого значения. Шахматные фигуры... Никто из них не мог разглядеть

в Уихара носителя смертоносного червя, человека, получившего право убивать других.

В лесу медленно наступали сумерки. Уихара представлялось, что он пришел домой раньше всех и в окнах еще не горит свет. Но ему теперь не требовалось звонить у дверей, не нужно было лезть под кадку с цветами и вытаскивать из-под нее ключи. Когда-то он любил возвращаться домой первым. При виде темных окон родительской квартиры он испытывал ощущение безопасности. Каждый вечер идя из школы, он молился, чтобы успеть домой раньше всех. Отец обычно работал допоздна, зато мать редко отлучалась из квартиры, особенно по вечерам. Иногда молитвы не помогали, и первыми дома оказывались брат и сестрица. А в их компании сидеть дома вообще не имело смысла. Уихара ненавидел школу и ежедневно только и думал, как бы свалить с уроков. Звонок, означавший конец занятий, звучал для него поистине небесной музыкой, но вот тащиться домой... У него не было ни друзей, ни просто приятелей, с кем можно было бы провести время. Приближаясь к дому, Уихара не чувствовал ничего, кроме пустоты. Идти он старался как можно медленнее и даже теперь мог бы во всех подробностях описать свой маршрут. Сначала он шел вдоль железнодорожного полотна ветки Сей-бу-Синдзуку. Потом ограждающая пути сетка уходила в сторону, и Уихара оказывался перед трансформаторной подстанцией. Иногда он останавливался и подолгу смотрел, как раскачиваются под напорами ветра высоковольтные провода... На стене почтовой конторы был укреплен круглый ящик для писем. Летом Уихара казалось, что красная краска, которой был покрыт ящик, вот-вот растает от жары и стечет на землю. Дальше шли грушевый садик и заброшенные рисовые поля.

Под кадкой, где обычно хранился ключ, жили муравьи. Уихара не помнил, что именно росло в этой кадке. Какие-то цветы с лепестками розового цвета. У них были широкие листья размером с ладонь, не меньше. Если ключа под кадкой не было, это означало, что кто-то уже дома. Как правило, это была мать. Он поднимал голову и замечал в окнах свет. Открывал входную дверь, и до него доносился звук включенного телевизора и голос матери, болтающей по телефону.

Уихара нравилось наблюдать за муравьями. Это были маленькие коричневые мураши, которых он больше нигде не встречал. Насекомые суетились, занимаясь своими делами... Иногда они располагались странными узорами, напоминая буквы. Сотни и тысячи муравьев составляли то «А», то «У», то «О». Уихара мог просиживать у этой кадки часами...

Когда он дошел до деревообрабатывающей мастерской, солнце уже зашло. На фоне деревьев и густого кустарника здание выделялось темным пятном. В стеклах телефонной будки отражался последний отсвет зари. Это было настолько красиво, что Уихара некоторое время не мог оторвать взгляда от причудливых картин. Вчера вечером он надумал перенести свой лагерь в левую часть леса. Сооружение, которое он искал, находилось на вершине противоположного холма. Ему не хотелось на ночь глядя тащиться по склону, и он решил приискать местечко поближе.

«Встречу с этими козлами можно будет назначить у телефонной будки», — подумал Уихара. Место было удобно тем, что лежало вдали от парковой зоны, и туристы сюда не заглядывали. «Здесь будет удобнее с ними разделаться. Сколько же их будет, четверо? RNA, kkk, Итагаки и Ватанаби... А может быть, это все один человек? К тому же в „Интер-Био» должно быть еще много членов...» Уихара в подробностях нарисовал себе сцену, как он убивает этих четырех, или сколько их там будет. Он вновь ощутил рукоятку бейсбольной биты. Человеческие кости не такие уж твердые, как принято думать. Если есть хороший инструмент, их легко раздробить... «Эти парни даже не подозревают, что их ждет, — усмехнулся про себя Уихара. — Они-то полагают, что я наделал в штаны от страха и буду умолять их о помощи. Интересно, собираются ли они пригласить Йосико Сакагами?» Уихара попытался представить себе ее появление: Йосико Сакагами, несомненно, прибудет в черных очках (она же телеведущая!), и ей совсем не хочется, чтобы ее узнали празднующиеся туристы. На съемки она всегда надевала яркие платья. Правда, ног ее не было видно, так как она все время сидела за столом, напоминающим стойку в баре. Сюда, конечно, она наденет

кроссовки с желтыми и красными полосками по бокам, чтобы было удобнее передвигаться по лесу. А Уихара первым делом скажет ей: «О, вы можете испачкать вашу обувь!..» — или что-нибудь в этом роде. А потом они вместе взойдут на вершину холма и проскользнут в бомбоубежище через узкую щель. И будут долго беседовать...

Было уже довольно темно, но Уихара привык к темноте. Он натянул перчатки, что купил в спортивном магазине. Это были обычные матерчатые перчатки, но с ладонной части они были покрыты специальной резиной, предотвращающей соскальзывание. Рюкзак его был теперь гораздо тяжелее, но Уихара уже пообвык и передвигался без особого труда. Он поднимался по тому же пути, что и в первый раз, ориентируясь по сделанным отметкам. Он узнавал отдельные деревья, а его руки привычно хватались за их ветви. У него создалось такое впечатление, будто его тело само запомнило все детали этого ландшафта. Он инстинктивно обходил опасные места и перепрыгивал ненадежные камни. На гниющих листьях можно было легко поскользнуться, но Уихара смог бы пройти этот путь и с закрытыми глазами.

Становилось холодно, и камни быстро покрывались тоненьким слоем льда. Пробираясь по краю обрыва, Уихара вслушивался в крики ночных птиц и стрекотание насекомых. Немного погодя до его слуха донеслось сонное бормотание ручья. Уихара остановился и какое-то время смотрел, как блестит при луне узенькая полоска воды...

Корни поваленного дерева в темноте были похожи на щупальца. Перелезть в темноте через дерево было довольно-таки рискованно. Сверзиться на бетонную плиту, потом костей не соберешь. Уихара снял со спины рюкзак и стал искать место для ночлега. Убедившись, что его ниоткуда не видно, он включил фонарик и быстро осмотрелся. Место было достаточно ровным, и Уихара стал сметать ветками сухие листья и мусор, чтобы расстелить спальник. Под голову вместо подушки он пристроил свои кроссовки и быстро забрался в пуховое нутро мешка.

Верхнюю часть его туловища надежно скрывали ветки кустарника. В мешке было тепло, и Уихара сразу согрелся. Только сейчас ему пришло в голову, что он уже несколько дней не принимает снотворного. Засыпая, Уихара представил себе разговор с Йосико Сакагами. Черт возьми, для женщины потребуется запастись кое-какой обстановкой! У него еще оставалось что-то около полумиллиона иен. Лучше всего приобрести стул. Уихара как-то увидел телерепортаж об одном ремесленнике, который занимается исключительно изготовлением стульев. Ремесленник этот жил то ли в префектуре Нагано, то ли в префектуре Ямагата. Отличительной особенностью его стульев было то, что сидящий на них человек не испытывал ни малейшего дискомфорта, так как его тело благодаря конструкции сиденья само принимало нужную позу. На один такой стул уходил месяц работы. Г-же Сакагами должно понравиться.

Уихара проснулся до восхода солнца. Из-за облачности было так темно, что он сначала подумал, что все еще спит. Кроны деревьев тонули во мраке. Ему приснился странный сон, будто бы в гости пришел приятель. Они болтали, жевали бисквиты, а Уихара все спрашивал себя: как так получается, что этот парень сидит у него в квартире да еще ведет себя так, словно они сто лет друзья. Потом приятель стал собираться, и Уихара протянул ему бумажный пакет. В пакете был самый настоящий живой пони. «Ого! — воскликнул приятель Уихара. — Ты же знаешь, что я обожаю бега!» Пони сидел тихо и не шевелился.

Уихара вытащил из спальника руку и взглянул на часы. Четыре часа. Ну и холодрыга! И вдобавок еще полнейшая тишина — все спят. Он полежал немного с вытянутой рукой, и ему начало казаться, что он превращается в дерево. Его тело было корнями, рука — стволом, а ее кисть — ветвями. Подул легкий ветерок, и Уихара услышал, как зашумела листва. Едва ощутимые прикосновения утреннего бриза очень ему понравились.

Как только небо на востоке зарозовело, Уихара стал собираться в путь. Он надел куртку и съел несколько плиток «Калори Мэйт». Он

старался жевать помедленнее, поскольку считал, что от этого быстрее согреется. Вчера, во всяком случае, у него это получилось.

Потом он вынул из рюкзака ноутбук, завернул его в пижаму и затолкал в самый низ спального мешка. Туда же он положил сменную одежду, инфракрасные очки, бутылку с минеральной водой, пакет с хлебом, кое-что из еды и, наконец, спички. Все это было затем аккуратно свернуто и спрятано между камнями. С собой Уихара прихватил пилу со сменными лезвиями, веревку, складной перочинный нож и саперную лопатку.

Подъем давался ему гораздо легче, чем накануне. Уихара ухватился за торчащие корни поваленного дерева и подтянулся. Он увидел свои вчерашние следы, похожие на следы автомобильного протектора. На корнях еще сохранилась земля, а в их переплетениях запутались небольшие камешки. При малейшем касании камешки эти дождем сыпались на землю. Корни лопались и рвались под тяжестью тела, но Уихара упорно лез вперед. Руки были мокрыми от росы.

Теперь он был куда более осторожен и несколько раз останавливался, чтобы сделать передышку. В прошлый раз он едва не поплатился за свое легкомыслие.

Пробираясь сквозь плотную массу сросшихся корней, Уихара медленно, но верно приближался к цели. Он сосредоточил всю свою энергию в кончиках пальцев и мускулах ног, стараясь опираться только на основания корней. Шею приходилось постоянно вытягивать вперед, а тело изгибать таким образом, чтобы без особых помех можно было проскользнуть меж ветвей и сухих сучьев. Путь в полметра занял у него чуть ли не четверть часа.

Наконец среди кустов показался гребень горы. Небо все еще было покрыто плотными облаками, но птицы уже проснулись и теперь щебетали в свое удовольствие. Бомбоубежище находилось гораздо выше уровня моря — приблизительную высоту можно было определить по линии электропередач, что виднелась вдали. Площадь плиты была невелика — где-то в двадцать татами. Плита представляла собой конструкцию из железобетона, чуть скошенную вбок. Трещина

посередине свидетельствовала о том, что под нею находится скорее всего впадина или помещение. Вход располагался почти в центре плиты. Уихара снял рюкзак, вынул из него лопатку и принялся очищать плиту от земли и мусора. Он также срубил кустарник, что рос по краям отверстия. Это оказалось нетрудно сделать, так как кусты, выросшие на бетоне, не могли глубоко укорениться. Щель имела в длину метра три-четыре и в ширину что-то около метра. Она походила на приоткрытый рот... или на зияющую рану.

Вход преграждали изогнутые металлические прутья сантиметра четыре в диаметре, покрытые ржавчиной. Уихара решил разрезать один из них — этого, на его взгляд, было достаточно, чтобы пролезть в щель. Тот, что он выбрал, был основательно подточен ржавчиной у основания, поэтому пилить нужно было только в одном месте.

Лезвие пилы крепилось при помощи двух гаек-барашков. Но едва Уихара приступил к делу, как пилу моментально заклинило. Слои ржавчины оказались слишком плотными. Зубья пилы не доставали до металла и впустую скребли ржавчину, производя ужасный скрежет. Он попробовал еще раз — никакого эффекта. К тому же шум мог привлечь людей. Уихара со вздохом отложил пилу и достал маленький напильник. Он мучился почти час, но сделал только чуть заметный надрез. Уихара стащил с себя куртку и приложился к бутылке. Потратить столько сил ради горстки красноватой пыли!

Но вот опилки стали менять цвет — ржавчина нарастала слоями, и в зависимости от погодных условий каждый слой имел свою определенную окраску. Уихара спешил — ему не терпелось поскорее добраться до чистого металла. Лезвие напильника постепенно покрывалось красным налетом, который поблескивал в утренних лучах. Но ветер вскоре сдул и эту пыль.

Наконец Уихара спрятал напильник и раскрыл небольшую пилочку, что была в его складном ноже. Уихара пилил так аккуратно, что со стороны могло показаться, будто он полирует поверхность алмаза. Пилка работала почти бесшумно и только подрагивала, углубляясь в разрез.

Уихара скинул измазанные перчатки и продолжил работать голыми руками.

Солнце все не выглядывало, и в провале было совсем темно. Но Уихара только отирал пот и продолжал пилить. Разрез становился все глубже и глубже. Звук теперь походил на тот, что издает электроаппарат, когда его включают в сеть с высоким напряжением. Вдруг послышался треск, и от прута отломился большой кусок ржавчины. Сначала он болтался в воздухе, а потом оторвался окончательно и исчез во тьме.

Теперь можно было использовать и большую пилу, но Уихара боялся, что она своим шумом выдаст его местонахождение. Этот скрежет вряд ли примут за крик какой-нибудь птицы. Со злости Уихара готов был перегрызть проклятый прут зубами. Вообще он стал очень внимательно относиться к вещам, что его окружали. Жизнь в лесу научила его многому. Например, бесшумно передвигаться, глядя себе под ноги. Собираясь сделать очередной шаг, Уихара привычно прикидывал: а выдержит ли эта ветка? не соскользнет ли нога с этого камня? Поначалу ему было очень трудно, и он сбился со счета, рассматривая свои синяки и шишки. Самыми коварными оказались каменные осыпи, и теперь Уихара обходил их стороной. Если это было невозможно, то он несколько раз пробовал каждый камень носком кроссовка. Так он понял, что опыт есть основа жизни, причем не только в лесу, но и во всем остальном мире. Раньше он не понимал даже самой простой вещи: чтобы жить, прежде всего необходимо внимание к окружающей действительности. Никто не объяснял ему, что из-за малейшей неловкости он может свалиться со скалы и разбиться насмерть. Правда, к чести Уихара, нужно признать, что он и не встречал ни одного мало-мальски внимательного человека, человека, который находился в состоянии постоянной готовности. А как бы это помогло ему при общении со своей семьей! «Они мне все время лгали! Я почти уверен в этом, — размышлял Уихара. — Эх, кабы знать раньше!»

Чтобы пила производила меньше шума, ее полотно следовало хорошенько смазать. Но кроме бутылки с водой у Уихара под рукой

ничего не оказалось. Он вспомнил, что из раздавленных личинок получалась густая масса, пачкавшая пальцы. Уихара схватил лопатку и ковырнул пару раз землю вокруг себя. Под корнями он обнаружил колонию каких-то личинок. Личинки были небольшого размера — примерно со спичку каждая. Уихара раздавил парочку — из них вытекла жидкость, по виду напоминавшая сгущенное молоко. Тогда он снова вооружился лопатой, и через минуту смазка для пилы была готова.

Чтобы лезвие не соскакивало, его приходилось держать строго перпендикулярно металлическому пруту, иначе пилу заклинивало намертво. Зато теперь отпала необходимость изо всех сил налегать на инструмент. Уихара помнил, что пила и набор лезвий обошлись ему в девятьсот три иены, включая налог с продаж. Триста восемьдесят иен за пилу и четыреста восемьдесят — за лезвия. Для этого он зашел в магазин «Товары для садоводства и многое другое». Помимо товаров для садоводства там продавалось все — от автомобильных покрышек до успокоительного. В магазине былолюдно (все-таки выходной день), многие покупатели пришли семьями. Мужчины собирались у стендов с запчастями, женщины же, укачивая младенцев, отбивались от наседавших представителей торговых компаний, предлагавших образцы косметики, или обсуждали цены на модные светильники, или хором восторгались хитроумной системой, которая позволяла плотно закупоривать уже початые бутылки с вином. Некоторые из них стайками вились у прилавка, где были выложены циновки бельгийского производства, три тысячи иен за штуку. Магазин был огромен, и Уихара совсем выбился из сил, пока искал нужный отдел. Наконец он сдался и подошел к одной из продавщиц. При слове «ножовка» девица впала в ступор. «Ну пила, пила мне нужна. Такая, чтобы пилила железо!» — не выдержал Уихара. Барышня еще немного пощелкала какими-то шестеренками в своем мозгу, но все-таки отвела Уихара в нужный отдел. «Домашний умелец» находился сразу за отделом электроприборов. Там оказались пилы всех размеров и фасонов, от простых ножовок и до циркулярных чудовищ. «И как это такие вещи могут свободно продаваться?» — подивился Уихара. Он считал, что ножовка по металлу

одинаково легко способна распилить автомобильную антенну и железнодорожный рельс. Зубья у таких пил были совсем крошечные, и это почему-то внушало Уихара уважение. На рукоятке болтался ярлык, где говорилось, что пила пригодна для работ с любыми металлами. Также к инструменту прилагалась инструкция по технике безопасности следующего содержания: «Перед началом работы убедитесь, что вам хватает места. Соблюдайте максимальную осторожность — при неправильном обращении инструмент способен причинить тяжелые травмы.

Всегда надежно закрепляйте обрабатываемый материал. Защитную оболочку с лезвия пилы снимайте только в перчатках!»

Уихара положил пилу в корзину и направился к кассе, размышляя по дороге, что с такой штукой расчленить человеческое тело было бы просто детской забавой.

Смазывать пилу нужно было часто — едва лезвие обсыхало, как пила начинала издавать душераздирающие звуки. Уихара только успевал подсыпать новых личинок, но через несколько минут на загаженном полотне лезвия снова проступала надпись: «Закаленная сталь».

Прут был перепилен как раз в тот момент, когда по парку разнесся сигнал, означавший открытие. Уихара подергал остальные прутья — они прогибались под его весом, но казались достаточно надежными. К тому же вся конструкция была основательно заглублена в бетон. Уихара перевел дух и стал привязывать веревку.

Альпинистская веревка была длиной десять метров. Через равные промежутки Уихара накрутил на ней узлов, чтобы можно было измерять глубину. Кроме того, по узлам было гораздо легче спускаться и подниматься. За единицу измерения он принял длину полотна своей пилы — пятьдесят сантиметров. Сам станок пилы он использовал в качестве отвеса, привязав ее к свободному концу веревки.

В провале царил непроглядная тьма. Для начала Уихара осветил туда фонариком, но дна так и не разглядел. Он еще раз проверил крепления и стал медленно опускать веревку. Из отверстия поднимался

запах плесени и стоячей воды. Скоро раздался глухой звук — отвес наткнулся на какое-то препятствие. Это случилось между шестым и седьмым узлами — значит, глубина здесь была метра три-три с половиной. Уихара вытащил отвес, отвязал, а затем разрезал веревку на две части. К одной половине он прикрепил рюкзак — лезть в эту дыру с грузом на спине было бы чистым безрассудством. Потом очистил от грязи подошвы кроссовок и тщательно замаскировал место крепления веревки. Если кто-то сюда и забредет, то лучше будет, если он ничего не заметит.

Уихара спускал вниз рюкзак и считал узлы. Между шестым и седьмым веревка ослабла. «Кажется, дно», — подумал Уихара. Но рюкзак неожиданно стал опускаться дальше. Уихара стало не по себе. Но ведь должно было быть всего лишь шесть узлов! Не мог же он, в самом деле, ошибиться... Рюкзак застыл на восьмом узле. «Наверное, там пролом или яма, — решил Уихара. — Пила осталась на краю, а рюкзак-то побольше будет, вот и соскользнул дальше».

Теперь можно было спускаться и самому. Уихара попытался поймать ближайший узел. Уцепившись за край щели, он отчаянно ловил узел величиной с кулак ногами, но тот все время увертывался. В конце концов Уихара удалось ухватить веревку ногами, и он начал спуск. Снизу веяло жутким холодом, и Уихара даже поежился. Он прекрасно понимал, что, если веревка оборвется, ему уже ни за что не подняться. Но Уихара отогнал эту мысль — в самом деле, с чего бы это веревке просто так рваться? К тому же этот путь указывал ему Поток. Ведь удалось же ему достать пилу, а затем и очистить себе путь к цели. Что ж — он совершил то, что хотел. Большинство человеческих особей стоят вне Потока и даже не знают этого. А без его энергии ничего подобного сделать невозможно. Теперь Поток и червь хослокатерия стали для Уихара единым целым.

Ступня коснулась пола. Уихара зажег фонарь и огляделся. Звуки отражались от бетонных стен, и Уихара слышал собственное дыхание. Пот на его лбу и щеках мгновенно высох. Подземелье давило. Уихара опустил на пол вторую ногу и сразу почувствовал небольшой уклон. Он осторожно приблизился к пролому — плита явно была расколота. Все

вокруг густо заросло плесенью и лишайниками. Вверху зияло отверстие входа. Отсюда оно было похоже не то на гигантский улыбающийся рот, не то на лунный серп. Потом Уихара надел рюкзак и стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте. На всякий случай не мешало бы проверить веревку — он ухватился за нее и повис всей своей тяжестью. Веревка не подвела.

Площадь помещения, в котором очутился Уихара, была немногим больше шести татами. Пролом находился почти в самом ее центре. Решив заодно испытать и прочность бетона, Уихара топнул ногой и тотчас же провалился по колено. От неожиданности и от страха он громко завопил, и его крик эхом многократно отразился от осклизлых стен. Дрожащий луч фонаря выхватил из темноты напластования содранной плесени и... полусгнившие доски. Уихара на всякий случай обмотал вокруг запястья конец веревки и осторожно ступил на них. Дерево хрустнуло. Пол оказался не бетонным, а деревянным! Приблизившись к пролому, Уихара понял, что наступил на сложенные штабелем ящики. Внутри виднелись какие-то продолговатые предметы, похожие на консервные банки, но без этикеток. Банки покрывал толстый слой ржавчины. Хотя крышки ящиков давно сожрал грибок, Уихара все же удалось прочесть полустертые китайские иероглифы. Их было всего три: «Горчичный газ. Опасно!»

XI

Уихара на мгновение сделалось плохо. Скорее всего его смутила манера начертания иероглифов. Этот шрифт давно не употреблялся, и его не было даже в текстовом редакторе компьютера.

Стену осветил слабенький лучик солнечного света. На всякий случай вход он замаскировал ветками, поэтому на стене затрепетали тени от листьев. Эти тени напомнили Уихара кружевные занавески, что он видел в больнице, в дедушкиной палате. Они запомнились так же четко, как смертельно бледное лицо деда, пластиковые трубки и плотно сжатые веки.

Уихара присел на корточки, не выпуская из рук веревки. Судя по всему, ящики с «консервными банками» были сброшены сюда сверху. Он

навел фонарь на второй ящик, на котором значилось: «Иприт». Одно было непонятно — отчего эти иероглифы вызвали такое гнетущее чувство? Написаны они были вручную, кистью. Со временем дерево потемнело, и надпись стала едва заметной, но вряд ли дело было только в этом. Само начертание букв рождало в душе какое-то беспокойство. И тут Уихара осенило: такое же начертание было у тех иероглифов, что он видел в фильме. Титры на экране, слова на транспарантах — все было выполнено в той же манере, что и на крышках ящиков. Теперь, глядя на эти полустертые от времени иероглифы, он вспоминал жуткие картины войны.

Солнце поднялось достаточно высоко. Его лучи проникали сквозь листву и падали в подземелье, образуя световой конус. Затхлый подвальный воздух пришел в движение. Уихара почувствовал, что начинает согреваться. Свет словно просачивался сквозь него, создавая впечатление теплых водяных струй. Уихара запрокинул голову и прикрыл глаза. В тот момент он испытывал истинное наслаждение, такое же, как вчера, когда сидел у ручья. Слабые лучи осеннего солнца вытапливали из его души накопившийся лед. Это было совершенно новое ощущение — его тело как будто раскрывалось в потоке света, а по жилам бежало тепло... словно отдельные части его существа снова становились единым целым. Уихара однажды слышал, как говорила о таком состоянии Йосико Сакагами. С микрофоном в руке она стояла на берегу океана, а ее волосы неистово трепал ветер. «Когда оказалась окруженной всей этой красотой, — вещала Сакагами, — то почувствовала, как ко мне возвращается нечто казавшееся навсегда утраченным и я опять становлюсь собой. Я, и только я!» Теперь Уихара понял, что имела в виду знаменитая телеведущая. К нему возвращалось его прошлое, то самое, которое он хотел навсегда забыть. Он закрывал глаза и видел картины из детства, возникавшие на поверхности мыльных пузырей, что плыли в потоке солнечного света. Пузыри появлялись один за другим, проплывали на фоне заплесневелых стен, чтобы исчезнуть, коснувшись конуса, в котором стоял Уихара. В розовом пузыре он увидел себя малышом, сидящим в детском надувном бассейне, с корабликом в

руках. Он узнал даже Дораэмона, нарисованного на стенках бассейна. Потом Уихара увидел себя на трехколесном велосипеде, а еще...

Он почувствовал какой-то странный запах. В горле запершило и защипало в носу. Уихара осмотрел помещение, но ничего не обнаружил. Запах был ужасным. Он напоминал кошмарный запах горчицы, которой отец и брат сдабривали лапшу удон. И кроме того, что-то нехорошее стало происходить с его ногами. «...И тут один из нас заметил совсем рядом дыру в бетоне. Небольшая такая дырочка, как раз чтоб просунуть голову. Мы немного подумали и решили, что полезу я... Я ни за что не скажу, что я увидел там, внутри, когда мои глаза привыкли к темноте. Нет-нет, ни за что, пусть даже меня назовут брехуном! Сообщу только одно: через несколько дней после того, как я заглянул в ту дыру, один из моих друзей умер, а другой неизлечимо заболел...»

Уихара понял, что он запросто может погибнуть, если хоть на минуту задержится здесь. «А если я сдохну, то не смогу отпиздить этих козлов из „Интер-Био“. И уж точно не увижу Йосико Сакагами!» — с ужасом подумал он.

«...Если бы я знал, то никогда бы не покинул того места, где вода стекала по обнаженным корням и по вкусу напоминала нектар. Когда Япония оказалась на грани поражения, военные заводы, где вырабатывали отравляющие вещества — иприт, люизит и тому подобное, — закрыли, а готовую продукцию укрыли в многочисленных подземных хранилищах и бомбоубежищах по всему Канто. Говорили, что при контакте этих веществ с телом у человека моментально сходит кожа и останавливается дыхание. Как следствие — немедленная смерть. Я отправился на поиски этих секретных хранилищ, но ничего не нашел. Я видел себя погребенным в какой-нибудь пещере, с облезшей кожей и разорванным животом. Наша современная жизнь — всего лишь борьба за выживание. Я никогда не забуду того американца и вида его кишок, свисающих с бамбуковой пики. Поскольку мы продолжаем существовать в этой реальности, так или иначе нам придется проткнуть кого-нибудь такой палкой или оказаться на месте жертвы. Это кому как больше

нравится... Только в той пещере я мог обрести вечную радость и покой... но я упустил оба шанса...»

Скорее всего под воздействием тепла от солнечных лучей началась химическая реакция. Содержимое «консервных банок» мало-помалу просачивалось наружу, скапливалось под крышками ящиков, а при нагревании распространялось по всей яме. Уихара, недолго думая, ухватился покрепче за веревку и полез наверх. Только сейчас он заметил, что все ниши и трещины в подвале были забиты трупиками мелких зверьков с раздутыми животами.

Иприт,

горчичный газ (В, В1-дихлордиэтилсульфид, $S(CH_2CH_2Cl)_2$), отравляющее вещество. Впервые применялся немцами во время Первой мировой войны против англо-французских войск в сражении у бельгийского города Ипр 12 июля 1917 года.

Характеристики

В чистом виде протоплазматический яд представляет собой бесцветную жидкость плотностью 1,28 г/см³. При температуре ниже 15 °С превращается в беловатую массу, состоящую из игловидных кристалликов. Точка кипения + 217 °С при нормальном атмосферном давлении. Очень медленно гидролизуетея водой... Внешне и по запаху напоминает горчицу. Даже в малых дозах крайне токсичен. Может впитываться прямо через кожу и слизистые оболочки. Симптомы отравления проявляются довольно медленно, в период от 6 до 24 часов. При прямом вдыхании наблюдается воспаление плевры, приводящее к летальному исходу. Вместе с тем на коже образуются многочисленные язвы, вызванные разрушением структуры клеток.

Отравление ипритом. Неотложные меры

В результате воздействия горчичного газа на коже наблюдаются воспалительные процессы, сопровождающиеся потерей чувствительности. При сильном отравлении можно наблюдать те же симптомы, что и при серьезных ожогах.

Приблизительно через час происходит кровоизлияние в склеру с повышением температуры тела. Отмечается появление сыпи красного

цвета. Кожа принимает темный оттенок. Далее наблюдаются вздутие кожных покровов и возникновение опухолей. По мере появления язв может происходить истечение гноя.

Вдыхание иприта чревато тяжелыми последствиями. Первыми поражаются носоглотка, трахея и легкие, что приводит к воспалению и последующей асфиксии.

Для поддержания нормального функционирования дыхательной системы применяют искусственную вентиляцию кислородом. В дыхательные пути (носоглотка, трахея, легкие) вводится пластиковая трубка, обеспечивающая поступление воздуха. Пострадавшего необходимо освободить от одежды, так как возможен риск развития воспалительных процессов. Глаза следует промыть водой или бикарбонатом соды. Прополоскать горло. Вымыть все тело пострадавшего большим количеством воды и тщательно выстирать одежду...

Выбравшись на волю, Уихара разыскал свои вещи, вытащил из спального мешка ноутбук и стал искать информацию об иприте. Кое-что он скопировал себе на жесткий диск. Этой теме было посвящено всего два сайта — один принадлежал исследовательской лаборатории института фармакологии на Хоккайдо, а другой — Организации гражданской обороны, где рассказывалось о неотложных мерах в случае террористического акта с применением отравляющих веществ.

Начитавшись всего этого досыта, Уихара переоделся и бросился умываться. Потом он прополоскал горло минеральной водой и полез в ручей, чтобы вымыться «большим количеством воды». Там же он выстирал одежду. Пока штаны и рубаха сохли на ветру, Уихара внимательно следил за реакциями своего организма, но кроме слабого покалывания в горле ничего не ощутил.

Здравствуйте, господин Ватанаби!

Это опять Уихара. Как и было обещано, я хочу сообщить, где меня можно найти. Знаете ли вы парк Мицукубо, что в Южном Нояма? Ближайшая станция находится на ветке Сейбу-Синдзуку и называется

так же, как и парк, — «Мицукубо». Двигайтесь от вокзала в северном направлении, там есть указатели. До парка ходу минут пятнадцать-двадцать. Рядом будет автостоянка. К сожалению, я не могу подсказать вам, как туда добраться на машине, так как сам не умею водить. Как войдете на территорию парка, идите прямо через большую поляну. Потом по правую руку увидите прогулочную дорожку, которая ведет в лес. Там есть масса указателей, так что найти ее не проблема. По ней вам нужно будет идти приблизительно сорок минут, пока не выйдете на перекресток с гравиевой дорогой. Там повернете направо и скоро увидите одноэтажное здание с вывеской «Деревообрабатывающая мастерская». Сейчас она закрыта, и работы здесь не ведутся. Мне удалось взломать замок, но этого никто даже не заметил. К тому же работники парковой администрации сюда не ходят.

Лес вокруг очень густой, поэтому гуляющих тут нет. Сейчас нахожусь в гостинице недалеко от станции «Уэно». Завтра мы со стариком, о котором я писал в прошлом сообщении, собираемся приехать сюда на пикничок. Когда я рассказал ему про этот парк, он загорелся желанием порисовать здесь. Убить его думаю в здании мастерской. На этот раз вместо бейсбольной биты придется воспользоваться молотком-гвоздодером. Я нашел его в лесу прямо за мастерской. Он удобнее, чем бита, а кроме того, им вполне можно пробить череп. Я опробовал его на стволах деревьев и на старом диване и могу сказать, что пробивная сила у него что надо.

Мы выезжаем завтра утром, около восьми. Ехать придется с пересадками, так что до мастерской мы доберемся не раньше одиннадцати. Один я доехал бы гораздо быстрее, но с этим старпером... Ладно, не важно. Короче, около одиннадцати мы со стариком будем попивать здесь чаек, так что предлагаю вам присоединиться к нашей компании.

Надеюсь (вы уж простите мою настойчивость), что с вами приедет и Йосико Сакагами.

Да, от трупа нужно будет как-нибудь избавиться, но, полагаю, его можно просто оставить в лесу. Тут есть такие места, куда еще не ступала

нога человека. Ладно, жду вас завтра в деревообрабатывающей мастерской, парк Мицукубо, Южный Нояма.

Уихара отправился в Уэно — ему нужно было кое-что купить в оружейном магазине.

Торговый зал магазина был просторен и тих. Стены и потолок были затянуты маскировочными сетками; чувствовался запах, который обычно бывает в цейхгаузе или на складе старой одежды. Покупателей было немного. Один стоял у витрины с колодками юбилейных медалей и что-то объяснял продавцу. Продавец отрицательно качал головой. Посетитель протянул разочарованно: «Ах во-от как!», но не ушел, а стал разглядывать ножички для разрезания бумаги.

Другой покупатель примерял военную форму. Одна нога у него не сгибалась в колене, и ему помогал хозяин магазина. Так как примерочная кабинка отсутствовала, воинственный инвалид переодевался за штабелем из металлических коек. Уихара заметил его кальсоны, переброшенные через спинку кровати. Хозяин одной рукой придерживал штанину, а другой пытался согнуть ногу клиента.

Третий посетитель, задрав голову, разглядывал пусковую установку ракеты «земля-воздух». Рядом с установкой на стене находились гранатометы и зенитные комплексы, похожие на небольшие ружья. Любитель ракетной техники был одет в бежевый плащ, под которым виднелся серый костюм. Уихара подошел поближе и услышал, как парень читает вслух технические характеристики выставленного оружия:

— Длина полтора метра. Вес пятнадцать килограммов. Дальность стрельбы восемь километров. Работает на твердом топливе. Установка снабжена системой FLIR, что позволяет использовать ее при плохой видимости и в ночное время. Инфракрасный прицел оснащен специальной линзой. На ракетах устанавливается система распознавания «свой-чужой». Система наведения по тепловому излучению цели.

Рядом с кассой стоял еще один покупатель, судя по одежде — учащийся колледжа. Он примерял специальную маску, на которой был укреплен объектив, напоминавший тубус видеокамеры. Маска закрывала почти все лицо, длинный тубус объектива сверкал металлическими зажимами и винтами. Аппарат был не новый — Уихара заметил многочисленные вмятины и сколы. На лице маска держалась благодаря трем ремешкам, застегивавшимся на затылке. Хоть и неплотно пригнанная, маска отлично сидела на голове паренька и казалась каким-то диковинным наростом. Должно быть, она была довольно тяжелой, так как объектив приходилось все время поддерживать рукой. Продавец суетился, пытаясь получше пристегнуть ремешки. Потом он принялся инструктировать юнца — нужно было осторожно поворачивать голову, чтобы не свернуть себе шею, а также не направлять объектив на источники света. Мол, от этого случаются головокружения и даже обмороки. Наконец студент прогудел: «Понятно!» — и отправился разгуливать по магазину. Наверное, то, что он видел через свой объектив, сильно отличалось от того, что видели другие невооруженным глазом, поскольку юнец хохотал без умолку. Продавец следовал за ним по пятам, то и дело повторяя: «Не смотрите на источники света, на лампочки и вывески!»

В обувном отделе сидел на корточках мужчина и возился с парой огромных ботинок, в просторечии называемых «берцы». Он шнуровал ботинок, держа его так, словно это был новорожденный младенец. Носки и задники берцев были усилены накладками из толстой кожи. Отдел был буквально забит подобными моделями. Время от времени мужчина проверял оставшуюся длину шнурка. Потом он уселся на скамеечку и стянул с ног свои остроносые штиблеты. В этот момент сзади к нему приблизился студент-весельчак с объективом. За студентом неотступно, как тень, следовал продавец. С другой стороны доносился тенор знатока ракетных комплексов:

— Классическая система требовала точного прицеливания, тогда как новая, оборудованная инфракрасным датчиком, позволяет поражать объекты со сложной траекторией движения без предварительного

наведения. Комплекс прост в использовании, стрельба производится с плеча. Запуск ракеты можно осуществлять, как только цель засекается инфракрасным датчиком.

Комплекс широко использовался в Афганистане: подавляющее большинство советских вертолетов было сбито именно его ракетами. В 1991 году иракская армия закупила около четырех тысяч единиц. По мнению специалистов, именно это обусловило столь незначительную активность боевых вертолетов армии союзников.

В это время в проходе показался человек с негнущейся ногой, облаченный в новенькую униформу. Теперь ему хотелось узнать, как он выглядит, и продавец повлек его к зеркалу. Человек у витрины попросил показать ему карманные часы с драгоценными камнями. Зазвенели ключи... В конце концов к Уихара подошел один из продавцов и объявил, что готов ему услужить.

— Мне нужен защитный костюм и противогаз, — произнес Уихара.

Продавец оставил колченогого вояку и проводил Уихара в глубину зала.

— Какой именно газ?

— Иприт.

— Вот, пожалуйста. Думаю, это лучшее, что у нас есть, — сказал продавец. — Поверхность ткани пропитана активированным углем. Эту штуку придумали американцы лет пятьдесят тому назад, но, как видите, она применяется до сих пор. Уверяю, этот костюм совершенно новый. Ну, вы, конечно, знаете, что активированный уголь применяется довольно широко... взять хотя бы фильтры для сигарет. На сегодняшний момент это наилучшее средство защиты от особо токсичных веществ. Принцип действия активированного угля заключается в том, что он не расщепляет молекулы газа, а абсорбирует их. Экспериментально доказано, что за три сотых доли секунды он снижает концентрацию газа у поверхности костюма в тысячу раз! Ничто не может с ним сравниться. С другой стороны, активированный уголь дает лишь временную защиту при воздействии неустойчивых соединений, таких как мышьяковистый водород или различные хлорокиси.

Как явствует из его названия, он вырабатывается из древесного угля. Его поглощающая способность напрямую зависит от исходного материала. Лучше всего эбеновое дерево или сандал... но также ценится волокно кокосового ореха. Однако же активированный уголь отнюдь не панацея. Он может многое, но не может всего. Он способен снизить воздействие газа, но не способен абсорбировать газ полностью. Вот, посмотрите, костюм, а к нему крепятся специальные ботинки... все вместе похоже на скафандр космонавта. У маски три защитных слоя. Степень защиты — процентов двадцать пять — пятьдесят при воздействии иприта. Вы ведь говорили именно про иприт? Вот, убедитесь, что все совершенно новое... ни разу еще не надевалось...

Продавец говорил и говорил и при этом смотрел Уихара прямо в глаза. По его носу стекали капли пота. Длинные волосы, белая рубашка, серые брюки, на ногах кроссовки «Найк». Время от времени продавец откидывал назад спадавшую на лоб прядь волос.

— Конечно, если разобраться, — продолжал он, — создать необходимые условия для испытания костюма нелегко... но, говорят, Ирак имеет большой опыт по этой части... Причем больше всего данных было получено во время войны с курдами. Также поговаривают, что эта информация была потом передана России... Вот маска... рекомендую. Французского производства... убедитесь, как хорошо сидит, хотя, конечно, тяжеловата... Ткань производится из полиамида и еще какого-то синтетического волокна... кажется, пока еще ему не придумали названия. Все это даст гарантированную защиту от иприта приблизительно на двадцать четыре часа. Да, кстати, я опробовал не один десяток подобных костюмов... так вот, в этом больше получаса не выдержишь. Ну, это в летнее время. Случалось, что люди просто теряли сознание... костюм-то герметичный и воздух не пропускает. Так что будьте очень внимательны, прошу вас. Да, и последнее. Имейте в виду, что иприт плохо растворяется. После использования костюм надо вымыть большим количеством воды.

— Сколько стоит? — не выдержал Уихара.

— Двести сорок тысяч. Если по карте, то сто восемьдесят. Уихара уплатил деньги и направился было к выходу.

— Простите, вы не на машине?

— На поезде.

— Давайте я упакую вам. Так проще будет везти.

Uehara wrote:

— Ладно, не важно. Короче, около одиннадцати

— мы со стариком будем попивать здесь чаек,

— так что предлагаю вам присоединиться к нашей компании.

— Надеюсь (вы уж простите мою настойчивость), что с вами

— приедет и Йосико Сакагами.

— Да, от трупа нужно будет как-нибудь избавиться,

— но, полагаю, его можно просто оставить в лесу.

— Тут есть такие места, куда еще не ступала нога человека.

— Ладно, жду вас завтра в деревообрабатывающей мастерской, парк

— Мицукубо, Южный Нояма.

...Ясно. «Интер-Био»

Вернувшись в Мицукубо, Уихара расположился на террасе кафе «Мадемуазель». Он отправил Ватанаби сообщение и через несколько минут получил ответ. Никакого имени в заголовке, только подпись «Интер-Био». Адрес тот же: interbio-info@inter-bio.ne.jp. Значит, все эти RNA, Ватанаби и компания использовали один и тот же сервер.

И что же это им «ясно»? «Впрочем, в любом случае они приедут в парк», — подумал Уихара.

Посетителей в кафе почти не было. Солнце начало склоняться к западу. Террасу уже обтянули прозрачной пленкой для защиты от ветра — сквозь нее просвечивал городской пейзаж. К Уихара подошла озябшая официантка, и он заказал рис и чашку кофе.

— Хорошо. Рис и кофе, — эхом отозвалась девушка и исчезла за стойкой.

Когда она вернулась с тарелкой в руках, Уихара захотелось узнать, свободна ли она этим вечером. «Если вы свободны, не хотите ли прогуляться по парку? Там есть заброшенная мастерская... завтра будет очень интересно, увидите! Вы живете где-то рядом? Ах, надо ехать на электричке? О, если бы вы пришли...» — репетировал про себя Уихара. В ногах у него лежала новенькая сумка с защитным костюмом. Уихара пожалел, что не может показать девушке свое приобретение. Наверняка она бы заинтересовалась завтрашним представлением...

Давненько он не ел риса! А когда-то швырял полные тарелки в стену. Когда же это было? Кажется, еще в школе... Запах риса напомнил ему и другой случай. Однажды Уихара подарили большую коробку с редкими минералами. Кто?.. То ли брат, то ли кто-то из родственников... дядя... Уихара никогда не выказывал особого интереса к камням.

Минералы располагались ровными рядами на акриловой подложке. Чего там только не было: железяк, разные кристаллы, обсидиан, какой-то золотистый блестящий камушек... черт, забыл название... еще был какой-то красноватый... а, медный колчедан! Кварцы, асбест и много чего еще. Уихара нравилось показывать свою коллекцию одноклассникам, но самого его она мало трогала. Каждый камень был снабжен ярлычком, где было указано его название. Правда, очень скоро Уихара наскучило возиться, и он свалил все в одну кучу. Потом у коробки отломился кусок крышки, и камни стали пропадать. Уихара не выбрасывал их, не дарил, их никто не воровал, но тем не менее они исчезали один за другим. Уихара считал, что так происходит потому, что камни потеряли свои места. А всякая вещь, потеряв свое место и имя, непременно исчезает. В конце концов от всей коллекции остался только золотистый камушек, который Уихара положил в один из ящиков письменного стола. Потом исчез и он...

Ежась от холодного ветра, Уихара размышлял, куда же действительно могла подеваться такая куча камней. Они не растворялись в воде, их не мог унести ветер... В какие же углы старого дома они закатились? Когда Уихара переселился в отдельную квартиру, родительский дом был перестроен, так что скорее всего они пропали

совсем. И теперь эти камушки существовали только в его памяти. Тут Уихара осенило — ведь и «Интер-Био» тоже существовало пока только в его воображении. Завтра эти ребята на мгновение мелькнут в его жизни... и исчезнут, как те камни.

На крыше мастерской мигала неоновая вывеска, озаряя все вокруг мерцающим светом. В здании было два входа: дверь-купе и широкие ворота для загрузки пиломатериалов. Железная штора была приспущена только наполовину и, вероятно, произвела бы адский шум, если бы кому-нибудь пришло в голову опустить ее полностью.

Уихара нашел в своем ноже отвертку и стал осторожно снимать замок. Работать нужно было аккуратно, чтобы ничего не поломать. Головки шурупов едва виднелись, и Уихара пришлось здорово попотеть. Сперва он долго очищал поверхность от наслоений краски и ржавчины, что покрывала шлицы. Эта работа живо напомнила ему утренние мучения с металлическим прутком. Наконец Уихара удалось вывинтить все четыре шурупа, которые он сунул в карман, чтобы не потерять.

В направляющий желобок двери набилось много сухих листьев и всякого мусора. Уихара надел перчатки и с трудом откатил дверь. Он увидел выстроенные в ряд станки, в нос ему ударил запах прелой бумаги. Первый этаж был разделен перегородкой на две большие комнаты. В углу Уихара заметил лестницу. В свете карманного фонарика станки отбрасывали причудливые тени. Он насчитал их пять. Деревянные основания станков подгнили, и каждый из них накренился в ту или иную сторону. Уихара внимательно оглядел механизмы, огромные шестерни и заглушенные моторы. С потолка свисали электрические провода.

Дверь, ведущая в соседнюю комнату, оказалась открытой. Там Уихара обнаружил еще три станка и целый штабель готовых досок. Некоторые из них были тронуты плесенью и издавали характерный кисловатый запах. В углу стояли мешки с цементом, перевязанные черной веревкой. Уихара заметил, что все розетки и выключатели были сорваны со стен и болтались на проводах.

В чердачном помещении размещалась контора. Поднявшись по лестнице, Уихара оказался в холле. Рядом со входом валялась опрокинутая обувная стойка, перед которой лежал одинокий башмак. Повсюду были расставлены металлические столы, а на стене еще висела грифельная доска с сохранившимися пометками. Рядом был укреплен бойлер, а под ним — раковина. Уихара повернул кран — сначала раздалось бульканье, а потом в раковину начала сочиться тоненькая струйка грязной воды. «Значит, воду не отключили», — обрадовался он.

Перегородок на чердаке не было. По стенам были развешаны двухъярусные полки, покрытые, как снегом, толстым слоем пыли. Уихара обследовал все закоулки и вышел. На всякий случай он вставил обратно шурупы, крепящие замок.

Убедившись, что его никто не видел, он нырнул в лес. Луна серебрила стволы и камни, отовсюду слышалось стрекотание ночных насекомых. Это было его третье восхождение на холм. Несмотря на темноту, Уихара спокойно преодолевал препятствия на своем пути. Реакция его стала почти мгновенной. Он действовал подсознательно, как бессознательно отдергивает руку человек от раскаленного утюга. Уихара шел и шел, глядя на свою тень. Ему казалось, что тень оторвалась от него и сама бежит вверх, увлекая за собой тело.

Наконец руки его уперлись в бетонную стену. Уихара дал себе всего минуту отдыха и сразу же полез через поваленное дерево. Хватаясь за вывороченные корни, которые поблескивали в лунном свете, он с удивлением почувствовал, что на этот раз переход дается значительно легче. На третий раз он уже знал, куда можно поставить ногу, за какой корешок можно взяться, чтобы не сверзиться с высоты. Гибкие, упругие корни напоминали стебли лопухов и мягко пружинили под тяжестью его тела. Некоторые имели выросты наподобие сучков, за которые было удобно держаться, чтобы не потерять равновесие. Однако надежных упоров для ног было мало, и в первый раз Уихара потратил немало времени, чтобы найти верный путь. Ему приходилось ощупывать каждый корешок, каждый нарост, чтобы рассчитать свои шаги. Теперь же нога сама находила дорогу. Уихара видел следы своих первых двух

восхождений и удивлялся, как легко давалось ему третье. Достаточно было протянуть руку, чтобы сразу найти нужный корень. Природа разговаривала с ним на одном языке — случайный человек здесь ни за что не прошел бы.

Выбравшись на бетонную площадку, Уихара распаковал маску и защитный костюм. В голубоватом свечении луны тот выглядел не оранжевым, а белым. Осторожно развернув костюм, как советовал продавец, Уихара отстегнул «липучку» на животе и стал натягивать его на ноги. Ботинки и перчатки были сделаны из очень мягкой резины. Потом Уихара надел маску, и убедился, что ее клапаны работают исправно. Затянув все необходимые крепления, он попробовал пройтись. Дышалось свободно, обзор был хороший. Уихара вдруг осознал, что с этого момента он защищен не только от ядовитого газа, но и от холода, пугающих ночных звуков, крика сов, шелеста листьев и мертвенного лунного света.

Он подошел к щели, бросил вниз веревку и стал осторожно протискиваться между изогнутыми прутьями.

Из лесу вышли трое мужчин. Уихара взглянул на часы — было начало двенадцатого. Время от времени троица замедляла шаг и беспокойно озиралась. Мужчины обменивались репликами и шли дальше. Тот, кто держался впереди, был одет в кожаное пальто и джинсы. На плече у него болтался небольшой рюкзачок. Второй оказался в костюме, поверх которого был накинут плащ. В руке он держал черную папку для документов и был похож на служащего, возвращающегося домой после рабочего дня. Третий, самый последний, шел, приплясывая под музыку, которую слушал через наушники. Человек в костюме был обут в черные кожаные ботинки, а двое других — в кроссовки.

Когда незнакомцы оказались рядом с домом, он услышал обрывки их разговора.

— Пикник какой-то! Кстати, Ханада, вы что, закосили сегодня от работы?

— А, ерунда...

— Может получится гораздо хуже, чем в тот раз...

— Ага, а я уже бахнул!

— Ты думаешь только о выпивке. Хватит трепаться!

— Сакимура! Мы почти пришли! Эй, Сакимура, ты можешь хотя бы на минуту выключить свою чертову музыку?!

— А? Музыку? Да я и так убавил звук до минимума!

— Да не проблема?..

— Да-да, не проблема! Я вас хорошо слышу!

Кроме одежды эти трое различались и внешне. Тот, что в кожаном пальто, носил черные очки. Длинные волосы были собраны на затылке в пучок. На взгляд — лет двадцать пять, не больше. Владелец костюма выглядел на все сорок. Он то и дело останавливался, чтобы счистить грязь с подошв своих ботинок. Его-то и звали Ханада. Парень с плеером, наверно, еще учился. За его спиной угадывалась сумка на ремне. Он снял наушники, только когда компания подошла к самому зданию мастерской. Его звали Сакимура. Все трое отличались весьма малым ростом. К тому же было заметно, что они не привыкли много ходить.

— Эй, гляньте-ка!

— Кажется, это и есть мастерская...

— Ну да, вроде так!

— Ясно. Я понял. Довольно-таки мрачное место, вы не находите?

— А кстати, знаете, что Сучия заболел?

— Не, первый раз слышу. А что с ним случилось?

— Помните, месяц тому назад Сакимура написал новую программу?

— Но все же это не мой косяк!

— Ну и, короче, Сучия от нее заклинило по полной.

— Да говорю вам, что я тут ни при чем! Этот придурок уже давно был малость того!

— Ладно... Хотя я с ним общался и ничего такого не заметил...

— И когда же он съехал окончательно?

— Ну, полгода тому назад...

- Ханада, вы что думаете?
- Старо! Он уже месяца два как выписался из больницы!
- А где он теперь работает?
- Вообще-то в Нагоя.
- Работает? Разве этот болван еще может работать?
- Ну, может, и не работает...
- Да ладно... Последнее время он был какой-то озабоченный...

Ревнивый, да к тому же и бухтел постоянно...

- Ага, это точно!
- А почему, собственно?
- Да из-за этой... как ее? Она еще работала в страховой компании

«Нихон Сэймэй»...

- Йококава...
- Я слышал, у них что-то было.
- Да нет, не с ней! У него было с барышней Хоси.
- Хоси?
- Ну да, точно. Она приезжала из Сингапура...

— А, это та, которая говорила, что она директор рекламного агентства, а потом оказалось, что все это враки... На самом деле она работала в типографии.

- Ага.
- А Сучия, кажется, восхищался ею...
- Это точно. Хотя все равно у них ничего не вышло. А этот дурак

всему верил...

— Не представляю, как он мог увлечься ею? Из Сингапура, да еще такая...

- Эй, Сакимура, ты что-то хотел сказать?
- Ты когда с ней познакомился? Не под Новый год?
- Может быть... если это была она. Ну, тогда... в Ниси-Синдзуку.
- А-а-а... Ты тогда здорово нализался!
- И что? Ты ее трахнул?
- Ну, она не производила впечатления целки-невидимки...
- Нет, все-таки? Трахнул?

— Мы разговаривали...

— О чем? О мальчиках, что ли?

Троица остановилась у дверей мастерской. Уихара спустился и отпер дверь.

— Проходите, пожалуйста...

Его голос приглушался надетой маской. Увидев его в таком наряде, все трое выпучили глаза и лишились дара речи. Так, молча, они проследовали внутрь здания. Уихара закрыл дверь и накиннул замок. Гости никак не могли оторвать глаз от защитного костюма Уихара. Тот, кого звали Ханада, хотел что-то спросить, но Уихара жестом попросил его молчать и указал на лестницу. В руке он держал тот самый штырь, что подобрал около сарая. Так, вооруженный и облаченный в костюм, он чувствовал себя гораздо увереннее. Гости тем временем стали подниматься по лестнице.

Наверху они увидели привязанную к стулу человеческую фигуру. Это было творение Уихара — он сделал манекен из старых мешков, набив их газетами. Работал всю ночь. Туловище он соорудил из обрезка бруса, обтянув его мешковиной и обмотав своей грязной рубашкой. Голова представляла собой мешок, набитый газетной бумагой. Волосы были сделаны из черных веревок. В рукава рубашки Уихара продел веревки потолще, и получились руки. Обломки веток должны были изображать ноги. На левую был надет единственный башмак, вторая же оканчивалась ржавой банкой. Это была одна из тех «консервных банок», что Уихара вынес из бомбоубежища. На лице чучела черным маркером было выведено: «Старик А». Привязанный к стулу «старик А» действительно походил на человека. Трое гостей снова выпучили глаза.

— Ну вот, а теперь я приступлю к экзекуции, — произнес Уихара.

Гости бессознательно подошли вплотную к манекену, следя за штырем в руке Уихара. Время от времени все трое судорожно сглатывали — даже через стекло маски было заметно, как двигаются их кадыки.

— Подойдите поближе, не стесняйтесь.

Троица послушно сделала шаг. Своей одеждой они почти касались рубашки на манекене (в ней Уихара первый раз перелезал через

поваленное дерево, и ткань во многих местах была заляпана красной глиной и землей). Человек в черных очках взглянул на своих товарищей и попытался засмеяться, но смех застрял у него в глотке. Ханада в упор посмотрел на Уихара. Сакимура спрятал наушники в карман.

Уихара замахнулся и треснул манекен по голове. От удара голова отделилась от туловища и покатила по полу. Он бросился следом и несколько раз воткнул штырь в бумажный шар.

— Ты что, охренел?! — вдруг закричал Ханада.

— Идиот, кретин!!!

Из бумажной головы, дребезжа, выкатилась еще одна ржавая банка. Уихара поймал ее и стал долбить своей железякой, приговаривая: «Сдохни, сдохни!»

— Эй, эй, успокойся! Слышь, парень!.. — завопил человек в очках. В ту же секунду он схватился обеими руками за горло и рухнул на пол.

Ханада, закрыв руками лицо, ринулся вниз по лестнице, но споткнулся и покатила по ступенькам. Сакимура тоже хотел было бежать, но вместо этого опустился на колени и принялся скрести ногтями пол. Из пальцев брызнула кровь. Уихара спустился по лестнице, чтобы посмотреть, что случилось с Ханада. Тот, извиваясь, полз между станками. Судя по всему, он свалился прямо на рабочую часть машины, и Уихара немало удивился, увидев его еще живым.

Станки были предназначены для ошкуривания бревен. Каждая машина имела рабочую часть, состоявшую из направляющей, куда укладывался ствол дерева, зажима и лезвия. Лезвие приводилось в движение посредством ременной передачи. Его рабочая кромка была сильно изношена. На приборной доске виднелись какие-то надписи, но прочитывать что-либо было решительно невозможно из-за ржавчины и пыли. Станки опутывали змееподобные электрокабели, поблескивавшие оголенной медью. За моторным отсеком виднелось устройство, смахивавшее на корабельный штурвал. Там же находился какой-то металлический ящичек, вероятно переключатель скорости.

Пытаясь встать на ноги, Ханада одной рукой хватался за выступавшие части механизмов, а другую прижимал к лицу. Приблизившись, Уихара увидел, как сквозь пальцы ручьем льет кровь.

XIII

Ханада стало рвать кровью. Уихара подошел к нему, ухватил за волосы и повернул к себе лицом. Ханада попытался вдохнуть и едва не захлебнулся. «Ему, вероятно, и дышать-то нечем», — подумал Уихара. При каждом вдохе Ханада прижимал руку к груди, и лицо его искажалось от боли. Иприт уже успел разрушить легкие. Его воздействие усиливалось под действием тепла солнечных лучей, лившихся в широкие окна мастерской.

Ханада продолжал плевать кровью. Уихара резко толкнул его голову вперед, и изо рта несчастного на пол хлынул мощный поток. Тело забилось в судорогах, и в руках Уихара остался здоровенный пук волос. Прилипшие к резине перчаток, отдельные волосинки были похожи на маленькие вздувшиеся кровеносные сосуды.

Судороги стали еще страшнее, и Уихара услышал хрип — словно закрипело несмазанное железо. Все вокруг было забрызгано алым. Из раскрытого рта умирающего побежала темная струйка. Но, несмотря на это, Ханада полз и полз к лестнице, где валялась его папка. Наконец ему удалось сесть. Чтобы хоть немного продвинуться вперед, Ханада взмахивал руками, отчего стал похож на гребца в лодке. В его движениях уже не оставалось ничего человеческого. Пытаясь подняться, он так выгибал ноги, что едва не лопались сухожилия.

Уихара не выдержал, поднял папку и протянул Ханада. Тот пошевелил губами, но понять, что он хотел сказать, не было никакой возможности. Голова его моталась из стороны в сторону. Из папки выпало несколько скрепленных между собой листиков коричневатой бумаги. На первом листе значилось: «Расчет».

— Прочтите... п-п-п-рочт... — прохрипел Ханада и указал на листочки.

Уихара заметил что-то странное на его губах, но решил, что это прилипла стружка с пола.

— Д-д-доказательство... Я не такой, как Сакимура и Сигехара...

Но это была не стружка. На губах Ханада росла опухоль. Сначала она была не больше зернышка риса, потом стала похожа на фасолину и наконец достигла размеров теннисного мяча Уихара показалось, что он смотрит научно-популярный фильм о том, как гусеница превращается в бабочку... Но Ханада все отлично понял, и в его глазах отразился смертельный ужас. Он хотел что-то добавить, но вместо слов изо рта у него вырвалось сипение. Вдруг кожа на опухоли разошлась, и на подбородок полилась беловатая масса, смешанная с кровью.

Уихара подобрал листки и начал читать.

Предложения по модернизации веб-страницы Йосико Сакагами. Автор: Масацуми Ханада.

Здесь изложены некоторые заметки по улучшению работы и модернизации вашего сайта.

1. Поисковая система. Общие сведения для создания баз данных и системы гипертекстовых ссылок.

2. Backbone Information System. Каталоги он-лайн. Возможности выстраивания ссылок между сайтами.

3. Создание «бегущей строки». Отображение в реальном времени «горячих» новостей и комментариев. Возможность быстрого поиска информации для ответов посетителям сайта. Распространение и хранение файлов с фотоизображениями, текстами, видеоклипами. Синхронизация информационных потоков из расчета на 10 000 соединений за единицу времени.

4. Leaders — Special Communication. Возможность создания посетителями сайта собственных страничек. Таким образом, поклонники Йосико Сакагами получают дополнительные средства самовыражения и смогут обмениваться мнениями, не попадая в Список рассылок. Ожидаемый результат: привлечение новых посетителей и возможность проводить опросы общественного мнения.

5. i-mode & WAP. Совместимость с системами Windows CE, Zaurus, IDO, Docomo NTT (compact HTML), W-CDMA для мобильных телефонов и MPEG4.

Уихара увидел имя Йосико Сакагами и понял, что действительно имел дело с «Интер-Био». Посреди текста был наклеен маленький стикер красного цвета с надписью «Отклонено». На обороте первого листочка Уихара увидел еще один текст — рукописный. Почерк был мелкий, дрожащий и почти неразборчивый.

Я пойду другой дорогой. Решение мое неизменно. Истина проста: я это я, А это А, Б это Б, а Йосико Сакагами — это только Йосико Сакагами. Это мое прощальное письмо. Прощайте... Сколько раз я хотел сказать им это?

Я пишу это письмо, когда решение уже принято. Так велит мне совесть... Вся ответственность я готов взять на себя. Я есть то, что я есть на самом деле. Я не мог разместить это письмо на сайте, хотя именно моими стараниями он существовал и существует. Надеюсь, оно не попадется на глаза постороннему.

Какие же они идиоты! Все до одного. Это единственное, в чем я до конца уверен. Но даже об этом не вправе говорить публично. Это судьба всякого, кто стоит выше остальных. Но скоро настанет день, и истина выйдет наружу. А пока буду хранить ее в себе.

Нет, Сакимура и Сигехара не сумасшедшие. Есть люди и пострашнее их. Просто они жертвы интернет-сообщества. Настанет время, г-жа Сакагами, и вы прочтете мою исповедь... и я полагаю, этот день станет последним днем нашей последней битвы. Вы ненавидели меня — это неудивительно. Все возвращается на круги своя. Это кара. Сакимура оклеветал вас на своем новом сайте. Сигехара взломал ваш, чтобы приблизить его конец. Они считали, что поступают по справедливости. А как они гордились этим!.. Я знал про эти дела и тем не менее сам стал сотрудничать с ними. Это было необходимо для нашего общего дела, хотя я долго колебался... Вообще-то я покривил бы душой, если бы стал утверждать, что работал с ними только ради дела. Нет. но я считал, что обязан приходить к ним на помощь. Кем бы они стали без меня? Я до сих пор вздрагиваю от этой мысли. Наверное, в этом и заключалось мое предназначение в этой жизни... Я жил с одной

только мыслью: чтобы наше будущее (каким бы блестящим оно ни казалось) всегда зависело только от нас самих.

Я пишу это письмо, потому что нужно сделать шаг вперед. Тридцать лет я только и занимался, что воспитывал и наставлял людей. Сейчас глубоко убежден, что среди них не было посредственностей. Я не могу понять посредственных и зависимых. Они совершенно меня не интересуют, разве что как биологический вид. Своей исповедью я хочу сказать, что я не такой, как Сакимура и Сигехара...

Пишу эти строки рано утром. Если бы я писал ночью, то сейчас стыдился бы своих слов... я знаю это, потому что стою выше остальных. Важные вещи следует писать только утром. Г-жа Сакагами, Сакимура и Сигехара иногда оскорбляли вас. Но если это и было на самом деле, то только потому, что они много терпели и от вас самой. Знайте же, эти двое — одной с вами породы. Они — это всего лишь поза и кривлянье. Г-жа Сакагами, я любил вас (да и сейчас, кажется, продолжаю любить), потому что мне удалось достичь того же уровня, которого достигли вы. А Сакимура и Сигехара об этом даже и не догадываются. Что же из этого следует? Признаюсь: я всю жизнь мечтал строить этот мир только для тех, кто способен двигаться вперед. Если бы Сакимура и Сигехара узнали об этом, они бы подняли меня на смех. Для них все это шуточки. Я осмелюсь заметить, что эти двое всего-навсего жертвы. Наверное, мне стоило сказать об этом хотя бы Сакимура, когда он выписывался из больницы. Но я промолчал... А потом услышал похожие слова от Сигехара. Этот Сигехара — ничтожная и зависимая личность. Ему на все наплевать. Только я знаю, что Сакимура плакал, когда узнал, что вы собираетесь подать на него в суд. Однако и тот и другой куда честнее всех этих полупомешанных, что окружают нас. Это знают все, кто посещал сайт... Я относился к Сакимура как к подчиненному, но только лишь потому, что не мог стать таким же податливым, как он.

Г-жа Сакагами, надеюсь, что когда-нибудь мысли, что я излагаю здесь, принесут вам пользу. Когда мы начинали работу над вашим сайтом, нам следовало внимательнее относиться к подбору сотрудников. В команде создалась очень нездоровая атмосфера, а все потому, что

люди оказались неспособными к элементарному общению. Между людьми всегда будет существовать неравенство, но из нас мало кто это понимал. В конце концов, в этом и заключается причина провала. Г-жа Сакагами, вы окружены посредственностями, и было бы глупо критиковать вас за это... Случись в вашем окружении люди неординарные, и вы вряд ли смогли чего-нибудь достичь. Вы бы просто затерялись среди них.

Я уйду, потому что не в состоянии выносить всеобщего невежества и наплевательства. Никто не понимает, что из-за ошибок Сигехара Сакимура сделался форменным психом. И все смотрят только на меня. А стоит лишь показать им свою силу, как все тотчас же рухнет... Сакимура с виду и не похож на свихнувшегося, но все равно останется под надзором врачей, даже если наотрез откажется признать себя больным. А во всем виноват Сучия. Именно благодаря ему все узнали, что Сакимура не в себе. Ведь достаточно одного сообщения по электронной почте, чтобы новость узнали абсолютно все. И если весь смысл игры заключается только во взаимной клевете, то немедленно начнется жуткий бардак. Я несколько раз пытался обратить внимание г-жи Сакагами на подобные вещи, но вы не посчитали нужным выслушать меня. Тогда-то я и примкнул к Сигехара и Сакимура. Я возлагал на наше сотрудничество большие надежды. Уверяю, я хотел им помочь — они явно этого заслуживали, — помочь им вырваться из трясины посредственности. Вы, наверное, помните Итагаки? Сначала он испытывал что-то вроде комплекса неполноценности. Я рассказал об этом Сакимура, но он посчитал, что первым делом нужно спасти Сучия. В какой-то мере, как я теперь понимаю, это и подтолкнуло Итагаки к самоубийству. Он не доверял Сучия. Итагаки не был Сучия, а тот не был Итагаки — вот и все (кому надо, тот поймет, что я хочу этим сказать). Итагаки любил гулять в парках и разговаривать с деревьями. Он даже снимал со стволов насекомых, которые, по его мнению, могли бы причинить им вред. Хотя Сигехара, Сакимура и я сильно отличались друг от друга, но, когда нужно, мы умели находить общий язык, особенно если дело касалось взаимной выгоды. Когда Итагаки первый раз

засветился на сайте, Сакимура сказал, что понимает этого парня, тогда как Сигехара вылил тому на голову поток оскорблений. Итагаки принял его слова как одобрение... но именно они явились предвестниками будущей катастрофы. Сигехара работает секретарем в какой-то редакции, ему двадцать девять лет, он очень болен, но все-таки он прямой и открытый человек. Просто у него своеобразная манера изъясняться.

Одним словом, Сакимура и Сигехара решили убить Итагаки. Я знал об этом, но не спешил помогать. «Ты все равно соучастник, Ханада», — заявили они. Ребята намекали мне на наши общие дела, но они совершенно не знали, что я на самом деле о них думал. Сакимура — сын хозяина гостиницы где-то в префектуре Ибараги... Знаете, мне нравится говорить о других, хотя я вышел бы из себя, если бы обо мне говорили нечто подобное... Я не хотел бы обидеть Сакимура и Сигехара. Напротив, я пытаюсь показать всю глубину их характеров... А если точнее, хочу выяснить для себя, могли бы они в действительности достичь более высокого уровня своего развития? Конечно, проще было бы забыть о них, но это равносильно тому, если бы я послал их на верную смерть. Они же как новорожденные — их нельзя еще отлучать от материнской груди... то есть от меня. Как я мог их бросить? Я всегда был таким... с самого детства. Меня научила этому моя бабушка...

Мы все получили сообщение Итагаки о том, что он собирается покончить с собой из-за распространяемой в его адрес клеветы. Итагаки хотел облить себя бензином у корней какого-нибудь дерева и тем самым защитить свое доброе имя. К тому же, говорил он, его труп послужил бы для дерева неплохим удобрением. Я отправился вместе с Сакимура и Сигехара в парк, чтобы посмотреть, как Итагаки сведет счеты с жизнью, но все-таки я не считаю себя их соучастником. В том парке есть аллея, где растет хурма... Итагаки пришел в назначенный час, вылил из молочной бутылки себе на голову бензин и чиркнул зажигалкой. В тот день шел дождь, и Итагаки только слегка обгорел... Этот случай натолкнул их на мысль, и они принялись за дело. Они стали терроризировать женщину, которая называла себя Амамия. Им удалось

взломать ее почтовый ящик и получить компрометирующую информацию. Свинство, конечно... Ее настоящее имя оказалось Йосида, а работала она в Министерстве труда. У нее была врожденная травма левой ноги... Мы решили найти ее, чтобы посмотреть, на что это похоже. Нам удалось выследить Амамия на станции метро «Касумигасаки». «Вот она, смотрите!» — воскликнул Сакимура и указал пальцем. Мы выслеживали ее не один день. Амамия являлась чиновником первого ранга, но при этом не обладала какой бы то ни было собственной волей. Из тех, кто только и умеет, что жаловаться на обстоятельства. Я убил немало времени, пытаясь ее утешить, но она даже не поняла, что я хотел сделать. А Сакимура и Сигехара, получив доступ к ее электронной почте, решили известить ее и полностью подчинить себе. Однако Амамия не очень впечатлилась их угрозами. Она подключила к этому делу Общество защиты Сети. Озорники даже маленько струхнули. На мой взгляд, взлом чужих ящиков и перехват почтовой корреспонденции — столь же мерзкие деяния, как убийство или каннибализм, однако Сакимура и Сигехара сохраняли полнейшее хладнокровие. Наши сообщения проходили через несколько серверов, и таким образом нам удавалось замести все следы. Они потеряли совесть, а когда я понял, что они считают меня ответственным за все их преступления, то испугался не на шутку. Но, как говорится, поднявший меч от меча и погибнет... Сакимура скоро угодил в больницу, а Сигехара подсел на транквилизаторы. Они начали подозревать друг друга во всех смертных грехах, и я остался единственным, кому они еще доверяли. На мой взгляд, оставить их в таком положении было решительно невозможно. Я готов присягнуть, что говорю правду, хотя и не могу доказать этого. Единственное, чем я мог им помочь, так это сделать вид, что разделяю их взгляды. И все же я не был до конца уверен в своей правоте... и моя мать видела это. Я не хочу здесь касаться моей матери, даже если бы это и помогло доказать мою невиновность...

Г-жа Сакагами, помните, вы отвергли мое предложение о кардинальном изменении структуры вашего сайта. Они считали, что я страстно этого желал, а на самом деле меня вся эта история ничуть не

волновала. Чем больше я думал о делах, тем меньше это меня беспокоило. Я никогда, правда, вам не говорил, что судьбой мне суждено стоять выше остальных. Впрочем, вы никогда и не смогли бы понять меня. Конечно, я не стал бы говорить вам это прямо. Я бы сказал: «Ну, видите ли, я мог бы уйти... это не проблема...» Но даже в этом случае г-жа Сакагами не поняла бы меня. Я ни разу не давал ей никаких указаний, ничему не поучал. Для высшего существа достаточно просто находиться на своем месте, чтобы осенять своей милостью низших и зависимых... А для этой посредственности мой уход стал роковым.

Моя мать родила меня, когда ей было сорок шесть (она сама родилась в эпоху Тайсё). Йосико Сакагами ошибалась на мой счет, а я тем не менее всегда старался избежать недоразумений в наших отношениях. Озорники ничего лучше не придумали, как обозвать меня виляющей хвостом собакой и распространить этот пасквиль по всей Сети. Они разместили это письмецо даже на вашем сайте, г-жа Сакагами! И теперь мне ничего не остается, как распрощаться с вами. Я отправил им сообщение, в котором уведомлял о своем уходе, а они в ответ пожелали мне счастливого пути. «Пока, пока!» Я сам употреблял это выражение настолько часто, что даже забыл, что оно означает на самом деле.

Да зачем мне все это? Чтобы всю жизнь видеть перед собой придурков, одержимых идеей напакостить своему ближнему? Придурков столь ничтожных, которые даже не в состоянии понять, что причиняют зло! Чтобы превратиться в сообщника людей, идущих на верную гибель? «Вот, — сказал я сам себе, — вот она, человеческая природа!»

Однажды моей матери стало так плохо, что она начала помышлять о смерти (мне страшно рассказывать об этом, но тем не менее я должен). У постели матери в тот момент сидела ее прабабка, которая сказала ей, что она должна родить ребенка... то есть меня. И моя мать вернулась к жизни... и благодаря ей я смог появиться на свет. Мне дали имя Масацуми, что означает «Чистый и справедливый». Мать вырастила меня. В школе (равно как и на работе) никто не годился мне и в

подметки, но я не выказывал по этому поводу ни малейшей гордости и продолжал идти предначертанным мне путем. Мне полагалось быть скромным, и мать постоянно твердила об этом. Мне удавалось избежать козней и наветов со стороны менее одаренных людей. Мне неустанно прививали понятие о добре и справедливости... и теперь мне очень жаль, что я не смог внушить эту мысль Йосико Сакагами.

И вот на нашем форуме появился новый участник. Его звали Уихара...

Прочитав свое имя, Уихара почувствовал, как затрепетало его сердце. Он отложил записки и посмотрел на тело автора. Ханада не двигался... Уихара решил оттащить его в соседнюю комнату и зарыть там в опилках. Он взял Ханада за руки, подтянул к себе... Присмотрелся — нет, вроде не дышит.

В комнате было довольно сыро, и в опилках Уихара заметил множество белых яичек. Он раздавил несколько, и на перчатках остались беловатые следы. Вероятно, это были яйца насекомых. Пальцы Ханада были покрыты бугорками, словно под кожу ему загнали небольшие шарики. На ладони опухоль была побольше. Кожа приобрела розовый оттенок и так натянулась, что казалось, поднеси к ней иголку — и она лопнет.

Ханада был еще жив. Когда опилки попали ему в рот, его тело несколько раз свело судорогой. Все это чем-то напоминало игру на пляже, когда человека шутки ради закапывают по шею в песок. Уихара подумал, что тех двоих тоже придется закопать рядом с Ханада. Места всем хватит. И очень скоро опилки пропитаются трупным запахом...

Мы попробовали собрать о нем хоть какую-то информацию, но его почтовый ящик был пуст. Сигехара первый заинтересовался им. Он придумал термин «хослокатерия», чем и привлек внимание Уихара. Озорники решили довести парня до преступления или до самоубийства. Однако мне показалось, что Сигехара не очень серьезно отнесся к этой

мысли (кстати, Сакимура подозревал то же самое). Но Сигехара заявил, чтобы я не слишком печалился о нем.

Уихара выразил желание познакомиться с нами. К тому же его воодушевляла мысль о том, что мы можем устроить ему встречу с Йосико Сакагами.

Мы частенько выпивали с Итагаки. Также мы были не прочь посидеть и с Амамия. Мне кажется, что мы поступали с ними по-человечески. Да и не из чего было делать тайну. Ко мне заходили Сакимура и Сигехара, мы пили вдвоем и болтали о всякой всячине. Мы избегали разговоров о работе. Говорили больше о кино, о музыке, концертах... Родители Сигехара держали пошивочную мастерскую, и он постоянно хвастался богатыми клиентами. Я ничего не рассказывал Сигехара о себе и подозреваю, что Сакимура тоже. А тот знай себе врал, рассказывая, какие знаменитости заходят к ним в магазин: политики, бизнесмены, писатели. Мы с Сакимура только улыбались. Сигехара почти ничего не пил, поскольку сидел на транквилизаторах. Иногда, правда, позволял себе коктейли, которые сильно разбавлял водой. Сакимура тоже принимал таблетки, но убеждал, что в женском обществе может выпить даже несколько стаканов вина. Когда он приходил, разговор сразу оживлялся. Больше всего мы любили потрепаться о девушках и вечеринках. Помимо прочего, Сакимура занимается музыкой. Кажется, он играет на синтезаторе, хотя нам так и не удалось его послушать. Думаю, что по-настоящему он и играть-то не умеет. Не знаю... мне почему-то так кажется.

Ко мне часто обращались посетители сайта и рассказывали о своих проблемах и заботах. Представьте себе, некто пишет, что болен. А на проверку выходит, что никакой болезни нет и в помине. Смешно, не так ли? Уихара пишет, что собирается совершить убийство. Таких преступников, как он, в Сети — легион. Постоянно натыкаешься на сообщения типа: «Я хочу убить такого-то и такого-то». В Сети можно говорить и писать о чем угодно.

Теперь я учу школьников из моего района пользоваться компьютером, как создать свою собственную страничку и тому подобным

вещам. Самая распространенная реакция — радость по поводу того, что в Сети можно делать все, что душе угодно. Никто не схватит тебя за руку, никто не узнает, кто ты на самом деле. Причем эту мысль высказывают не только дети, но и их родители, и даже учителя. А я думаю, что, не будь Интернета, и Сакимура, и Сигехара никогда бы не заболели. Сеть прежде всего губит людей рискованных, неспособных к самосовершенствованию. Заболев, такой человек уже никогда не выздоровеет, если не прекратит пользоваться Интернетом. Я, например, помимо успокоительного, постоянно принимаю снотворное и антидепрессанты.

Поначалу Сакимура симпатизировал Уихара. Ему уже доводилось общаться с подобными сочинителями. Однако я заметил ему, что в таком случае наша группа увеличилась бы до четырех человек, а четное число всегда приводит к несчастью. Сакимура хотел познакомиться поближе с этим Уихара и, если окажется, что он умеет играть, организовать с ним ансамбль. Мы с Сигехара не отговаривали его, но и особой радости от этого тоже не испытывали.

Недавно Сакимура позвонил мне. Я терпеть не могу болтать по телефону, хотя нам случалось разговаривать по три-четыре часа. Я не узнал его голоса и несколько раз переспрашивал, с ним ли я разговариваю. О работе я мог беседовать только с Сакимура и Сигехара...

Теперь же я вынужден покинуть их компанию. Я должен уйти, причем немедленно. У меня есть свой путь. Я не хочу работать у кого-то в подчинении. Так говорила мне мать с самого моего детства. Мои знакомые поражаются моей внутренней энергии. Откуда она берется? Кажется, и вы говорили мне о чем-то подобном, не правда ли, г-жа Сакагами? Поэтому-то я и пишу. Это будет доказательством. Я хочу прокричать, прорычать здесь, что я не такой, как Сакимура и Сигехара. И они прекрасно это знают. И только потому, что я не похож на них, я мог с ними работать. По сравнению с остальными они отличные ребята. Между нами было что-то, напоминавшее дружбу, но ведь и дружба имеет свои границы. И если мы увидимся через много-много лет, они узнают

меня. Они узнают, потому что я так много для них сделал. Йосико Сакагами тоже должна понимать это... но ей не хватит смелости показать, что мы были знакомы. Йосико Сакагами всего лишь посредственность. Ее ограниченность ясна всем вокруг, и ей уже не превзойти своих границ. Известность сделала ее слепой. Ее популярность неуклонно снижается — таков удел всех посредственностей. Я, хотя и общаюсь с людьми вроде Сакимура или Сигехара, тем не менее не теряю собственного достоинства и продолжаю самосовершенствоваться.

Вот причины, по которым я вынужден уйти. Иначе эти двое будут продолжать питаться моей энергией. Я покидаю вас именно из-за них. Именно из-за них моя сила стала убывать.

Я никогда не считал себя лучше других. Те, кому суждено стоять выше всех, не должны поддаваться таким мыслям. В этом и заключается истина. Ради таких истин человек и приходит в этот мир. Я не могу иначе. Мы все равны, и только поэтому существуют невидимые простым глазом уровни, которые дано узреть лишь немногим. Сакимура и Сигехара чувствовали эту разницу и не хотели, чтобы я покинул их. Но наступил предел.

Я надеюсь, что вы, г-жа Сакагами, скоро поймете, о чем я говорил. У вас есть еще немного времени. Еще один-два шага, и вы сможете стать другим человеком. Но для этого вам нужно прислушаться к голосам критиков и к мнениям, что высказываются у вас на форуме. В этом и заключается единственная возможность достигнуть высшего уровня. В конце концов, высшими существами не рождаются, а становятся. А для этого нужно от слов переходить к делам. Сейчас или никогда! Это все, что я хотел сказать.

Я не такой, как Сакимура и Сигехара.

Прощайте.

XIV

Уихара закончил читать записки Ханада, сидя на террасе кафе «Мадемуазель». Чтобы прочитать все, ему потребовалось чуть больше часа. И все-таки Уихара не понял ничего из этих записок. Впрочем, это

было не важно. Главное, он еще раз удостоверился, что имел дело с «Интер-Био». Бумаги он решил бросить в мусорный бак по дороге на вокзал.

Солнце спокойно совершало свой путь к западу. Уихара понаблюдал за толпой, что суетилась на улице, потом включил компьютер. Ему захотелось зайти на сайт «Интер-Био». На экране возникла знакомая надпись:

Если вы попали сюда по ошибке или пытаетесь загрузить страницу без предварительной регистрации, убедительная просьба немедленно выйти из системы. Если вы продолжите, мы оставляем за собой право на применение к нарушителю установленных законом санкций. Предупреждаем: ваш электронный адрес уже идентифицирован!

«Интер-Био»

Раньше под этим предупреждением высвечивалось имя Уихара и адрес его электронной почты. Теперь их не было. Людей, что создали эту страничку, больше не существовало. «А сайт останется таким навсегда», — подумал Уихара. Он похоронил их в опилках. В рюкзаке Сакимура он нашел видеокамеру «Сони». Тот, наверное, хотел заснять нечто грандиозное... В перчатках было трудно нажимать на клавиши; Уихара воспользовался ручкой, найденной в папке Ханада, и, перед тем как окончательно засыпать трупы опилками, долго снимал их.

Их лица и руки стали неузнаваемыми из-за многочисленных отеков и опухолей. У Сигехара под самым носом вырос пузырь величиной с теннисный мяч. С течением времени цвет кожи стал меняться. Заполнившая пузырь кровь сделала кожу сначала бордовой, а потом черной. У Сакимура опухоль оказалась тоже величиной с мяч, но уже волейбольный. Она появилась на шее, и на рубашке отлетела верхняя пуговица. Опухоль казалась разделенной надвое. Уихара нажал на клавишу «zoot» и снял эту красоту крупным планом. Лицо мертвеца покрывало множество мелких пузырьков и язвочек, отчего оно сделалось похожим на поверхность какой-то планеты. Марса, например.

Уихара внимательно смотрел на лица покойников, следя за моментом, когда должен появиться белесоватый червь. У Сигехара

мелкие опухоли совсем закрыли ноздри. У двух других чудовищно распухли губы. Они умерли с открытыми ртами. Уихара подождал еще минуты две — червь хослокатерия так и не появился. Значит, эти люди не были в числе избранных. Уихара засыпал их опилками. То тут, то там он замечал мелких и крупных насекомых, благо температура воздуха и влажность были почти идеальными. У Уихара некогда был приятель, который выращивал в опилках личинок жука-оленя. Насекомые не спешили укрыться в стружках, а стали заползать в ноздри и уши мертвецов. Уихара долго наблюдал за ними, смотрел, как они копошатся в язвах, что образовывались на месте лопнувших пузырей.

Да, теперь ему некому слать сообщения. Уихара вздохнул и стал смотреть на свое отражение в черном экране. И Йосико Сакагами не приехала. Правда, не пройдет и нескольких дней, как она первая захочет повидаться с ним. Она легко узнает лица на видеозаписи. Можно будет послать ей копию... или лучше сразу скинуть на ящик. Это проберет ее до самых печенок! Наизнанку вывернет! И тогда она сделает все, что только захочет Уихара. Она поймет наконец, с кем имеет дело!

К Уихара подошла официантка, глянула на экран его компьютера и улыбнулась. Должно быть, ее улыбка означала: «А я все знаю!» Ну да, верно. Кто-то же должен знать, что произошло этим утром. Впрочем, он был вправе никому не отчитываться о проделанной работе. И так поймут...

От вещей, что были на трупах, он избавился очень просто — побросал их в бомбоубежище. Никто их там не найдет. Да если и найдет, то все равно не сможет вытащить на поверхность. Уихара тщательно вымыл защитный костюм в ручье и спрятал его рядом с пещерой. Там на дне осталось больше сотни банок с ипритом, которые в случае чего можно будет добыть и продать. Например, ими может заинтересоваться хозяин магазина, где он купил защитный костюм и маску. А может быть, их захочет приобрести эта милая девушка, которая только что улыбнулась ему.

Улица купалась в лучах заходящего солнца. Расплачиваясь у кассы, Уихара поискал взглядом девушку, но та не появлялась. В кафе

было немногочисленно, и официантки попрятались в служебной комнате. За стойкой кто-то сидел на корточках, но, как Уихара ни старался, ему так и не удалось определить, была ли это та самая девушка. Он даже не знал, сколько их тут вообще работает: четыре, пять? Все они были одеты в одинаковые белые платья и носили на шее красные шарфики. Одни девушки были в гольфах, другие в колготках телесного цвета. Кто-то носил сандалии, другие щеголяли в туфлях на широком каблуке. Но когда Уихара направился к выходу, весь персонал кафе выстроился и хором прокричал: «До свидания! Спасибо вам!» Среди них была и та девушка. Единственная девушка, которая знала, как под воздействием иприта на человеческом лице вырастают чудовищные пузыри и что их поверхность напоминает поверхность Марса или Венеры. Да, она знала это — самым верным доказательством служила ее улыбка.

Солнце заглядывало в окна вагона. На лавках сидело человек десять. Напротив Уихара пристроилась сладкая парочка. Парень был худ как жердь и жевал резинку. Девушка положила ногу на ногу и рассматривала свои пальцы. Железнодорожная ветка изобиловала поворотами, и солнце светило то сзади, то сбоку, то в лицо. Отчего-то цвет его лучей навевал мысли о скорой зиме...

Уихара поставил свой рюкзак между ног. Внутри был ноутбук, спальный мешок и кое-что из одежды. На поворотах вагон сильно трясло, и мало-помалу рюкзак стал наезжать на ноги сидевшей рядом женщины средних лет. Она спала и не проснулась даже тогда, когда рюкзак упал ей на ногу. Уихара посмотрел на ее руки, мирно лежащие на коленях, — на тыльной стороне ладони виднелись какие-то нечитаемые знаки и стояли цифры: «...15-3».

А потом он услышал звук, напоминающий стрекотание ночных насекомых, какой ему доводилось слышать в лесу. Возможно, кто-то из пассажиров включил плеер или еще что... Уихара повертел головой, чтобы определить источник шума, но не нашел. Звук не прекращался. Уихара показалось, что у него над ухом кто-то пересыпает песок в жестянку. «Может, поезд скрежещет по рельсам?» — подумал Уихара. Но в этом случае его ритм менялся бы в зависимости от скорости поезда.

Уихара зажал руками уши, и звук усилился. Но как только он попытался прислушаться, звук тотчас же пропал. Уихара было вздохнул с облегчением, но проклятое шипение послышалось вновь.

По мере того как поезд приближался к центру Токио, народу в вагоне становилось все больше. Правда, час пик еще не наступил, и пассажирам не нужно было перелезть через голову друг друга. Каждый стоял особняком, стараясь не касаться соседа. Хотя в вагоне оставались сидячие места, некоторые пассажиры предпочитали стоять, ухватившись за болтающиеся на поручнях петли. Шипение не прекращалось. Всю свою жизнь Уихара страдал от постоянного шума в ушах. Доктор объяснил ему, что шум происходит оттого, что кровяное давление снижается на семьдесят процентов, и это может привести к весьма печальным последствиям. В таком случае требовалось немедленно лечь. Поэтому, валяясь по утрам в постели, Уихара не ленился, а всего лишь следовал рекомендациям своего врача. Однако у его отца был иной взгляд на эту проблему, и даже доктору не удалось его убедить, что его сын болен, а не прикидывается дурачком.

Врач говорил, что мигрень, тошнота и головокружение — всего лишь реакция организма на внешние раздражители. Это были своего рода сигналы приближающейся опасности, как, например, резкие скачки температуры при простуде. Странно, но в лесу Уихара не слышал ничего подобного... если только этот звук не заглушался стрекотанием насекомых и пением птиц.

Рядом с Уихара стоял человек с перевязанной головой. Разглядывая его, Уихара вдруг понял, на что же действительно похоже это шипение. Он вспомнил звук, который издавал аппарат в доме хромой старухи.

Старуха угостила его горячим шоколадом и перевязала рану на руке... Она изменила его жизнь. Уихара вдруг испытал страстное желание отблагодарить ее. «Не будь ее, я ни за что бы не узнал о существовании бомбоубежищ, я бы никогда не попал в этот лес... — думал Уихара. — Я не нашел бы банок с ипритом и никогда бы не увидел, как на солнечном пляже погибают люди, сожженные заживо...»

Да, он разбил отцу голову битой, сломал челюсть брату... Все это произошло не на залитом солнцем пляже, но все-таки Уихара удалось увидеть, как на его глазах умирают люди. Они умирали не от ожогов, но зато на их лицах выростали пузыри размером с мяч. И только благодаря тому фильму, что показала старуха, он смог сохранить хладнокровие при виде таких ужасов. В фильме показывалось прошлое, но обращен он был в будущее... И этот шум в ушах, вероятно, был не чем иным, как сигналом, который подавал ему червь хослокатерия, и сигнал этот означал: «Не забудь!»

Уихара шел по платформе вокзала Синдзуку с банкой колы в руке и пил на ходу. Шагая по ровному асфальту, он испытывал неизъяснимое наслаждение. Ему не нужно было думать, куда поставить ногу, как крепче ухватиться за ветку, чтобы не полететь вверх тормашками. Лестничные ступеньки не грозили обвалиться под ним, и даже пол в подземном переходе давал ему ощущение надежности и безопасности.

Бесконечные туннели подземных переходов были наполнены светом. На стенах переливалась огнями реклама. В стеклянных витринах мелькали силуэты прохожих. Люди спешили, бежали, толкали друг друга. Ежесекундно раздавались объявления о прибытии и отправлении поездов. Холодно поблескивали металлические ящики камеры хранения. Интерьер здесь немного оживляла картина, изображавшая лавандовые поля на Хоккайдо.

Уихара брел вдоль светящейся стены, волоча за собой рюкзак. На него никто не обращал ни малейшего внимания. В одном из ответвлений, ведущем к эскалаторам, он наткнулся на группу подростков. Зачем они тут стояли? Что делали? Одинаково одетые, с одинаковыми прическами... Даже их смех казался монотонным и однообразным.

Коридоры то пустели, то вновь наполнялись народом. Пассажиры торопились на поезд, то и дело поглядывая на часы. Некоторые неожиданно останавливались посередине лестницы и прикладывали к уху мобильный телефон.

Уихара допил свою колу, поставил пустую банку на пол и подумал: «А ведь точно так же я мог оставить здесь емкость с ипритом». В подземных переходах всегда тепло, даже зимой. Потоками воздуха газ легко разнесет по коридорам. Нужно всего лишь отвинтить крышку, бросить жестянку и преспокойно удалиться. А когда все закончится, можно будет вернуться и посмотреть на покрытые язвами и пузырями тела. У Уихара сложилось впечатление, что многие из прохожих сами бы охотно сделали то же... С рекламного плаката на него смотрела белая женщина. В канавках у стен скапливалась зловонная жидкость, отливавшая всеми цветами радуги. На полу были крупно намалеваны стрелки, названия магазинов и кафе. От надписи «Вам сюда!» тянулись стилизованные изображения человеческих ступней. Одна из стрелок указывала на цифры «4 25"». Другая упиралась в дверь вокзального ресторана. Уихара только сейчас понял, что весь вокзал был буквально исчерчен всевозможными стрелками и указателями направления.

На западе догорала вечерняя заря. В стеклянных стенах небоскребов отражалось темнеющее небо и неоновые огни улиц. Перед выходом из здания вокзала выстроились в ряд огромные щиты с киноафишей, где на фоне мчащегося локомотива коварно улыбалась красотка в черных очках с пистолетом в руке. Позади красотки был изображен мужчина, изо рта которого вытекала тоненькая струйка крови.

Уихара вышел на привокзальную площадь и обомлел. Какой-то тип, обнажив руку, водил по ней лезвием бритвы. Другой тип старательно втыкал себе в язык булавки. В ногах фокусников лежала кепка. Уихара видел, как кто-то бросил в нее монету в сто иен. Тот, который забавлялся булавками, что-то сказал своему поделельнику по-английски (ребята эти были то ли европейцами, то ли американцами). Потом взглянул на Уихара и воткнул себе в язык четвертую булавку. У типа были голубые ясные глаза, круглые, словно стеклянные шарики.

Казалось, что в центре города толпа движется беспорядочно, но это была чистая иллюзия. Между домами задувал сильный ветер, унося с собой последнее тепло. Сколько прошло с того дня, как Уихара убил

своего отца? Двое суток? Уихара задумался. Ну, во всяком случае не больше месяца. Уихара давно выбросил старые брюки, на которых запеклась кровь, и успел забыть характерный запах сушеной рыбы, что издавали прилипшие к ним кусочки мозгового вещества.

Интересно, нашел ли уже кто-нибудь спрятанные в опилках трупы? Конечно, полиция их быстро опознает, даже если они успели разложиться. А смогут ли полицейские найти ту пещеру, когда поймут, что эти люди были отравлены ипритом? «Нет, никому не найти место, куда я спрятал костюм, — думал Уихара. — Да и вряд ли кому-нибудь удастся перелезть через поваленное дерево... А найти щель и спуститься в бомбоубежище — и вовсе невысказанное дело. Да и у кого хватит фантазии вообразить, что кто-то мог совершить такое? Свидетелей можно пересчитать по пальцам...» Их было всего трое — старуха с распухшей ногой, хозяин оружейного магазина да официантка из кафе «Мадемуазель». А те трое из «Интер-Био» уже никому ничего не расскажут...

Давно стемнело, но путь Уихара освещал Поток, который указал ему червь хослокатерия. Он напоминал ему ручей на склоне холма. Его источник никогда не иссякнет. «Мать, наверное, уже предупредила полицейских. Она должна была это сделать, если отец действительно мертв...» Уихара попытался прикинуть, что предпримет полиция, чтобы найти его. Никто не знал, что он отправился на поиски бомбоубежища в парк Мицукубо. Парни из «Интер-Био» мертвы... Кто может представить себе, что можно прожить несколько дней в лесу? Уихара был свободен и мог спрятаться теперь где угодно. Он мог просто шататься по улицам района Синдзуку, и никто не обратит на него внимания. Его наверняка будут ждать на квартире... но он туда и не думал возвращаться. Рюкзак, в конце концов, можно где-нибудь оставить, хотя и с ним Уихара не возбуждал никакого подозрения. Мало ли на улицах Токио парней с рюкзаками? Может быть, он возвращается после загородной прогулки... Всем наплевать. Так что шанс найти здесь человека один из десяти миллионов.

Да, он действительно мог идти куда угодно. В гостиницу, в сауну, в публичный дом... «Можно отправиться к той старухе, что угощала меня шоколадом... Я могу рассказать про жестянки с ипритом продавцу из оружейного магазина в Уэно. Сто пудов, он оставит меня ночевать у себя. Да и та девчонка из кафе с удовольствием послушала бы о том, что произошло в мастерской... А потом я сниму квартиру. Я пошлю кассету Йосико Сакагами, и она примчится по первому моему слову...» От мысли, что можно раствориться в толпе и исчезнуть, у Уихара потеплело на душе. Кстати, в парке Мицукубо должны быть, наверное, еще бомбоубежища. И в них наверняка найдется что-нибудь почище иприта. К тому же у него есть защитный костюм. Мало кто догадывается, что такая вещь может пригодиться в любой момент. Уихара вспомнил фильм, который показала ему старуха. Это было наглядное свидетельство того, что происходило когда-то, но может случиться и теперь. В любой день, в любую минуту. Даже эти умники из «Интер-Био» не смогли додуматься до такого.

«Ай да я, ай да молодец!» — рассмеялся про себя Уихара. Он остановился перед светофором — зеленый свет замигал и переключился на красный. Справа Уихара мог видеть, как перед витриной компьютерного магазина толпится народ. Люди брали в руки мобильные телефоны, подносили их к уху, заглядывали в объективы фотоаппаратов и телекамер, а вокруг сновали продавцы и давали пояснения. Людей было так много, что Уихара не удавалось различить отдельные фигуры. Люди входили внутрь, выходили обратно на улицу, проходили мимо Уихара, но для него они оставались однородной массой. В толпе выделялась только одна девушка. Несмотря на холод, на ней было только коротенькое платье да туфли на высоченных каблуках. Некоторые из прохожих останавливались и смотрели ей вслед.

Только отринув тщету этого мира, Уихара мог видеть жизнь во всех ее мельчайших подробностях. Зажатые в рамках общественных отношений люди переставали понимать смысл своего существования. Уихара не знал, правильно ли он поступил, запершись от остального мира. Просто у него не было выбора. Если бы он жил как все, то никогда

бы не познакомился с удивительной старухой, не увидел бы жутких сцен войны, не понял бы ничего о бомбоубежищах... Его жизнь стала подобна воде в том ручье. Истина вытекала из потайных родников, ее течение было вечным. Реальность была уделом живого человека, а не этого скопища ходячих мертвецов. Только избранный мог узреть Вселенский Поток. Найдя свой Путь, уже невозможно свернуть с него.

На огромном электронном экране, укрепленном на фасаде одного из зданий, возник величавый европейский замок. В следующее мгновение перед взором Уихара открылся зал необъятных размеров, заполненный танцующими парами. Звуки вальса смешались с уличным шумом...

Уихара огляделся и снова увидел множество стрел и стрелочек, направлявших толпу. Казалось, их никто не замечал, но тем не менее люди безотчетно подчинялись их указаниям. Должно быть, эти стрелки сделались частью бессознательного у каждого жителя города. Такие указатели постоянно впиваются в мозг, когда человек, например, смотрит телевизор или болтает со своей сестрой... Избавиться от них почти невозможно. Чтобы снова стать самим собой, нужно уметь сопротивляться, но теперь этому не учат.

Люди шли, не смея отклониться от заданного направления. Неподчинение считалось преступлением, за которое назначались те или иные наказания. Человека могли высмеять...

На противоположной стороне улицы образовалась порядочная толпа. Наконец светофор мигнул зеленым, и люди бросились туда, куда указывала им очередная стрелка. Точнее, не люди, а пешки на огромной шахматной доске. Следовать указаниям и правилам доставляет им ни с чем несравнимое удовольствие и ощущение безопасности.

Перед глазами Уихара замелькали крашенные блондинки, дорогие серьги, мобильные телефоны, черные очки, меха, бутылки с минеральной водой... На время он растворится в этой массе. Ему многое нужно сделать. Во-первых, надо послать кассету Йосико Сакагами. Неплохо бы найти покупателя, которому можно будет продать иприт. А когда эта история забудется, Уихара вернется в лес... По пути можно

будет завернуть к старухе на огонек. Он обязательно встретится с девушкой из кафе «Мадемуазель». Когда-нибудь он сможет рассказать ей все... Уихара представил себе, как на прелестном личике Йосико Сакагами вырастают пузыри величиной с теннисный мяч. Она будет кричать и рыдать от ужаса, а он объяснит ей, что во всем виновата только она сама. Ее веки превратятся в такие же шары, как у Сигехара. «Смотри, на твоём лице возникает новая планета!» — воскликнет он тогда. Потому что если ей не объяснить хорошенько, то она, пожалуй, и не поймет, что эти пузыри на самом деле являются планетами.

Загорелся зеленый свет, и Уихара шагнул с тротуара. Толпа мгновенно поглотила его. Он поднял голову и между громадами небоскребов увидел Поток. Он указывал Уихара в будущее, куда вел его червь хослокатерия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Заканчивая последнюю главу романа, я размышлял о значении слова «надежда». Раньше мне не приходилось задумываться над подобными вещами.

В современной Японии принято считать, что само понятие «надежда» — явление отмирающее. Надеяться можно, только если ты попал в трудное положение и тебе хочется верить, что завтра будет лучше, чем вчера. Ожидание, вера в лучшие времена присущи всем заключенным, узникам лагерей и вообще любому угнетенному человеку. Этот вопрос никогда не стоит перед представителями правящих классов или диктаторами. Больше всех надеются дети, ибо живут будущим.

Проблема нынешнего японского общества заключается в том, что оно не принимает реальность такой, какая она есть на самом деле. А для государства, которое не может адекватно оценивать свое настоящее, нет и будущего.

Иными словами, на наших глазах заканчивается целый исторический период, когда надежда на лучшее была краеугольным камнем общественного сознания. Отказываясь от этого понятия, общество теряет свою защитную функцию. Надежда становится личной

проблемой каждого человека. Мы погрязли во лжи и заменяем веру риторикой.

Возможно, тот, кто сознательно отрекается от мира, в действительности стремится избавиться от этой лжи.

Рю Мураками